This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОЧЕРКИ РОССІИ

Издаваемые

Вадимомъ Пассекомъ

КНИГА III.

1840.

Ф/54/43321
Passek, V.V.

ОЧЕРКИ

РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА IV.

МОСКВА.
въ типографіи Н. Степанова.
1840.

ГК

DK25
P36
v3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Маія 14 дня 1840 года.

Цензоръ, *М. Каченовскій.*

КАРЛЪ XII.

Приступая къ изображенію Петра Великаго какъ Полководца, необходимо сдѣлать очеркъ Карла XII; притомъ, Карлъ XII какъ соперникъ преобразователя Россіи, имѣетъ у насъ народный интересъ.

Когда опредѣлится значеніе героя Сѣверной войны и героя Швеціи, тогда откроется само собою превосходство Петра надъ Карломъ.

ГЛАВА I.

Въ 1699 году Польша и Данія вступили въ тайный союзъ для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій противъ Швеціи; къ нему приступила и Россія, съ условіемъ не начинать войны раньше заключеніе мира съ Турціей. Всѣ три государства имѣли въ виду уничтожить преобладаніе Швеціи на сѣверѣ: но были и болѣе ближайшія побужденія у каждаго изъ нихъ. Петръ I хотѣлъ обладать частію береговъ Балтійскаго моря, чтобъ войти въ тѣснѣйшія отношенія съ Европою Августъ, удержаніемъ войскъ Саксонскихъ въ Польшѣ, подъ предлогомъ

войны, и стяжаніемъ славы думалъ прочнѣе утвердиться на Польскомъ престолѣ; а Данія уничиженіемъ Швеціи желала удовлетворить народной враждѣ. Сверхъ прежнихъ побужденій къ враждѣ между Даніею и Швеціею, присоединилась новая и довольно сильная. Герцогство Голштинское принадлежало Даніи и поступило во владѣніе меньшей линіи Датскаго Короля Фридриха I въ 1533 году. Съ тѣхъ поръ постоянной политикой Даніи было возвращеніе Голштиніи; а владѣтели ея, для безопасности своей, искали дружбы, или лучше, покровительства Швеціи, и даже вступили въ родство съ Шведскимъ Домомъ: сестра Карла XII была за мужемъ за Фридрихомъ, тогдашнимъ Герцогомъ Голштиніи.

Польскій Король первый началъ непріятельскія дѣйствія въ исходѣ 1699 г., безъ объявленія войны. Саксонскія войска хотѣли хитростію захватить Ригу, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторыхъ обывателей города; но заговоръ открылся и намѣреніе не удалось. Потомъ, Саксонскія войска вступили въ Лифляндію, какъ будто для возвращенія своихъ дезертёровъ, и овладѣли 25-го Марта 1700 года Динамюндомъ. Въ это же время, 20 Марта, Датскій Король вторгнулся въ Голштинію, овладѣлъ замкомъ Готторпскимъ и осадилъ Тоннингенъ. Герцогъ Голштинскій удалился въ Швецію и просилъ защиты у союзника и зятя своего Карла XII. Юный, но гордый Король Шведскій, считая себя оскорбленнымъ въ лицѣ зятя, со всею пылкостію принялъ на себя защиту Герцога. Открылся случай удовлетворить всѣмъ страстямъ, всѣмъ побужденіямъ 18-ти лѣтняго Короля:

враждѣ народной, личной ненависти и жаждѣ души, искавшей славы. И онъ устремился со всею дѣятельностію къ исполненію своего намѣренія.

Все было готово къ высадкѣ въ Данію; между тѣмъ Саксонцы уже въ Апрѣлѣ потерпѣли сильное пораженіе около Риги и принуждены были возвратиться на лѣвый берегъ Двины. Только въ Іюнѣ начались настоящія военныя дѣйствія со стороны Августа Польскаго Короля. Въ Іюнѣ онъ прибылъ самъ въ Лифляндію съ значительными подкрѣпленіями и осадилъ Ригу. Но неудачи заставили снять ее; а Карлъ XII, уже въ началѣ Мая, съ 15 т. отправился изъ Карльскроны къ берегамъ Зеландіи и сдѣлавъ высадку, осадилъ Копенгагенъ. Смѣлость и рѣшительность Карла имѣли полный успѣхъ.(1) Устрашенный Фридрихъ IV отказался отъ требованій своихъ на Голштинію, и заключилъ, 18 Августа, въ Травендалѣ миръ. Едва освободилась Швеція отъ одного соперника, какъ открылся другой гораздо опаснѣйшій: Петръ I-й объявилъ войну 19 Августа и немедленно двинулъ изъ Москвы къ Новгороду армію свою. Въ Сентябрѣ она уже выступила изъ Новгорода къ Нарвѣ, и 9 числа корпусъ Трубецкаго обложилъ крѣпость. * Остальная ее часть прибыла къ 1-му Октябрю.

Карлъ XII, кончивъ дѣла въ Даніи, отправился съ 20 т. войскъ къ берегамъ Эстляндіи, и высадившись въ Перновѣ, 6 Октября узналъ о стѣсненіи Нарвы, а потому немедленно и двинулся

* Для поспѣшности войска были везены на подводахъ.

къ ней *. Русская армія, въ числѣ 38 т., находилась подъ начальствомъ Герцога де-Кроа, и большей части иностранныхъ Генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ весьма немногіе умѣли говорить по-Русски. Солдаты не имѣли къ своимъ начальникамъ никакой довѣренности, и не могли имѣть, потому что не понимали другъ друга. На военномъ совѣтѣ, собранномъ при приближеніи Шведовъ, Шереметевъ предложилъ вытти на встрѣчу непріятеля, и пользуясь превосходствомъ въ числѣ, атаковать его съ фронта и фланговъ; но Герцогъ нашелъ лучшимъ ожидать нападенія за контръ-валляціонною линіею, растянутою на семь верстъ. Для отраженія непріятеля, онъ расположилъ войска наши въ двѣ линіи: первая, въ одну шеренгу стала вдоль вала, солдатъ отъ солдата на разстояніи сажени, а вторая, состоящая изъ малыхъ резервовъ, расположилась въ значительномъ удаленіи отъ вала.

Карлъ XII, построивъ всю пѣхоту въ три колонны и прикрывъ фланги ихъ кавалерійскими, двинулся подъ прикрытіемъ огня сильныхъ батарей ** противъ средины нашихъ укрѣпленій; а самый центръ, гдѣ устроена была крѣпостца, послалъ штурмовать два батальона пѣхоты и пятьдесятъ гренадеръ.

* Карлъ сначала имѣлъ намѣреніе идти противъ Августа; но узнавъ объ его отступленіи, послѣ неудачнаго покушенія въ Іюнѣ мѣсяцѣ, противъ Риги, рѣшился обратиться противъ Русскихъ.

** Для поддержанія праваго фланга была поставлена батарея въ семнадцать орудій, а лѣваго, въ двадцать одно орудіе (Бутурлинъ Т. I).

Сомнительно чтобъ и лучшія распоряженія, нежели какіе сдѣлалъ Герцогъ де-Кроа для защиты растянутой на семь верстъ укрѣпленной линіи, имѣли успѣхъ противъ сосредоточенныхъ дѣйствій Карла XII; а по распоряженію де-Кроа, Шведы вошли безпрепятственно на наши укрѣпленія. Впрочемъ, этому способствовали два обстоятельства: 1-е, мятель, которая несла снѣгъ прямо въ глаза Русскимъ, такъ что Шведовъ увидѣли, можно сказать, только на валу; а 2-е, резервы, вмѣсто того, чтобъ обратиться на помощь первой линіи, съ крикомъ: *измѣна*, бросились на своихъ начальниковъ — Нѣмцовъ. *

Разорвавъ въ центрѣ Русскую армію, Шведы, подъ начальствомъ Рейншильда, обратились противъ праваго фланга ея: а подъ начальствомъ Веллинга противъ лѣваго. Единственный мостъ, черезъ Нарву устроенный, за правымъ флангомъ разорвался отъ тяжести бѣгущихъ, и казалось, онъ подвергался совершенному истребленію. Но самая опасность вызвала природное мужество Русскихъ; полки: Преображенскій, Семеновскій, и полкъ Лимы отбили нѣсколько стремительныхъ атакъ самаго Короля Шведскаго, и не только спасли все крыло отъ истребленія, но и заставили Карла XII вспомнить объ опасности, какой онъ подвергался, находясь заключеннымъ между крыльями Русской арміи **. Вотъ первый плодъ потѣхъ юноши-

* Бутурлина В. И. П. Р. въ XVIII столѣтіи. Т. I. ст. 51.

** Г. Веллингъ, замѣтивъ рѣшимость Русскихъ сдѣлать отчаянное сопротивленіе, не рѣшился атаковать ихъ лѣваго крыла, приперто къ рѣкѣ Наровѣ.

Петра въ селѣ Преображенскомъ. Всю ночь Шведы простояли подъ ружьемъ, а на другой день Карлъ XII согласился, чтобъ Русскіе устроили мостъ и безпрепятственно удалились отъ Нарвы, оставивъ свою артиллерію. Но когда правый флангъ переправился, и для Карла XII опасность миновалась, онъ воспользовался выгоднымъ своимъ положеніемъ противъ лѣваго фланга, проходящаго мимо его арміи, и заставилъ его оставить знамена, оружіе, и объявилъ военноплѣнными всѣхъ Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ лагерь по заключеніи условія.

Освободивъ Нарву, Шведская армія двинулась въ Лифляндію, и около Дерпта расположилась на зимнихъ квартирахъ. Бездѣятельныя покушенія Августа противъ Риги не возбуждали воинской дѣятельности Карла, не представляли пищи для души его, жаждущей славы.

Назначивъ 6 т. для прикрытія Ингерманландіи, 8 т. для защиты Финляндіи, самъ Король, въ Іюнѣ 1701 года, съ 25 т. двинулся противъ Саксонцевъ, находившихся на Двинѣ около Кокенгузена. Двигаясь прямо на Кокенгузенъ, Карлъ XII заставилъ думать, что хочетъ сдѣлать переправу въ этомъ пунктѣ, и, собразно такому мнѣнію, Фельдмаршалъ Штейнау сдѣлалъ распоряженіе чтобъ воспрепятствовать переправѣ Шведовъ около Кокенгузена; но Карлъ XII, послѣ фланговаго движенія на Ригу, остановился на 3 дни, сдѣлавъ только 2 перехода, и тѣмъ открылъ Штейнау настоящее свое намѣреніе и далъ время предупредить его у Риги.

Къ счастію Карла, Штейнау не воспользовался временемъ для сосредоточенія войскъ около Риги, находившихся отъ нея въ трехъ переходахъ, а своими распоряженіями во время переправы способствовалъ успѣшнымъ дѣйствіямъ Шведовъ.

Фельдмаршалъ Штейнау, узнавъ 5 Іюля, о движеніи Карла XII къ Ригѣ, вышелъ изъ Кокенгузена только съ 900 кавалеріи на помощь войскамъ, расположеннымъ противъ Риги, а остальнымъ Саксонскимъ войскамъ 860 человѣкамъ пѣхоты и 300 кавалеріи, также 10-ти полкамъ Русской пѣхоты, всего болѣе 11 т., велѣлъ двигаться постепенно за собою, такъ что Русскіе вышли только 7 Іюля. Между тѣмъ Король 8 числа ночью посадилъ: драбантовъ, 100 рейтаровъ конной гвардіи, 100 лейбъ-драгуновъ и 12 батальоновъ пѣхоты на приготовленныя суда, и менѣе нежели въ $\frac{3}{4}$ часа переправилъ ихъ на лѣвый берегъ Двины, подъ прикрытіемъ огня собственной и крѣпостной артиллеріи и подъ защитою паромовъ и канонерскихъ лодокъ. Сдѣлавъ переправу, Карлъ XII немедленно построилъ ихъ въ боевой порядокъ, и для вѣрнаго удержанія позиціи, въ ожиданіи остальныхъ войскъ, прикрылъ фронтъ рогатками, а фланги кавалеріею. Штейнау, пропустивъ время атаковать ихъ еще не устроившихся, тщетно употреблялъ всѣ усилія сбить Шведовъ, и наконецъ принужденъ былъ отступить съ потерею 36 пушекъ, 2500 убитыхъ и раненыхъ.

Овладѣвъ переправою, Карлъ XII преслѣдовалъ союзниковъ до границы Литвы. Штейнау отступилъ

къ Ковно; Русскіе къ предѣламъ Россіи; а Карлъ, желая склонить на свою сторону Поляковъ, и тѣмъ вѣрнѣе низложить Августа, согласился не нарушать неприкосновенности республики своимъ вступленіемъ въ ея владѣнія, и расположился въ Курляндіи на зимнія квартиры. Тѣмъ кончился второй годъ Сѣверной войны.

Въ это время въ Литвѣ было двѣ партіи—Огинскаго и Сапѣги, враждующія между собою. Сапѣга, сильно стѣсненный Огинскимъ, просилъ помощи у Карла XII. Король Шведскій послалъ ему вспоможеніе и даже самъ, въ Декабрѣ, дѣлалъ наѣздъ въ Литву противъ Огинскаго, въ то самое время, какъ Шереметевъ, при Эррестферѣ, разбилъ на голову корпусъ Шлиппенбаха. Это нападеніе на Шлиппенбаха Русскими, было сдѣлано четыре мѣсяца спустя послѣ неудачнаго ихъ вступленія въ Лифляндію, гдѣ главныя силы Шереметьева не участвовали. Карлъ, довольный тогда удачнымъ отраженіемъ Русскихъ, слабо подкрѣпилъ Шлиппенбаха и не принялъ дальнѣйшихъ мѣръ къ защищенію всего приморскаго края. Онъ дѣйствовалъ какъ будто не зная громадности Россіи, обратившей свои усилія противъ при-Балтійскихъ провинцій Швеціи; даже послѣ пораженія Шлиппенбаха, Карлъ, занимаясь, Польшей, не принялъ дѣятельныхъ мѣръ къ защитѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи.

Многіе убѣждены, что дѣйствія Карла XII въ первые 2-а года войны, были основаны на геніальныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, и полагаютъ, что

онъ избалованный счастіемъ, сдѣлался самонадѣяннымъ, и потому впослѣдствіи впадалъ въ ошибки.

Дѣйствительно, успѣхи, но только успѣхи случайные, дѣйствуютъ гибельно на душу человѣка; основанные же на геніяльности, болѣе благодѣтельны для души, чѣмъ вредны: Александръ Великій и Наполеонъ неопровержимые тому примѣры. И начало сѣверной войны ни сколько не доказываетъ стратигической геніяльности Карла XII; успѣхи его были точно случайные, и вовсе неоснованные на стратегическихъ соображеніяхъ

Всѣхъ изумляютъ результаты двухъ лѣтъ Сѣверной войны. Данія отказывается отъ своихъ требованій и оставляетъ союзъ; Русскія войска разбиты и Швеція на долго обезпечена со стороны Россіи; Саксонскія войска опрокинуты въ предѣлы республики и Поляки готовы приступить къ избранію новаго Короля. Изумленіе къ результатамъ придаетъ важность дѣйствіямъ Карла XII. Случайные успѣхи, пріобрѣтаемые имъ, какіе пріобрѣтаютъ великіе полководцы, заставляютъ ложно придавать геніяльность соображеніямъ Карла XII.

Нельзя и полагать, чтобъ онъ, пользуясь удаленіемъ войскъ Датскихъ въ Голштинію, имѣлъ въ виду: обратить первые удары на Данію, и освободясь отъ одного врага, вѣрнѣе дѣйствовать противъ Польши и Россіи. Разсмотрѣвъ факты, дѣлается яснымъ, что страсти Карла XII занимали первое мѣсто при нападеніи на Копенгагенъ. Притомъ,

когда Король Шведскій устремился къ исполненію своего предпріятія для наказанія Даніи, со всѣмъ жаромъ раздражительной и жаждущей славы души: Король Августъ не приступалъ еще къ настоящимъ дѣйствіямъ; а покушенія Саксонскихъ войскъ были неважны, неудачны и по значительному удаленію отъ Стокгольма, не обращали на себя большаго вниманія Карла. Наконецъ Россія еще не объявляла войны, и Данія, можно сказать, была единственнымъ непріятелемъ Швеціи. (2)

И нельзя согласиться, что Карлъ XII послѣ Травендальскаго мира, имѣлъ въ виду стратигическія соображенія: обратиться сперва противъ Русскихъ, чтобы, освободясь надолго отъ нихъ, имѣть болѣе возможности низложить Августа; а потомъ, со всѣми средствами и силами дѣйствовать противъ самаго сильнаго союзника — Петра I. Извѣстно, что не стратегическія соображенія, но опасность, угрожавшая Нарвѣ, заставила Короля обратиться сперва противъ Русскихъ. Притомъ, когда Русскіе стѣсняли Нарву, Августъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія Карла. А можно сказать утвердительно, что всегда предметомъ дѣйствій Карла XII была не цѣль стратегическая, но цѣль возбуждающая его страсти, которая большею частію заключалась въ арміи противника. Впрочемъ, были случаи, гдѣ онъ забывалъ и армію, увлекаясь ничтожными страстями.

Далѣе, весьма естественно, что Карлъ XII, изъ Дерпта, въ 1701 году, обратился къ Ригѣ противъ Саксонцевъ, потому что Русская армія какъ бы не

существовала, а Ригѣ угрожала опасность. Оттѣснивши же до Литвы Штейнау, первая и весьма естественная мысль, какая могла родиться: это мысль, требовать отъ республики, чтобъ она избрала новаго Короля; потому что просьба сейма, не вступать во владѣніе Республики, основывалась на томъ, что не Республика, а Августъ съ своими войсками ведетъ войну противъ Швеціи. Но достаточно было Карлу XII пожелать однажды чего нибудь, чтобъ устремиться со всею пылкостію къ достиженію желаемаго, забывая обо всемъ, гораздо важнѣйшемъ, и первымъ плодомъ этого недостатка было пораженіе Шведовъ при Эррестферѣ.

Пока стратегическія цѣли совпадали съ цѣлію страстей Карла XII, до тѣхъ поръ дѣйствія его заслуживаютъ похвалы военныхъ писателей, какъ слѣдствіе стратегическихъ соображеній; а только разошлись эти цѣли, т. е. съ 1702 года—и сдѣлалась ясна его необсудительность на театрѣ войны: писатели удивляются, не узнаютъ прежняго Карла, и обвиняютъ счастіе, которое испортило такого великаго полководца, какимъ онъ явился въ началѣ Сѣверной войны. Но Карлъ XII въ концѣ Сѣверной войны былъ тѣмъ же, чѣмъ явился въ началѣ. Даже трудность войны противъ Петра I, которую весьма хорошо понялъ Карлъ, не вызвала его стратегической геніяльности. Но изложеніе послѣдующихъ событій сдѣлаетъ яснѣе эти заключенія.

ГЛАВА II.

Въ Мартѣ 1702 года Карлъ XII занялъ Самогитію, чтобъ прекратить набѣги Огинскаго и тѣмъ наказать Поляковъ за несговорчивость на избраніе новаго Короля. Когда же Сеймъ потребовалъ уплаты за собранную реквизицію въ Самогитіи, Карлъ XII двинулся къ Варшавѣ и занялъ ее безъ сопротивленія, 15 Мая. Августъ удалился въ Краковъ, имѣя у себя уже до 11 т. Саксонскихъ войскъ.

Чѣмъ оправдать остановку Карла XII? (3) Ему была извѣстна неосновательность, медленность, неединодушіе Поляковъ въ общественныхъ дѣлахъ, особенно при избраніи Королей. Онъ зналъ, что они цѣлые годы проводили въ междоусобіяхъ; а въ послѣднее время не иначе Сеймъ рѣшался на избраніе, какъ по сильнѣйшему внѣшнему вліянію: при избраніи Августа были двинуты Петромъ I Русскія войска къ Польскимъ границамъ. Карлъ же, оставаясь на границѣ, совершенно не могъ надѣяться на избраніе новаго Короля, когда Августъ занималъ Варшаву и Польшу Саксонскими войсками. Имѣя 20 т, Шведовъ (4), Карлъ XII не могъ нуждаться въ подкрѣпленіяхъ (5) для наступательныхъ дѣйствій противъ Саксонцевъ, только что разбитыхъ имъ, между тѣмъ, какъ Польша и не могла участвовать въ войнѣ, не имѣя вовсе устроенныхъ войскъ. И въ 1702 г., по недостатку денегъ не могла выставить коронной арміи. Быстрое же наступленіе, по духу По-

ляковъ, немедленно рѣшило бы участь Польши, Карлъ XII для этого имѣлъ примѣръ Карла X [6]; но онъ успокоился лестными обѣщаніями Поляковъ, и тогда только двинулся на Варшаву, когда былъ раздраженъ требованіями Сейма объ уплатѣ реквизиціи. А между тѣмъ далъ Августу усилиться до 20 т., изъ которыхъ 8 т. еще находились въ Саксоніи [7].

Двинувшись на Варшаву, Карлъ XII собралъ гарнизоны Курляндіи въ одинъ корпусъ и отдалъ его подъ начальство Стюарта. Объ основаніи дѣйствія и прочномъ сообщеніи съ Швеціею и ея провинціями, Карлъ XII вовсе не заботился — характеръ Польши допускалъ подобныя дѣйствія; но Карлъ XII дѣлалъ это не основывая на характерѣ народа: походъ его на Россію подтверждаетъ мои слова.

Скоро Карлъ убѣдился въ робости Сейма, объявить себя противъ Августа, имѣвшаго въ Польшѣ сильную армію, и потому двинулся въ Краковъ, чтобъ истребить его силы. [8] Послѣ дѣла при Клишовѣ, 9 Іюля, Карлъ XII взялъ Краковъ; Августъ же, присоединивши 8 т. пришедшихъ изъ Саксоніи и пользуясь беззащитностію Варшавы, снова занялъ ее. Простоявъ въ Краковѣ до Сентября мѣсяца, Шведская армія наконецъ двинулась къ Люблину, гдѣ было 12 т. Польскаго сброду, которые по приближеніи Шведовъ и ушли къ Лембергу, а Шведы заняли квартиры около Люблина. При движеніи изъ Кракова къ Люблину, Карлъ XII

отправилъ Рейншильда, чтобъ вытѣснить Августа изъ Варшавы и дѣйствовать на сеймъ, собранный приверженцами Карла XII. Августъ безъ боя удалился къ Торну, а сеймъ не согласился на требованія Карла.

Между тѣмъ Шереметевъ въ Іюлѣ разбилъ Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ около Дерпта, и взявъ Маріенбургъ, возвратился въ Псковъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ Апраксинъ одержалъ поверхность надъ Г. Кронгіортомъ, прикрывавшимъ Ингерманландію; а въ Сентябрѣ, Петръ, возвратившись изъ Архангельска, стянулъ главныя силы Русской арміи къ Нотенбургу и 27-го приступилъ къ осадѣ, а 11 Октября, послѣ упорнаго штурма, крѣпость сдалась на капитуляцію и названа Шлиссельбургомъ. Въ Смоленскѣ велѣно было собраться войскамъ, чтобъ поддержать Огинскаго въ случаѣ надобности. Осенью, когда Г. Майдель увелъ на подкрѣпленіе Карла всѣ свои войска изъ Самогитіи, то Сапѣга, не имѣя средствъ сопротивляться Огинскому, получившему отъ Петра два полка стрѣльцовъ, послѣдовалъ за Майделемъ, имѣя отъ 2—3 т. И такимъ образомъ Карлъ самъ уничтожилъ свою партію въ Литвѣ.

Въ Мартѣ 1703 года Карлъ снова идетъ противъ Августа, разбиваетъ на походѣ отдѣльно стоявшую Саксонскую кавалерію въ Пултускѣ и осаждаетъ Торнъ, занятый Саксонскимъ гарнизономъ. Августъ имѣя предъ собою беззащитную Варшаву, съ остальными войсками двинулся къ ней и во второй разъ овладѣлъ Столицею (9). Послѣ раздѣленія ар-

міи Вишневецкаго, назначеннаго Августомъ для освобожденія Торна, Литовскія войска 6 т. съ Вишневецкимъ, въ Сентябрѣ, возвратились въ Литву; Польскія 3 т. ушли въ Люблинъ; Саксонскія до 5 т. въ Краковъ; Августъ же отправился въ Саксонію для ускоренія мѣръ къ продолженію войны. Карлъ XII, взявъ Торнъ въ концѣ Сентября, потомъ Данцигъ и Эльбингъ, срылъ укрѣпленія Торна и занялъ зимнія квартиры въ Польской Пруссіи.

Въ Апрѣлѣ, Русская армія была собрана при Шлиссельбургѣ, 23 числа двинулась къ Ніеншанцу, 27 началась осада, а 1 Марта крѣпость сдалась на капитуляцію. По неудобству мѣста и удаленію крѣпости отъ моря, укрѣпленія Ніеншанца были срыты, а на мѣсто ее, 16 Мая, на островѣ Лust-Эйландъ, заложили новую крѣпость — С. Петербургъ. Послѣ чего Русская армія, раздѣлившись на части, занялась работами въ Петербургѣ, въ Ямбургѣ, опустошеніемъ Эстляндіи и Лифляндіи, и оттѣсненіемъ Г. Кронгорта къ Выборгу.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, Огинскій потерпѣлъ пораженіе при Салатахъ, желая пресѣчь путь отступленія Левенгаупту. Огинскій, обезахоченный неудачей и ослабленный удаленіемъ Вишневецкаго съ главными силами Литовской арміи къ Августу, не предпринималъ ничего. Для подкрѣпленія партіи Огинскаго, 15 т. Малороссійскихъ казаковъ, въ Апрѣлѣ, пошли на соединеніе съ Халецкимъ, осаждавшимъ Быховъ на Днѣпрѣ, занятый партіею Сапѣги; а для большаго усиленія Огинскаго, Русскія войска

изъ Смоленска были посланы къ Быхову, который и сдался 8 Октября.

Хитростію Примаса Карлъ достигъ цѣли своей: въ начачѣ 1704 года Августъ былъ объявленъ неспособнымъ занимать Польскій престолъ. Оставалось довершить дѣло избраніемъ Короля, расположеннаго къ Шведамъ. Съ этой цѣлью Карлъ съ 34 т. двинулся къ Варшавѣ и расположился 29 Іюня въ окрестностяхъ ея; а 2 Іюля Станиславъ Лещинскій былъ объявленъ Королемъ Польши, согласно желанію Карла и къ общему неудовольствію Поляковъ. Между тѣмъ Августъ, принужденный Рейншильдомъ оставить Краковъ, въ началѣ года занялъ Сендомиръ, для сближенія съ Русскимъ корпусомъ, который шелъ ему въ помощь, и чтобъ имѣть возможность присоединить къ себѣ подкрѣпленія, шедшія изъ Саксоніи.

Кончивъ дѣла въ Варшавѣ и оставивъ въ ней гарнизонъ въ 1200 человѣкъ, Карлъ XII обратился противъ Августа. Соединившись съ Рейншильдомъ въ Сендомирѣ, Карлъ XII преслѣдовалъ Августа до Ярославля. Здѣсь отмщеніе Лембергу за отказъ въ контрибуціи отвлекло Карла отъ преслѣдованія Августа, и онъ, пользуясь этимъ, соединился съ Голицынымъ, двинулся на Варшаву, взялъ въ плѣнъ гарнизонъ Шведскій и овладѣлъ столицею въ третій разъ. Новый Король удалился въ Люблинъ; а Карлъ, узнавъ о приближеніи Мазепы, остался въ окрестностяхъ Лемберга, и только въ половинѣ Сентября двинулся противъ Августа, ус-

пѣвшаго соединиться съ Шуленбургомъ. 12 т. съ Г. Паткулемъ были отправлены для осады Познани *.

При приближеніи Карла XII къ Варшавѣ, Августъ, не сдѣлавъ покушенія затруднить переправу Шведовъ, которая производилась частію войскъ въ Прагѣ, а главными силами выше Варшавы, отступилъ къ Варшавѣ и приказалъ Паткулю снять осаду Познани. Преслѣдуемый Карломъ, Августъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части: одна, состоявшая изъ всей пѣхоты съ малымъ числомъ кавалеріи, подъ начальствомъ Шуленбурга, должна была прикрывать Саксонію, а другая, состоящая изъ остальной кавалеріи, двинулась съ Августомъ къ Кракову, съ цѣлію не утратить вліянія на Польшу и развлечь вниманіе Карла. Оттѣснивъ Шуленбурга за Одеръ, Шведская армія заняла, въ Силезіи, зимнія квартиры.

Петръ предполагалъ для поддержанія Короля Августа отправить Шереметева въ Польшу, но общее неудовольствіе Поляковъ за насильственное избраніе новаго Короля и медленность Карла, давая возможность усилиться Августу, заставили перемѣнить намѣреніе Петра. ** Шереметевъ съ 23 т. занялся оса-

* 4 т. Русской пѣхоты, 2 т. Саксонской кавалеріи, 3 т. Поляковъ и 3 т. казаковъ.

** Карлъ самъ возстановилъ противъ себя Поляковъ. Имѣя на своей сторонѣ Примаса, Великаго Гетмана Князя Любомирскаго и большую часть Магнатовъ Польши, нисколько не сообразовался съ духомъ народа, не думалъ соглашать выгоды Вельможъ Польскихъ съ своими и только по личному расположенію къ Стани-

дою Дерпта, которая и продолжалась два мѣсяца. 11 Іюля крѣпость сдалась на капитуляцію. Русская армія въ 25 т. осадила Нарву 15 Іюня. Въ концѣ Іюля Шереметевъ присоединился къ войскамъ, осаждавшимъ Нарву. 9 Августа крѣпость была взята штурмомъ. Шведы потеряли плѣнными и убитыми до 4 т. И сверхъ того Шлиппенбахъ, желавшій помочь Нарвѣ, потерпѣлъ пораженіе и потерялъ 1200, такъ, что весь корпусъ его состоялъ всего изъ 1400. Финляндія была прикрыта 3,800, въ Курляндіи находилось 4 т.; къ нимъ присоединился Сапѣга, возвратившійся въ Литву съ 4 т.

При Якобштатѣ, въ концѣ Іюля, Левенгауптъ разбилъ Огинскаго, который и удалился въ Русскій лагерь подъ Нарву. Петръ, желая возстановить партію Огинскаго, отправилъ Репнина въ Литву. Левенгауптъ отступилъ, въ Сентябрѣ, къ границамъ Курляндіи, а потомъ къ Митавѣ, а Огинскій, сдѣлавъ поискъ противъ Сапѣги, въ Ноябрѣ овладѣлъ всею Самогитіею.

Въ началѣ 1705 года, кавалерія Августа, вытѣсненная изъ Кракова Шведами, удалилась къ Бресту Литовскому, а самъ онъ отправился въ Дрезденъ для усиленія обороны Саксоніи. Только 10 т. Саксонскихъ и 6 т. Русскихъ войскъ прикрывали ее, и можно сказать, что она была беззащитна предъ побѣдоносною арміею Карла XII; но онъ занимался коронованіемъ Станислава, которое льстило его са-

славу Лещинскому, молодому воеводѣ Познанскому, рѣшился доставить ему корону Польскую, противъ желанія Поляковъ. (Голик. часть II, стр. 141—151. Бутурлинъ Т. I. стр. 217—222.

молюбію; и не думалъ о рѣшительномъ низложеніи Августа. Такъ прошла половина 1705 года.

Между тѣмъ въ Іюнѣ Петръ собралъ армію въ Полоцкѣ, сдѣлалъ покушенія противъ Левенгаупта, и овладѣвъ Курляндіей, двинулся со всею арміей къ Гродно, которую и занялъ 10-го Сентября. Въ Гродно присоединилъ къ Русскимъ Саксонскія и Литовскія войска (10). Дѣйствія Русской арміи заняли* вниманіе Карла, и онъ, оставивъ Г. Реншильда съ 12 т. для прикрытія Силезіи, самъ съ 30 т., 29-го Іюля, выступилъ изъ Равича, на границахъ Саксоніи, чтобъ встрѣтить Русскихъ въ Польшѣ, и расположился около Блони, гдѣ присоединилось къ нему 10 т. Поляковъ, которыхъ онъ употребилъ для прикрытія Варшавы, противъ $6\frac{1}{2}$ т. Саксонцевъ и Поляковъ, находившихся у рѣки Наревы. Съ наступленіемъ морозовъ, Карлъ XII, усиленными переходами, поспѣшилъ къ Гродно. Обошедъ Тикочинъ, передовый пунктъ Русскаго расположенія, переправился чрезъ Нѣманъ по льду и сталъ на сообщеніяхъ Русской арміи съ Россіею. Опасаясь, чтобъ она не отступила безъ боя, Карлъ не атаковалъ ее съ фронта, имѣя полную возможность нанести ей значительный уронъ. Занявъ сообщенія Русскихъ, Карлъ надѣялся принудить ихъ вступить въ генеральное сраженіе, и тѣмъ наказать ее за смѣлое наступленіе. Не смотря на превосходство въ числѣ Русской предъ Шведскою арміею, * она осталась въ лагерѣ какъ

* Русскихъ было болѣе 30 т. — 4-полка драгунъ увелъ съ собою Августъ; остальная кавалерія, не успѣвъ присоединиться къ арміи при Гродно, ушла съ Княземъ Меньшиковымъ въ Дубровно.

бы осажденною, имѣя строгое приказаніе Петра Великаго не вступать въ рѣшительное сраженіе. Стѣснивъ Русскихъ, Шведы сами терпѣли недостатокъ въ окрестностяхъ Гродно, и армія Шведская принуждена была удалиться на 40 верстъ отъ Гродно. Это способствовало исполнить планъ Петра I. Принявъ мѣры къ продовольствію Русской арміи въ Гродненскомъ лагерѣ, Петръ Великій приказалъ, пользуясь прочнымъ мостомъ въ Гродно черезъ Нѣманъ, какого не имѣли Шведы, переправиться на лѣвый берегъ Нѣмана во время вскрытія рѣки, и защитившись естественнымъ препятствіемъ отъ непріятеля, слѣдовать чрезъ Брестъ, Волынь, къ Кіеву. Съ точностію исполнивъ приказаніе Царя, Русская армія выиграла четыре перехода и безопасно отступила къ Бресту, а потомъ чрезъ Волынь къ Кіеву. Карлъ XII, не учредивъ заблаговременно магазиновъ для обезпеченія движенія къ Припети, тщетно старался предупредить Русскихъ на пути къ Кіеву, и, убѣдившись въ невозможности, расположился въ Волыни.

Во время стѣсненія Русскихъ при Гродно, Августъ прибылъ въ лагерь; но видя затруднительное положеніе дѣлъ, выступилъ въ Польшу со всею Саксонскою кавалеріею и четырмя полками Русскихъ драгунъ, чѣмъ и ослабилъ Русскую армію. Но онъ представилъ свои дѣйствія съ выгодной стороны: имъ составленъ былъ планъ для разбитія Рейншильда, напавъ на него совокупно съ Шуленбургомъ, остававшимся въ Саксоніи. А по разбитіи Реншиль-

да, онъ обѣщалъ, соединивши всѣ свои силы, * поспѣшить на помощь Русской арміи. Въ Іюнѣ Король Августъ овладѣлъ Варшавой въ четвертый разъ, и продолжая свое движеніе, узналъ, не доходя всего 15 миль до Шуленбурга, что онъ, обманутый Рейншильдомъ, потерпѣлъ совершенное пораженіе при г. Фрауштатѣ. Извѣстіе объ этомъ несчастіи заставило Августа немедленно возвратиться въ Варшаву, потомъ удалиться въ Краковъ, который и приказано было укрѣплять.

Сраженіе при Фрауштатѣ было наведеніемъ Карлу XII для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Саксоніи. Узнавъ о пораженіи Шуленбурга и совершенной беззащитности Саксоніи, Карлъ немедленно рѣшился вторгнуться въ нее, и въ началѣ Сентября Курфиршество Саксонское было въ рукахъ Шведовъ.

Только узналъ Августъ о намѣреніи Карла, сей часъ отправилъ коммисаровъ для переговоровъ; но Карлъ XII приступилъ къ нимъ не прежде занятія Саксоніи и заключилъ трактатъ Альтъ-Ранштадской, по которому Августъ отказывался отъ Польской короны. Во время дѣйствій Шведовъ противъ Саксоніи, Русская кавалерія подъ начальствомъ Меншикова, вступивъ въ Польшу, соединилась съ Августомъ, который скрывалъ свои переговоры съ Карломъ, и потому принужденъ былъ, по настоянію Меншикова, соединенными силами въ

* Что составило бы болѣе 30 т.

32 т. * атаковать Мейрфельда, оставленнаго Карломъ всего съ 7 т. Шведовъ для прикрытія Польши и соединившагося въ это время съ 20 т. Польскихъ войскъ. Сраженіе произошло въ окрестностяхъ Калиша. При первой атакѣ Поляки бѣжали, а Шведы были истреблены, или взяты въ плѣнъ. Вся вина погибели 7 т. Шведовъ падаетъ на Карла: онъ, дѣйствуя противъ беззащитной Саксоніи, не имѣлъ нужды вводить въ нее всю свою армію, по-крайней-мѣрѣ ничто не могло препятствовать Карлу оставить въ Польшѣ, вмѣсто слабаго корпуса Мейрфельда, Г. Рейншильда, уже испытаннаго, съ 15 т. Такихъ силъ Меншиковъ не рѣшился бы атаковать, и Польша была бы надежно прикрыта.

Когда узналъ Карлъ XII о истребленіи Шведовъ подъ Калишемъ, то до того былъ раздраженъ, что хотѣлъ уничтожить договоръ Альтъ-Ранштатской. И едва личное убѣжденіе Августа могло склонить Карла XII на обнародованіе мира.

Главныя силы, которыми дѣйствовалъ Августъ, и силы, которыми онъ удерживался въ Польшѣ въ продолженіи всего этого времени, были Саксонскія; и естественно, Карлу XII слѣдовало, при первой возможности, обратиться противъ Саксоніи, какъ источника силъ и средствъ своего противника и родоваго его наслѣдія. Но Шведской Король только гонялся за Августомъ, раздраженный его противодѣйствіемъ, совершенно не думая о существенномъ.

* 17 т. Русскихъ драгуновъ и 15 т. кавалеріи большею частію Польской.

Карлъ XII могъ бы кончить дѣла съ Королемъ Августомъ осенью 1702 года. Еслибъ онъ отправился немедленно въ слѣдъ за Августомъ, послѣ сраженія при Клишовѣ, то Варшава не досталась бы снова въ его руки, и Карлъ, преслѣдуя безостановочно, могъ или совершенно уничтожить непріятельскую армію, или сильно ее ослабить, а потомъ, присоединивши 12 т., которыя собиралъ Гиленштернъ въ Помераніи, могъ оставить 10 т. для удержанія Польши, а самъ съ 12 т. обратиться противъ совершенно беззащитной Саксоніи (11). Съ Іюня онъ имѣлъ довольно времени до глубокой осени кончить истребленіе уже разбитой Саксонской арміи, и занять обнаженное Курфирство. Августъ, лишенный надежныхъ средствъ для продолженія войны, немедленно приступилъ бы къ миру; а сеймъ, предоставленный самому себѣ, немедленно избралъ бы новаго Короля, и Австрія менѣе имѣла возможности вступиться за нарушеніе неприкосновенности владѣній Германскаго союза вступленіемъ Карла XII въ Саксонію въ 1702 году, нежели въ 1706. — Въ 1702 году Франція владѣла Сѣверной Италіей и имѣла союзниками Герцога Савойскаго и Курфирста Баварскаго; а въ 1706 году уже Австрія владѣла Италіею, Герцогъ Савойскій перешелъ на ея сторону, а Баварскій Курфирстъ сдѣлался неутральнымъ.

Но положимъ, что Карлъ XII въ 1702 году не могъ сдѣлать вторженія въ Саксонію; то почему въ началѣ Іюля, по избраніи Станислава Королемъ Польши, Карлъ XII, имѣя у себя подъ рукой

болѣе 30 т. и 2400 человѣкъ, занимавшихъ Эльбингъ и Данцигъ, не дѣйствовалъ рѣшительно противъ Саксоніи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ Король Августъ всего имѣлъ въ Сендомирѣ 1500 Саксонцевъ и нѣсколько тысячь Польскихъ войскъ. Въ концѣ Іюля онъ усилилъ себя до 3 т. Саксонцевъ и присоединился къ нему корпусъ Россійскихъ войскъ, 12 т. пѣхоты и 5 т. казаковъ. И такъ еслибъ Карлъ XII весною перешелъ въ Варшаву (12), а въ ожиданіи подкрѣпленій и избраніи новаго Короля приказалъ бы преслѣдовать неослабно Августа Рейншильду; то войска Августа были бы истреблены, или изгнаны изъ Польши до соединенія съ Русскими; а самъ Карлъ, по избраніи новаго Короля, оставивъ 10 т. въ Варшавѣ для поддержанія дѣйствій Рейншильда и Станислава, тотчасъ съ 15 т. двинулся противъ Шуленбурга, имѣвшаго не болѣе 6500 человѣкъ, и безъ всякаго сомнѣнія, немедленно овладѣлъ бы Саксоніею. (13)

Далѣе, почему онъ не сдѣлалъ вторженіе въ Саксонію осенью 1704 года? Въ это время Королемъ Польши былъ уже Станиславъ, у Карла было 34 т. устроенныхъ и привыкшихъ къ дѣлу солдатъ; между тѣмъ, какъ у Августа оставался въ Польшѣ ничтожный отрядъ, занимавшій Краковъ; границы же Саксоніи прикрывалъ Шуленбургъ, всего съ 4 т. Саксонскихъ войскъ, уже пострадавшихъ при преслѣдованіи Шведами отъ Варшавы, и 6 т. Русскихъ съ Генераломъ Паткулемъ.

Еслибъ Карлъ XII оставилъ 15 т. для прикрытія Польши, а самъ съ 18 т. продолжалъ быстро пре-

слѣдовать Шуленбурга; то еще въ Ноябрѣ Саксонія была бы въ рукахъ Шведовъ.

Наконецъ весною 1705 года, имѣя болѣе 40 т., почему Карлъ не нанесъ рѣшительнаго удара Саксоніи? Не кончивши же до Іюня, когда собралась у Полоцка Русская армія, почему Карлъ, узнавъ о движеніи ея въ Литву, не поспѣшилъ раздѣлаться съ Августомъ? Онъ успѣлъ бы продиктовать ему миръ, и возвратившись въ Польшу, встрѣтить Русскихъ.

Ясно, что Карлъ вовсе не имѣлъ мысли вторгнуться въ Саксонію или лучше не понималъ существенной важности такого движенія. Дѣйствіями своими въ 1705 году Карлъ XII. еще болѣе доказалъ основательность этого заключенія: имѣя послѣ долгихъ усилій въ рукахъ своихъ, такъ сказать, ключь къ миру съ Августомъ, оставляетъ его и идетъ встрѣтить Русскую армію. Онъ успѣлъ бы встрѣтить ее кончивъ съ Августомъ, да и самое вступленіе ее въ Польшу не могло имѣть важныхъ послѣдствій на ходъ войны, между тѣмъ какъ отдаленіе вторженія въ Саксонію отсрочивало окончаніе войны съ Королемъ Августомъ. Русскіе оставили бы Польшу при первомъ движеніи Карла — онъ зналъ это, а еслибъ рѣшились вступить въ сраженіе, то вѣроятность побѣды была на его сторонѣ.

Важная бы выгода была приобрѣтена Карломъ, еслибъ онъ успѣлъ истребить Русскую армію предъ Гродно, но двигаясь изъ Равича къ Блони, онъ не имѣлъ этого въ виду; Русскіе находились тогда еще въ Вильнѣ. Только послѣ расположенія ихъ по зимнимъ квартирамъ, т. е. въ Декабрѣ, онъ могъ

имѣть надежду отрѣзать и истребить ихъ. А сверхъ того, послѣ разбитія, Карлъ долженъ былъ опять возвратиться въ Польшу, чтобъ кончить съ ней дѣла, иначе имѣлъ бы противниковъ и съ фрунта и тылу, да и самые средства къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи не были еще готовы. Къ чему же бы повела побѣда? Ею бы онъ не вознаградилъ выгодъ, потерянныхъ чрезъ удаленіе отъ Саксоніи, а ослабленіе Петра не было бы такъ значительно, какъ представляется съ перваго взгляда: уже въ Іюлѣ 1707 года Петръ сформировалъ до 60 т. регулярныхъ войскъ, не включая въ это число находившихся подъ Гродно. И всѣ выгоды чрезъ истребленіе Русскихъ подъ Гродно не были бы потеряны, еслибъ онъ сперва кончилъ дѣло съ Августомъ въ Саксоніи: съ начала весны до Декабря, когда Шведская армія двинулась изъ Блони, онъ могъ бы изъ Саксоніи придти подъ Гродно.

Считаю излишнимъ дѣлать яснѣе критическимъ разборомъ всѣ событія: простое изложеніе ихъ показываетъ болѣе, чѣмъ недостатокъ стратигическихъ соображеній въ Карлѣ XII. Пять лѣтъ онъ гоняется за непріятельскою арміею, а не преслѣдуетъ ее безостановочно, неослабно; если даже этимъ способомъ хотѣлъ Карлъ уничтожить своего противника. Не старается маневрами или поспѣшностію предупреждать его въ Варшавѣ, чтобъ не давать Августу поддерживать своего вліянія; если Карлъ и не хотѣлъ ослаблять свою армію гарнизонами. Оставляетъ преслѣдованіе непріятельской арміи, чтобъ отмстить Лембергу; забываетъ всѣ дѣла, чтобъ удо-

влетворить своему самолюбію коронованіемъ Станислава. Проводитъ годы въ необдуманныхъ передвиженіяхъ, и какъ будто не видитъ возрастающаго могущества Петра, успѣховъ Русскихъ въ военномъ дѣлѣ. Мало заботится о потерѣ крѣпостей и цѣлыхъ областей, не принимаетъ даже дѣятельныхъ мѣръ къ удержанію успѣховъ Россіянъ; и даетъ Петру I, до 1707 года, овладѣть всею Курляндіею, Шлиссельбургомъ, Нарвою, Ингерманландіею, Дерптомъ и основать Петербургъ. Равнодушно смотритъ на опустошеніе Лифляндіи и Эстляндіи, на пепелъ городовъ и деревень: его не тревожитъ стонъ жителей, истребляемыхъ, или увлекаемыхъ въ плѣнъ (14).

ГЛАВА III.

Теперь я перейду къ изложенію главнѣйшаго событія въ Сѣверной войнѣ, событія рѣшившаго первенство Россіи на Сѣверѣ и гибель Карла XII.

Первая половина 1707 года прошла въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ; а Карлъ сверхъ того былъ занятъ переговорами съ Австрійскимъ Императоромъ. Только въ Августѣ мѣсяцѣ Король Шведскій выступилъ изъ Саксоніи, присоединилъ къ себѣ подкрѣпленія около Познани, и съ 44 т. въ Декабрѣ переправшись чрезъ Вислу, двинулся въ Литву. Въ концѣ Января Шведская армія по льду перешла Нѣманъ, и преслѣдуя Русскихъ заняла квартиры между Вильно и Сморгони. (15)

Теперь Карлу XII предстояло рѣшить: куда устремить всю громаду силъ, гдѣ и какъ вѣрнѣе поражать и низложить Петра? Отъ этого рѣшенія зависѣло утвержденіе первенства Швеціи на Сѣверѣ. Чтобъ ясны были военныя соображенія, я представлю тогдашнее положеніе дѣлъ.

Россія. Враги нововведеній таились внутри Россіи, а на предѣлахъ государства возникли бунты. Въ 1705 началось возстаніе Башкирцевъ, и въ томъ же году открылся мятежъ у Астраханскихъ стрѣльцовъ; въ 1708 у Донскихъ казаковъ. Притомъ первый и послѣдній продолжались и въ настоящее время. Причиною возмущенія Башкирцевъ было корыстолюбіе и недальновидность пограничныхъ чиновниковъ; но два послѣдніе были важны по началамъ, изъ которыхъ произошли, и послѣдствіямъ, которыя они могли произвести: 1-е, эти возстанія служили мѣриломъ чувствъ, какія возбудилъ новый порядокъ вещей на людей, привыкшихъ свято сохранять все Русское, на закоренѣлыхъ враговъ всего чужеземнаго; 2-е, показывали: желаніе стрѣльцовъ возвратить прежнія права; а въ казакахъ остатки прежняго буйства и желанія наслаждаться плодами безначалія, которыми они пользовались во всѣхъ переворотахъ междуцарствія. Хотя Буловинъ и призывалъ казаковъ на защиту церкви православной и обычаевъ Русскихъ, но вѣроятно онъ имѣлъ другіе замыслы; иначе не открылъ бы наступательныхъ дѣйствій противъ Азова, но по обыкновенію отправилъ депутацію къ Царю. Явно Буловинъ имѣлъ желаніе сдѣлать казаковъ преступными, чтобы, не

имѣя надежды на милость царскую, они рѣшились на отчаянное сопротивленіе. И слова его возмутительной грамоты [16] доказываютъ, что онъ хотѣлъ возбудить сожалѣніе казаковъ объ утраченной волѣ.

Польша. Польша была раздираема междоусобіями: Люблинскій Сеймъ, не признавая законнымъ избраніе Станислава Королемъ, объявилъ междуцарствіе, а Синявскій оружіемъ поддерживалъ его, угрожая съ коронною арміею Кракову и Варшавѣ. Магнаты Польскіе и Литовскіе, орудуя силами царства, стремились къ удовлетворенію своихъ корыстолюбивыхъ видовъ и, сообразно съ оными, принимали сторону и Карла и Петра. Въ нихъ нельзя было найти ни ревностныхъ союзниковъ, ни опасныхъ враговъ. Каждая изъ воюющихъ сторонъ могла ожидать рѣшительнаго перевѣса своей партіи только при уничтоженіи, или рѣшительномъ удаленіи силъ противника.

Крымъ. Враждующій Крымъ находилъ опору въ непріязненной Портѣ, которая, изыскивая случаи возвратить потерянныя области, обѣщала подкрѣпить Хана многочисленнымъ войскомъ, для содѣйствія возставшимъ казакамъ на Дону; но повидимому слабость мятежа остановила непріязненныя намѣренія Хана и прекратила требованія Порты, въ памяти которой были еще свѣжи успѣхи Русскихъ на берегахъ Чернаго моря.

Фридрихъ считалъ себя униженнымъ, но не смѣлъ думать снова помѣряться съ Карломъ. Августъ же изыскивалъ случай возобновить свои до-

могательства на корону Польскую. Повѣренные на Люблинскомъ сеймѣ уже предлагали его дружество Русскому Царю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Карлъ XII въ началѣ 1708 года былъ между Вильно и Сморгони съ 35 т. войскъ. Корпуса: Левенгаупта въ 16 т. занималъ Лифляндію; Либекера, состоящій изъ 15 т., находился въ Финляндіи; Красова въ 8 т. былъ оставленъ въ Польшѣ, въ подкрѣпленіе войскъ Потоцкаго, и 90 ротъ оставшихся отъ Литовской арміи, которой главныя силы, числомъ въ 12 т. были назначены для удержанія Литвы. Сверхъ сего для охраненія Лифляндіи оставленъ былъ одинъ полкъ кавалеріи и одинъ драгунъ, и гарнизоны въ Ревелѣ, Перновѣ, Ригѣ и Динаминдѣ, числомъ до 12 т.; 11 т. находилось въ Помераніи, Бременѣ и Цвей-Брикенѣ и 19 т. въ самой Швеціи. *

Главная Русская армія занимала сообщенія арміи Короля Шведскаго съ корпусомъ Левенгаупта, а именно: Алардъ находился съ правымъ крыломъ въ Уллѣ при Двинѣ; Шереметевъ съ центромъ въ Бѣшенковичахъ; Репнинъ съ лѣвымъ крыломъ въ Лукомлѣ, а Князь Меншиковъ съ большею частію кавалеріи въ Чашникахъ. Гольцъ съ корпусомъ кавалеріи и однимъ пѣхотнымъ полкомъ, отряженъ былъ къ Борисову, для удержанія диверсіи, кото-

* Недостатокъ продовольствія заставилъ Короля въ началѣ 1808 г. перенести главную квартиру къ Минску въ Радошковичи и расположить армію отъ Борисова къ сѣверу до Доминова.

рую предполагали сдѣлаетъ Карлъ, чтобъ соединиться съ корпусами Левенгаупта и Либекера. Для наблюденія же надъ Левенгауптомъ отправленъ былъ Бауръ. Войсками въ Ингерманландіи начальствовалъ Апраксинъ. Нѣкоторые полагаютъ число Русскихъ до 70 т., но Бутурлинъ думаетъ, что иностранцы слишкомъ преувеличили наши силы.

Король Шведскій, надѣясь, по договору съ Мазепою, найти въ полкахъ Украинскихъ надежное подкрѣпленіе, а въ крѣпостяхъ Малороссійскихъ и Сѣверскихъ надежную опору и, по увѣренію Гетмана, полагая встрѣтить помощниковъ въ казакахъ Донскихъ и Бѣлогородскихъ, Калмыкахъ и Татарахъ Крымскихъ, рѣшился перейти Днѣпръ, овладѣть Малороссійскимъ и Сѣверскимъ краями и потомъ уже двинуться на Москву. Предположено было для соединенія сь корпусомъ Ленвенгаупта сдѣлать движеніе на Смоленскъ и для большаго ослабленія Русской арміи предписано было Либекеру сдѣлать диверсію на сѣверѣ, а именно: стараться овладѣть Петербургомъ, срыть его и продолжать движеніе къ Новгороду.

Г. Бутурлинъ оправдываетъ выборъ Короля Шведскаго. Помѣщаю мнѣніе его: «Предѣлы Россійскіе представляли Шведамъ три пути военныхъ дѣйствій, изъ коихъ осталось имъ выбрать удобнѣйшій Путь съ лѣвой стороны находился въ направленіи чрезъ Новгородъ и Тверь на Москву; дорога изъ Смоленска въ Москву составляла средній путь; а путь съ правой стороны велъ чрезъ Новгородъ Сѣверскій, Орелъ и Калугу или Тулу на

Москву. Взявъ лѣвый путь, Карлъ долженствовалъ перейти рѣку Двину и, соединившись съ Генералами Левенгауптомъ и Лебекеромъ, вторгнуться въ область Новгородскую, съ арміею отъ 60 до 70 т. человѣкъ; но сей путь дѣйствій слишкомъ отдалилъ бы его отъ самыхъ хлѣбородныхъ областей Россійскихъ, на коихъ основывалось могущество Петра I. Къ томужъ съ сей стороны нельзя было сдѣлать быстрыхъ успѣховъ; ибо благоразуміе требовало не входить въ обширные лѣса, простирающіеся отъ Новгорода до Твери, не овладѣвъ сперва Псковомъ и Новгородомъ; а чрезъ осаду сихъ двухъ городовъ потерялось бы драгоцѣнное время. Средній путь былъ столько же невыгоденъ, какъ и лѣвый, потому что, избравъ оный, надлежало начать походъ осадою Смоленска: обстоятельство сіе составляло довольно важную неудобность; но сверхъ того еще страна между Смоленскомъ и Можайскомъ, пересѣченная лѣсами и болотами, давала Россіянамъ возможность на каждомъ шагу останавливать Карла XII и задерживать его въ безплодной странѣ, гдѣ, подъ конецъ, армія его осталась бы безъ всякаго продовольствія, между тѣмъ какъ войска Петра, имѣя у себя въ тылу богатѣйшія области Россійскія, всегда бы находились въ изобиліи. Неудобность сказанныхъ двухъ путей дѣйствія побудила Короля Шведскаго избрать третій. Правда, что потянувшись вправо, чрезъ то самое лишался онъ возможности соединиться съ Генераломъ Либекеромъ; но сія невыгода замѣнялась присоединеніемъ Мазепы, который обѣщалъ отдать въ распо-

ряженіе Шведовъ всѣ силы Малороссійскія и всѣ крѣпости Сѣверскія. Такимъ образомъ Король безъ боя получалъ наилучшую опору военныхъ дѣйствій, отъ коей съ безопасностію могъ идти къ Москвѣ, чрезъ страну плоскую, открытую и слѣдовательно вовсе невыгодную для Россіянъ, въ отношеніи обороны. Еслибъ побѣда склонилась на сторону Шведовъ, чего они вправѣ были ожидать, въ такомъ случаѣ Петръ I нашелся бы принужденнымъ перейти на лѣвую сторону рѣки Волги, оставивъ непріятелю хлѣбороднѣйшія области своего государства; а лишившись способовъ, доставляемыхъ сими прекрасными областями, не могъ бы продолжать войны и былъ принужденъ покориться побѣдителю. Вотъ причины, опредѣлившія выборъ Королевскій.» Далѣе говоритъ Бутурлинъ: «Вообще всѣ согласно приписываютъ дурной успѣхъ предпріятій Карла XII, намѣренію его обратиться въ Украйну, и утверждаютъ, что если бы, послѣ дѣла подъ Головчинымъ, продолжалъ онъ идти прямо чрезъ Смоленскъ къ Москвѣ, то дѣла приняли бы совсѣмъ иной оборотъ въ его пользу. Мнѣніе сіе хотя и принято многими военными, однакожъ все остается совершенно неосновательнымъ. Взявъ путь дѣйствій (ligne d'opération) на Смоленскъ, Король долженъ былъ или начать осадою сего города, или, обошедъ оный, устремиться прямо къ Москвѣ. Въ первомъ случаѣ онъ подвергался опасности истощить силы свои въ предпріятіи предварительномъ, которое не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на участь войны и успѣхъ коего былъ весьма невѣренъ, потому что

съ одной стороны Шведы, при способахъ, которые въ распоряженіи своемъ имѣли, съ трудомъ могли замѣнять всѣ потери въ людяхъ и военныхъ снарядахъ, неминуемо случающихся при продолжительной осадѣ; а съ другой стороны Петръ I, владѣя полемъ съ сильною арміею, имѣлъ бы всѣ возможныя удобности истребить порознь Шведскую армію, тревожа и стѣснивъ оную въ ея укрѣпленіяхъ подъ Смоленскомъ. Второе намѣреніе, идти прямо къ Москвѣ, не заботясь о взятіи Смоленска, было еще опаснѣе. Въ семъ случаѣ, Король Шведскій, не имѣя никакой опоры для дѣйствій своихъ, долженъ былъ войти въ обширную область непріятельскую, саму по себѣ довольно безплодную и которую Россіяне не преминули бы опустошать еще болѣе. Не трудно предвидѣть, что конечное истребленіе Шведской арміи содѣлалось бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выполненія сего страннаго предначертанія. Повторимъ еще: вторженіе даже съ превосходными силами есть предпріятіе безразсудное, когда производится въ государство столь обширное, какова Россія. Достопамятный примѣръ, недавно совершившійся въ глазахъ нашихъ, дѣлаетъ правило сіе неоспоримымъ. Въ 1812 году, Наполеонъ, вторгнувшись въ Россію чрезъ Смоленскъ съ арміею болѣе нежели изъ 200 т. человѣкъ, не успѣлъ въ намѣреніи своемъ, и вся армія его погибла. Тѣмъ менѣе еще могъ ожидать лучшей участи Карлъ XII съ малою арміею своею, которая хотя бы и подкрѣплена была всею арміею Левенгаупта, но и въ семъ случаѣ не могла вывесть въ строй болѣе 50 т. человѣкъ. По всей

справодливости, Карлъ XII избралъ единственный способъ съ нѣкоторою вѣроятностію успѣха выполнить предпріятія свои противъ Россіи, напавъ на нее со стороны Украйны, откуда только и находятся границы ея въ опасности. Измѣна Мазепы обѣщала ему превосходную опору для дѣйствій на Москву чрезъ мѣста богатыя и хлѣбородныя, гдѣ Россіяне, не смотря на систему опустошенія, принятую ими, съ трудомъ могли бы отнять у Шведовъ продовольствіе, въ коемъ они имѣли надобность, дабы дойти до Москвы.* Карлъ XII тѣмъ скорѣе могъ достигнуть столицы, что Орловскія и Калужскія равнины не представляли Петру I ни одной изъ тѣхъ выгодъ для обороны, которыя нашелъ бы онъ на каждомъ шагу въ лѣсистой странѣ между Смоленскомъ и Можайскомъ. «

Я полагаю, что Карлъ XII еще менѣе обсуживалъ планъ своихъ дѣйствій противъ Россіи, нежели какъ предполагаетъ Генералъ Бутурлинъ; но я принялъ его предположенія какъ бы соображеніе Шведскаго Короля, чтобъ, отдавая Карлу бо́льшее, сдѣлать яснѣе неосновательность его соображеній. Для доказательства я рѣшу три вопроса: 1-й *была ли возможность Карлу пріобрѣсти цѣлую Украйну съ принятіемъ Мазепою стороны его?* *

* Очевидно безъ этого условія Украйна не могла служить для Карла XII опорою дѣйствій противъ Россіи, и полное обладаніе краемъ не могло вполнѣ замѣнить выгодъ, которыя терялъ Король, удалясь на такое огромное разстояніе отъ источника собственнаго могущества; овладѣніе же только частію Украйны неминуемо вело къ истребленію его арміи. А потому рѣшеніе предложеннаго мною вопроса покажетъ — вѣрны ли были предположенія Карла.

2-й, какое приняли бы и могли принять участіе въ дѣлахъ непріятеля Бѣлогородскіе и Донскіе казаки, Калмыки и Татары Крымскіе? и наконецъ 3-й, *Украйна, служа основаніемъ дѣйствій, даже при помощи Татаръ и казаковъ, могла ли привести Карла XII къ исполненію его намѣреній?*

Была ли возможность Карлу пріобрѣсти цѣлую Украйну, съ принятіемъ Мазепою стороны его?

Положеніе Украйны приводило ее въ необходимость признавать зависимость сильнѣйшаго народа, но условіемъ этой зависимости было сохраненіе ея вольности, неприкосновенность вѣры и обычаевъ, что доказало отложеніе ея отъ Польши 1654 года и двойное изгнаніе Русскихъ воеводъ. Украйна такъ была крѣпка духомъ, столько самобытна, что утѣсненія Поляковъ не уничтожили, не унизили ея, но возбуждали бунты, и чѣмъ ужаснѣе было мщеніе, тѣмъ свирѣпѣе дѣлались возстанія. Наливайко, Павлюкъ, Остраница, Богданъ Хмѣльницкій гибли и смѣняли другъ друга. *Необходимость зависимости и пріобрѣтеніе возможной воли*, составляетъ характеръ послѣдняго періода Малороссіи. Теперь понятно, что казаки, еще, такъ сказать, неостывшіе въ своемъ ожесточеніи къ Полякамъ, снова хотя и не всѣ передаются имъ съ Виговскимъ, Георгіемъ Хмѣльницкимъ, Тетерей, и каждая держава могла найти себѣ партію между казаками, особенно льстя честолюбію начальниковъ. Но партіи ихъ не могли быть равносильны: Поляки лишились довѣренности нарушені-

емъ правъ, утѣсненіемъ вѣры, бывши владѣтелями Украйны, что доказываютъ не вполнѣ удачные происки ихъ: никогда обѣщанія не могли склонить всей Украйны на сторону Польши. Виговскому противился Пушкарь, потомъ народное неудовольствіе призвало Хмѣльницкаго, который и свергнулъ Виговскаго. Передался Георгій Хмѣльницкій и нашелъ противника въ Самкѣ. Съ смертію послѣдняго, сторона Русская избрала Бруховецкаго; съ постриженіемъ Георгія Хмѣльницкаго былъ избранъ Тетеря. Надобно замѣтить, что Виговскій, Георгій Хмѣльницкій, противники Россіи, находили себѣ сопротивленіе въ полкахъ по лѣвую сторону Днѣпра — Полтавскомъ, Нѣжинскомъ, Черниговскомъ, Переяславскомъ и наконецъ въ Кіевѣ, такъ, что Тетеря имѣлъ въ распоряженіи только однихъ Запорожцевъ, и они-то именно передались Карлу. Раздѣленіе казаковъ между Россіей и Польшей произвело возстаніе, и цѣлая Украйна рѣшилась отдаться Портѣ, чтобъ сохранить цѣлость свою; но и во время силы Дорошенки Многогрѣшный передался Россіи; а жестокости Турковъ въ Малороссіи 1674 года навели ужасъ быть въ подданствѣ ихъ, и съ этимъ почти уничтожились приверженцы Порты: такъ что объявленіе Турками Георгія Хмѣльницкаго Гетманомъ 1777 года не поколебало казаковъ въ преданности Россіи; только 4 т. приняли сторону его. Естественно, что предводители и казаки лѣвыхъ полковъ надѣялись вѣрнѣе найти защиту въ Россіи, и сверхъ того, не обманутые въ нерушимости урядовъ, они видѣли въ Русскихъ — не властителей, а союзниковъ. Единство

же вѣры связывало ихъ съ нами узломъ братства. Изъ этихъ фактовъ историческихъ дѣлается очевиднымъ, что большая часть Украинцевъ была на сторонѣ Россіи; а эта преданность къ Русскимъ имѣла твердое основаніе, заложенное годами испытанія для Малороссіи; слѣдовательно воля одного человѣка, вліяніе одного обстоятельства не могли поколебать этого основанія. Прибавивъ къ сказанному настоящія обстоятельства — откроется неосновательность надеждъ Карла XII. Шведы, не имѣя ни какихъ соотношеній съ казаками, могли дѣйствовать на нихъ чрезъ Мазепу; но пользовался ли онъ довѣренностію и любовію Украинцевъ! Поддѣльное его избраніе въ Гетманы, (17) сверженіе Самойловича, казни и заточеніе родственниковъ и приверженцевъ его, смерть Кочубея, Искры не могли оставаться безъ слѣдствій, не выгодныхъ для Мазепы: и онъ не пользовался довѣренностію народа. Можетъ быть и самое правленіе его возбуждало неудовольствіе казаковъ; неоспоримость таковаго предположенія подверждаютъ послѣднія его дѣйствія. Приготовилъ ли Мазепа народъ къ дружественному принятію Шведовъ? рѣшился ли онъ открыться ему въ своихъ намѣреніяхъ, когда Карлъ XII могъ поддержать возстаніе всѣми силами? А переходъ его съ 4000 казаковъ на сторону Карла служитъ его собственнымъ сознаніемъ, что онъ подвергнулся бы личной опасности, еслибъ открылъ измѣну свою не въ виду Шведской арміи. Наконецъ пусть вспомнятъ, какъ скоро казаки признали власть новаго Гетмана, что поселяне принялись за оружіе и укрывались въ городахъ,

и что одинъ только Батуринъ * по лѣвую сторону Днѣпра сопротивлялся Русскимъ; между тѣмъ сколько мѣстечекъ и городовъ дѣлали сильный отпоръ Шведамъ и самому Гетману. Взявъ все это въ соображеніе, совершенно убѣдятся въ справедливости предположенія, что Мазепа не пользовался любовью народною, а онъ былъ единственнымъ орудіемъ для привлеченія казаковъ на сторону Шведовъ. Какъ же могъ Карлъ XII думать найти опору въ Украйнѣ? Но могутъ сказать, что эти обстоятельства открылись послѣ? Такъ пусть скажутъ: на чемъ основалъ онъ народную любовь къ Гетману? или неувѣренный въ ней, положился на обѣщанія Мазепы, думая, что казаки будутъ сообразоваться только съ волею Гетмана; но Карлъ забылъ, что Украинцы были вольное войско. Да если бы Мазепа имѣлъ и болѣе вліянія на Украйну, то позволила ли бы бдительность Петра передаться цѣлому краю: 1-е, не смотря на всѣ просьбы Гетмана, Царь не допускалъ укрѣплять Украинскихъ городовъ; 2-е, Князь Голицынъ съ Русскими полками находился въ Кіевѣ для наблюденія за Украинцами и Запорожцами; и наконецъ 3-е, всѣ казаки въ арміи Русской служили аманатами Царю. И такъ, если бы не вся, то главная часть Украйны осталась бы вѣрною Россіи, и неоспоримо нѣсколько крѣпостей имѣли бы гарнизоны Русскіе. А въ такомъ состояніи могла ли Украйна служить Шведамъ основаніемъ дѣйствій? Не тотъ же ли жребій Полтавскій неминуемо ожидалъ Карла?

* Въ Батуринѣ оставлены были сердюки Мазепы.

Какое приняли бы и могли принять участіе въ дѣлѣ Карла XII Бѣльгородскіе и Донскіе казаки, Калмыки и Татары Крымскіе?

1-е. Отъ Бѣлогородскихъ казаковъ еще менѣе могъ ожидать Карлъ XII, чѣмъ отъ Донскихъ. Хотя они тѣсно были соединены съ Украинцами, и всякая партія у послѣднихъ могла найти участниковъ и между ними; но переселеніе ихъ съ праваго берега Днѣпра было вѣрнымъ ручательствомъ приверженности большей части Бѣлогородцевъ къ Россіи: 1-е, они послѣ всѣхъ утѣсненій, военныхъ бѣдствій, нашли безопасность въ предѣлахъ Россіи; 2-е, права ихъ въ продолженіи подданства не были нарушены Русскими; 3-е, занявъ земли, которыя, такъ сказать, обхвачены были Русскими, они въ теченіи полувѣка невольно ознакомились, вошли въ дружественныя и родственныя отношенія съ новыми сосѣдами, и наконецъ 4-е, еслибъ нашлись желавшіе возмутить этотъ край, то близость Русскихъ, грозя скорымъ наказаніемъ, лишила бы возможности пріобрѣсти возмутителямъ силу между казаками. Все это даетъ право заключить, что Карлъ XII нашелъ бы въ Бѣлогородцахъ болѣе ревностныхъ противниковъ, нежели равнодушныхъ друзей.

2-е. Мѣстность, обычаи, наѣзды Донскихъ казаковъ дѣлали ихъ для Россіи сколько полезными, столько и опасными. Это доказали междуцарствія: казаки всегда были готовы на грабежи; но соплеменные Русскимъ, они удержали главное свойство ихъ: преданность къ престолу. И всегда бы сло-

во Царя преклонило пол-Дона. Тѣже междуцарствія представляютъ, что если удальство и добыча увлекали часть Донцевъ, то другая шла, обманываясь именемъ истиннаго Царя. Бунтъ Буловина не противорѣчитъ моему мнѣнію. онъ объявилъ себя противъ Царя, и нашелъ себѣ противника въ Атаманѣ. Потомъ усилился съ смертію его; но его усилили болѣе бродяги, а природные Донцы произвели окончательное истребленіе мятежнику. И чтожъ заставляло казаковъ отдаляться отъ возмутителя? что было причиною легкаго уничтоженія бунта? Но положимъ, что не врожденная преданность къ престолу, а превосходныя удобства, которыя имѣлъ Петръ Великій, причиною скораго усмиренія Донцевъ; то очевидно надобно было прежде ихъ уничтожить и потомъ уже располагать по произволу войскомъ Донскимъ. Эти удобства заключались въ Азовѣ и Воронежѣ, и Буловинъ, понимая важность ихъ, по сверженіи атамана, тотчасъ обратилъ часть своихъ силъ противъ Азова.

Дѣйствительно, крѣпости по рѣкѣ Дону давали возможность Петру дѣлать вторженія въ Донскія селенія, а войска, разсѣянныя на 500 верстахъ, были вынуждены всѣми силами оберегать свои селенія, чтобъ отражать нападенія незначительнаго числа царскихъ полковъ. Уже самая опасность быть атакованными, лишала ихъ возможности подкрѣплять Карла XII. Развѣ небольшія толпы наѣздниковъ, неимѣвшихъ ни кровли, ни семьи, присоединились бы къ нему. И такъ, чтобъ воспользоваться возстаніемъ казаковъ противъ Россіи, когдабъ оно

могло сдѣлаться единодушнымъ, надлежало Карлу XII овладѣть Воронежемъ и Азовомъ; но не владѣя Украйною, онъ не могъ дѣлать и покушеній противъ нихъ.

3-е. Какимъ талисманомъ думалъ Мазепа вызвать Калмыковъ на помощь? Они не испытывали притѣсненій и не имѣли духа наѣздниковъ. Удобность кочевьевъ, цѣлость стадъ, вотъ въ чемъ заключались всѣ ихъ желанія. Близость Россіи, походы Русскихъ ознакомили ихъ съ могуществомъ нашимъ. Для сохраненія удобствъ на занятыхъ ими степяхъ они подчинили себя желаніямъ сильнаго сосѣда, и потому войско Калмыцкое является въ нашей арміи. Мазепа думалъ соблазнить ихъ увѣреніями; но увѣренія не могли имѣть никакого успѣха: 1-е, Калмыкамъ нечего было пріобрѣтать, они могли только подвергнуться притѣсненіямъ, и только страшая этимъ, враги наши могли ихъ возстановить противъ насъ; но вѣроятно ли, чтобъ народъ съ Азіятской лѣнью и вовсе невоинственный рѣшился пожертвовать настоящимъ, не испытавъ еще притѣсненій? 2-е, Рѣшился ли бы онъ вступить въ борьбу съ страшнымъ сосѣдомъ, по однимъ обѣщаніямъ, почти неизвѣстнаго для нихъ Гетмана,—Гетмана, который удаленъ былъ отъ него на 1000 верстъ, и не владѣлъ ни Дономъ, ни Волгою? Но еслибъ удалось возмутить Калмыковъ, то достаточно было царскаго чиновника, который увѣрилъ бы орду въ Монаршемъ къ ней расположеніи, чтобъ усмирить ее. Это подтверждается усмиреніемъ Башкирцевъ 1708 года.

4-е. Татары Крымскіе сообразовали свои дѣйствія съ волею Порты. Она хотя выжидала случая для возвращенія своихъ потерь; но медленная въ своихъ рѣшеніяхъ, не представляла ничего вѣрнаго Королю Шведскому. Политика Русскаго Царя, прошлыя неудачи противъ него, выжиданіе успѣховъ Шведскаго оружія, имѣли бы вліяніе на медленность рѣшенія Порты, а годъ промедленія могъ погубить Карла XII. И наконецъ, если шайки Татаръ пришли бы на помощь по тайному фирману, надежными ли они могли быть помощниками?

Вотъ какого содѣйствія могъ ожидать Карлъ отъ казаковъ, Калмыковъ и Татаръ. Ему предстояло завоевать основаніе дѣйствій, завоевать помощниковъ, съ избраніемъ Украйны за опору свою.

Украйна, служа основаніемъ дѣйствій, даже при помощи Татаръ и казаковъ, могла ли привести Карла XII къ исполненію его намѣреній?

Положимъ, противъ всякой возможности, что Карлъ XII овладѣлъ Украйною, и казаки Бѣлогородскіе, Малороссійскіе, часть Донскихъ и Татары Крымскіе подкрѣпили его. Утвержденіе въ Малороссіи и соединеніе всѣхъ силъ требовало продолжительнаго времени, по крайней мѣрѣ Карлъ XII не ранѣе лѣта 1709 могъ двинуться на Москву. Между тѣмъ Петръ Великій имѣлъ время значительно усилить армію, укрѣпить нѣкоторые города, и на всемъ пространствѣ отъ Новгорода Сѣверска до

Москвы скрыть запасы [18] и возбудить народъ къ поголовному возстанію. Если Король надѣялся, что жители, по ненависти къ нововведеніямъ, не будутъ принимать ревностнаго участія, то совершенно обманывался, вовсе не зная Русскихъ: были ненавистники нововведеній, но число ихъ было ничтожно со всею массою народонаселенія, покоряющагося Промыслу въ волѣ помазанника, и при вторженіи врага все бы слилось въ одно цѣлое на защиту престола и отечества. Самый ропотъ противъ нововведеній уже можетъ служить мѣриломъ, какую ненависть питали Русскіе ко всему чужеземному и съ какимъ ожесточеніемъ возстали бы по гласу Царя на дерзкаго пришельца.

Оставя часть войскъ въ крѣпостяхъ Сѣверскихъ и Малороссійскихъ, собравъ огромный обозъ, вошелъ бы Карлъ съ нестройными союзниками въ предѣлы Россіи. Опустошенія предшествовали бы движенію его, и союзники Шведовъ довершили бы начатое Русскими. Исправляя дороги, возобновляя мосты на разстояніи 800 верстъ *, оспоривая у Русскихъ сильныя позиціи, особенно переправы чрезъ Оку, Карлъ XII потерялъ бы лучшее время года, и наконецъ утомленный, ослабленный, долженъ былъ осаждать Москву крѣпкую и мѣстностью и духомъ.

Теперь предстоитъ вопросъ: какъ бы тогда расположился Петръ I? Подъ стѣнами ли Москвы или

* Я допускаю, что укрѣпленные города и дремучіе лѣса Орловской губерніи не задержали бы Карла XII. Допускаю самыя выгодныя обстоятельства для Шведовъ, чтобъ сдѣлать очевиднѣе неосновательность дерзкаго покушенія Карла XII противъ Россіи.

въ окрестностяхъ ея, оставивъ въ ней сильный гарнизонъ? Я полагаю, что Петръ избралъ бы послѣднее. Москва, противопоставляя долгое сопротивленіе непріятелю, съ одной стороны изнуряла бы его, а съ другой способствовала бы усиливаться и свободнѣе дѣйствовать Петру. Однимъ словомъ: самъ избѣжавъ стѣсненія, онъ подвергалъ Шведовъ стѣсненію. Сверхъ того Царь, не укрываясь робко въ Москвѣ, ободрилъ бы армію свою, показывая готовность вступить въ бой, при удобной минутѣ, ободрилъ бы всѣхъ Русскихъ и самыхъ защитниковъ Москвы.

Куда долженъ былъ двинуться Петръ? естественно раждается другой вопросъ. Располажившись по лѣвою сторону Смоленской дороги, между Можайскомъ и Серпуховымъ и отдѣливши корпусъ на Новогородскую, онъ довершилъ бы гибель Шведовъ. Можетъ быть мнѣніе мое покажется страннымъ; но я постараюсь доказать справедливость его: 1-е, Петръ, находясь на непріятельскихъ сообщеніяхъ, могъ уничтожать ихъ подкрѣпленія, обозы, поддерживать себя партіями поселянъ многолюдныхъ губерній для истребленія непріятельскихъ отрядовъ и фуражировъ; 2-е, Русская армія опиралась бы на губерніи: Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую, Калужскую, Орловскую и Курскую, и имѣла бы сообщеніе съ сѣверомъ чрезъ Ярославль и Троицкую лавру, а съ югомъ чрезъ Серпухъ и Коломну, или Калугу и Тулу; для сего стоило прежде укрѣпить или усилить ихъ укрѣпленія. Еслижъ Карлъ XII рѣшился бы овладѣть ими, то потерявъ

необходимое время для взятія Москвы, онъ безполезно изнурилъ бы армію, потому что не имѣлъ никакой возможности прервать нашихъ сообщеній: ему предстояло, или наводнить войсками Россію для достиженія своей цѣли, или совершенно отказаться отъ подобнаго покушенія, чтобъ не доставлять Русскимъ случая истребить себя по частямъ. И такъ Русская армія имѣла бы возможность пополнить свои убыли, поддерживать народное возстаніе и пользоваться всѣми выгодами населеннѣйшихъ областей [19]; и наконецъ 3-е, это расположеніе лишало Карла XII возможности приблизиться быстро чрезъ Смоленскъ къ своимъ подкрѣпленіямъ, хотя значительныя потери или отпаденіе союзниковъ, могли поставить его въ такое затруднительное положеніе.

Но кажется, что расположеніе войскъ нашихъ по лѣвую сторону Смоленской дороги подвергало ихъ совершенному истребленію, съ оттѣсненіемъ ихъ къ границѣ Польской? Разсмотримъ, могло ли оно случиться и была ли возможность его исполнить. Я полагаю, что Карлъ XII, достигнувши Москвы, немедленно приступилъ бы къ осадѣ ея: 1-е, взятіе Москвы всегда казалось для него рѣшительнымъ низложеніемъ Петра, и достиженіемъ цѣли войны; 2-е, рѣшились ли бы Шведы и союзники пропустить случай овладѣть Москвою, когда она казалась оставленною Царемъ, и для того только, чтобъ вдаваться въ новыя трудности, безполезно преслѣдуя Петра. Но положимъ, что послѣ покушеній противъ Москвы, Карлъ XII рѣшился атаковать Петра Ве-

ликаго. Онъ могъ: или 1-е, принять сраженіе съ полною вѣроятностію на побѣду послѣ ослабленія, какое бы потерпѣли Шведы, достигая Москвы, а сверхъ того пораженіе не было бы такъ гибельно для Петра, какъ для Шведовъ; или 2-е, опасаясь подвергнуть участи боя жребій государства, онъ могъ отступить къ Смоленску, защищая каждый шагъ, на мѣстности лѣсистой, пересѣченной, простирающейся между Москвою и Смоленскомъ, наконецъ стать подъ стѣнами его. Это произошло бы поздней осенью. Могъ ли тогда непріятель воспользоваться оттѣсненіемъ Русской арміи къ границѣ? Для этого онъ долженъ былъ расположиться или въ полѣ, или на зимнихъ квартирахъ въ опустошенномъ краю. А всякая остановка рѣшительно губила Карла: онъ былъ бы стѣсненъ и истребленъ по частямъ. Въ Урайнѣ, гдѣ не уничтожили всѣхъ магазиновъ, гдѣ многолюдный край доставлялъ удобства для квартированія, сколько потерялъ Король въ безпрерывныхъ тревогахъ? подъ Смоленскомъ же не нашелъ бы ни того, ни другаго. Притомъ, къ чему бы повело оттѣсненіе Русской арміи къ Смоленску, если бы было произведено въ лучшее время года? Неужели отступленіе чрезъ Великіе Луки и Новгородъ на Москву было труднѣе исполнить Петру, нежели оступленіе изъ Гродно, какое произвела Русская армія чрезъ Польшу къ Днѣпру? Карлъ XII научился этимъ отступленіемъ, что въ обширномъ Русскомъ царствѣ почти невозможно отрѣзать войскъ отъ центра государства; а испытанный не рѣшился бы тѣснить Царя, дабы не терять

время и силъ на безполезные марши. Эти предположенія сдѣланы мною для большаго убѣжденія въ истинѣ; а я увѣренъ, что Карлъ XII осадилъ бы Москву: но взятіе ея было трудное дѣло для осаждавшихъ безполезно Полтаву два мѣсяца, съ 20 Апрѣля по 27 Іюня, и изнурительная осада, неудачные приступы, истребленіе отрядовъ, трудность продовольствія, потеря лучшаго времени года, чрезмѣрное удаленіе отъ вѣрной опоры и безпрестанное ожиданіе быть атакованными Русскою арміею, лишили бы бодрости Шведовъ, охладили союзниковъ, ожидавшихъ легкихъ успѣховъ и добычи, а не продолжительной опасной борьбы; обѣщанія же поддерживая духъ неудовольствія, могли произвести рѣшительное ихъ отпаденіе. Это заключеніе я основываю на историческихъ событіяхъ, а именно на переворотахъ, бывшихъ въ Украйнѣ послѣ Богдана Хмѣльницкаго и всегдашней политикѣ Крымскихъ Хановъ.

Открывается непонятное ослѣпленіе Шведскаго Короля: онъ основывалъ успѣхъ своихъ дѣйствій на помощи людей, торговавшихъ своею дружбою, мѣнявшихъ безпрестанно свои намѣренія, цѣли, союзъ на вражду изъ корысти, прихоти начальниковъ. И что было общаго между наѣздниками и Карломъ? что могло особенно привязать ихъ къ нему? И онъ рѣшился, въ надеждѣ на помощь ихъ, отказаться отъ надежныхъ средствъ своего государства, удалиться отъ нихъ за тысячу верстъ и ввѣрить наѣздникамъ судьбу цѣлой арміи, судьбу отечества; но

съ другой стороны, неужели онъ думалъ съ 50 т. покорить Москву и царство Русское?

Изнуривъ Шведскую армію, Петръ Великій не допустилъ бы паденіе Москвы, какъ не допустилъ паденіе Полтавы. Но для разсмотрѣнія вполнѣ предложеннаго мною вопроса, я допущу невозможное: Карлъ XII покорилъ Москву и ободрилъ войско. Но Москвой владѣли Поляки; а покорили ли они Россію? приняла ли она постыдныя условія отъ нихъ? Въ глубокую осень онъ долженъ бы былъ отступать опустошенною страною, тѣснимый превосходными силами. Чтобъ избѣжать гибели, союзники вѣроятно предупредили бы Карла XII и довершили бѣдствія отступленія Шведской арміи, истребляя оставшееся при наступательномъ движеніи. Крайнее разстройство, если не совершенное истребленіе, было бы плодомъ дерзкаго вторженія. Привожу слова самаго Бутурлина: «вторженіе даже съ превосходными силами, есть предпріятіе безразсудное, когда производится въ государство столь обширное, какова Россія.» Но прибавлю: гдѣ народъ съ такимъ мужествомъ, съ такой желѣзною непоколебимостью, вѣрою въ Промыслъ, любовью къ своимъ обычаямъ, съ такою преданностью къ престолу. Свершилась бы судьба 1812 года ранѣе цѣлымъ столѣтіемъ—и какъ важны могли быть слѣдствія: съ этимъ урокомъ Европѣ, Наполеонъ вѣрнѣе расчелъ бы нашествіе на Россію.

Оскорблять память великаго — полагать, что Шведы, не подвергаясь гибели, могли громить Москву. Мужъ, вмѣстившій въ себѣ цѣлый періодъ

преобразованій, сдвинувшій Русь съ Азіятскаго ложа, перемѣнившій обычаи, потребности народа, преклонившій своею волею упругую волю его, — преклонился ли бы предъ кичливостью Карла? * Онъ зналъ народъ Русской, испыталъ неистощимость средствъ его: 30 лѣтъ войны и цѣлое царствованіе преобразовавшій, не ослабили Россіи, не истощили могущества ея. И онъ бы не нашелъ средствъ истребить десятки тысячь враговъ внутри царства? Еще слабый наноситъ рѣшительные удары Карлу XII внѣ государства, могучь и страшенъ былъ Петръ внутри его, окруженный милліонами народа и славными мужами, преданными престолу и преклоняющимися предъ геніяльностію своего повелителя. Съ благоговѣніемъ взираю на дѣла Царя-исполина! Жизнь его была началомъ духовной жизни отечества; каждый помыслъ, каждый порывъ его былъ о благѣ народа Русскаго. И за гробовымъ предѣломъ духъ его зиждетъ насъ — осуществляются идеи Великаго.

Обращаюсь къ Карлу. Еслибъ онъ возвратился въ Украйну, еслибъ даже казаки и Татары готовы были снова подкрѣпить его; то не имѣя устроенныхъ войскъ, могъ ли бы онъ выступить въ поле противъ опытнаго непріятеля? А занимая Украйну, онъ ли-

* Любопытно выраженіе Петра I, сказанное имъ по прочтеніи перехваченныхъ писемъ Карла XII и Мазепы къ Станиславу, въ которыхъ они звали его въ Малороссію для вѣрнаго торжества надъ Царемъ: «Желаю, чтобъ Станиславъ прибылъ: я угостилъ бы обще трехъ Королей, какъ надобно.» Какая увѣренность Петра Великаго въ успѣхѣ войны!

шалъ себя возможности получать подкрѣпленія изъ Швеціи: имъ предстояло проходить Литву, гдѣ ожидало ихъ неминуемое истребленіе. Карлу оставалось удалиться изъ Украйны, соединиться съ Красовымъ и Станиславомъ, а потомъ занять великую Польшу, предоставивъ снова вооружиться Фридриху, Августу безпрепятственно овладѣть Польшей, а Петру завоевать Финляндію. Но вѣроятно, что Царь отрѣзалъ бы отступленіе Карлу и поразилъ его или заставилъ запереться въ одну изъ Украинскихъ крѣпостей, гдѣ принудилъ бы къ сдачѣ остатки Шведской арміи. Сколько невозможности къ торжеству надъ Петромъ и сколько вѣроятности къ истребленію Шведовъ представлялъ планъ войны, избранный Карломъ XII.

Утвердительно можно сказать, что Москва не была рѣшительнымъ пунктомъ: владѣя ею, нельзя было предписывать условій мира. Это неоспоримая истина — для убѣжденія слѣдуетъ взять въ соображеніе устройство, мѣстность и народность Россіи. Не принимая этого въ соображеніе, Карлъ XII сдѣлалъ гибельное движеніе; а опытные военные люди и даже самъ Бутурлинъ ошибочныя заключенія.

Я думаю, что противъ огромныхъ средствъ Петра, противъ системы медленія и опустошенія принятой имъ, надобно было избрать способъ не столько быстрый, сколько вѣрный для его низложенія. Мнѣ кажется, Карлу XII слѣдовало: *извлекая всѣ выгоды изъ прежнихъ побѣдъ своихъ, ослаблять по возможности внутреннее могущество Россіи и заставлять Царя вдаваться въ рѣшительныя сраженія.*

На все это имѣлъ средства Карлъ XII, и все было имъ упущено. Онъ не постигалъ всей важности для Россіи сѣверныхъ завоеваній; не понималъ, что въ нихъ таились средства для утвержденія гигантскихъ намѣреній Царя. Петръ Великій былъ готовъ на всѣ пожертвованія для ихъ удержанія. Вотъ его собственныя слова: «Буде же о Шведахъ станетъ говорить, чтобъ отдать все завоеваніе и въ томъ говорить отданіемъ Лифляндцевъ, и буде на одномъ на томъ не можетъ довольствоваться, то и прочая помалу уступать, кромѣ Ингріи, за которую буде такъ не захочетъ уступить, то отдать Псковъ, буде же и того мало, отдать и иныя провинціи,» и т. д. * Какимъ талисманомъ владѣлъ Карлъ и не воспользовался имъ!

И Карлу XII слѣдовало, соединившись съ большею частію корпуса Левенгаупта, двинуться на Украйну, какъ и сдѣлано было имъ; а потомъ поворотить къ Смоленску, и обманувши бдительность Русскихъ, отрядить значительный корпусъ въ Малороссію для поддержанія стороны Мазепы, а самому съ главными силами преслѣдовать Русскую арміо до самого Смоленска. Между тѣмъ Левенгауптъ, усиливши корпусъ свой Лифляндскими гарнизонами, имѣлъ бы до 20 т. войска, а подкрѣпивши его нѣсколькими тысячами изъ Швеціи и отдавши въ распоряженіе его корпусъ Либекера въ 15 т. онъ имѣлъ бы до 30 т. Соединенію всѣхъ силъ не могъ пре-

* Наставленіе Шафирову для заключенія перемирія подъ Прутомъ, 3 часть Бутурлина

пятствовать Апраксинъ, будучи слабѣе корпуса Либекера. Собравъ такую значительную армію, надлежало Левенгаупту приступить къ осадѣ Петербурга съ помощію морскихъ силъ, по возможности увеличенныхъ. Эти распоряженія привели бы Петра въ самое затруднительное положеніе: 1-е, Польша, заслоненная Королемъ, лишилась бы содѣйствія Русскихъ *, и противники Станислава, предоставленные себѣ, послѣ слабаго сопротивленія уничтожились бы совершенно. Покореніе цѣлаго края увеличило бы могущество Карла XII: служа опорою и средствомъ для продовольствія и пополненія арміи, позволяя присоединить къ главнымъ силамъ корпусъ Красова и даже часть Польскихъ войскъ, не большой арміи достаточно было для внутренняго спокойствія Польши: враги Станислава, не имѣя вѣрной надежды на внѣшнюю помощь, остались бы въ бездѣйствіи; 2-е, Мазепа хотя имѣлъ мало приверженцовъ, но утвердительно можно сказать, что съ помощію Шведскаго корпуса дѣйствовалъ бы успѣшнѣе, нежели подъ защитою всей Шведской арміи: a) отсутствіе Царя съ войскомъ дало бы смѣлость партіи Гетмана, отнимая бодрость у приверженцевъ Россіи; b) Мазепа, имѣя огромныя суммы, могъ съ меньшимъ препятствіемъ разсыпать ихъ въ народѣ и подкупать его предводителей; и c) самое удаленіе Карла способствовало бы проискамъ Мазепы: молва, увеличивая могущество Шведовъ, давала

* 12 т Русскихъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, были отдѣлены Петромъ отъ главной арміи уже тогда, когда Карлъ занималъ Малороссію и былъ ослабленъ $\frac{1}{3}$ арміи.

бы вѣроятность всѣмъ увѣреніямъ Гетмана, и можно было ожидать сомнительной или по крайней мѣрѣ продолжительной борьбы въ Малороссіи. Этотъ ходъ дѣлъ ободрилъ бы Польшу, и Диванъ, при всей медленности, имѣлъ время рѣшиться на войну. Тогда послѣдовало бы опустошеніе южнаго края, и даже тылъ Русской арміи могъ подвергнуться опастности. Но положимъ, что Порта не приняла бы участія въ войнѣ, то собственно уничтоженіе Мазепы потребовало бы значительнаго ослабленія Русской арміи, отдѣленіемъ сильнаго корпуса, и даже въ случаѣ успѣха, Петръ потерялъ бы болѣе, нежели Карлъ; наконецъ 3-е, между тѣмъ какъ первое обстоятельство усиливало Шведскую, а второе ослабляло Русскую армію; армія Левенгаупта угрожала бы лишить Петра всѣхъ завоеваній его по Балтійскому морю и даже собственныхъ областей Псковской и Новгородской, и ему послѣ всѣхъ пожертвованій для пріобрѣтенія предстояло дѣлать новыя бо́льшія для удержанія при-Балтійскихъ странъ и защиты древняго достоянія Россіи. (20) Карлъ же, удерживая главныя силы наши подъ самымъ Смоленскомъ или въ удаленіи, грозя осадою Смоленска, не дозволилъ бы Петру послать многочисленный корпусъ, который, по соединеніи съ гарнизонами Пскова и Новгорода, подкрѣпилъ бы Апраксина; притомъ имѣя армію равную нашей по числу и превосходнѣйшую по устройству, могъ всегда отдѣлить такой же корпусъ на подкрѣпленіе Левенгаупта, или двинуться къ нему съ большей частью арміи, когда Петръ самъ рѣшился бы идти на сѣверъ, оставивъ значи-

тельный корпусъ для прикрытія Смоленска. Это движеніе перенесло бы главный театръ войны, но не измѣнило обстоятельствъ. Не перенесеніемъ театра войны, а только рѣшительнымъ боемъ при Смоленскѣ или Петербургѣ могъ Петръ I остановить опасные успѣхи Шведовъ на сѣверѣ. И такъ эти соображенія ставятъ Петра и Карла совершенно въ противоположныя полтавскимъ обстоятельствамъ: тутъ не Карлъ долженъ искать битвы для спасенія себя, но Петръ для спасенія завоеваній, и для спасенія своихъ областей. Онъ долженъ былъ вдаваться въ опасности сраженій, вовсе еще невыгодныя для Русскихъ. Сверхъ того въ этихъ обстоятельствахъ проигрышь сраженія для Карла XII не былъ такъ опасенъ, какъ для Петра I: у Карла было въ Помераніи и Швеціи 30 т., которыя служили резервомъ между тѣмъ какъ Петръ долженъ былъ пополнять убыли новобранными солдатами, непріученными къ строю. Но Карлъ XII не умѣлъ воспользоваться огромными выгодами, которыя были на его сторонѣ, а избралъ планъ самый гибельный для себя. (21)

ГЛАВА IV.

Теперь разсмотримъ, какъ исполнилъ свои намѣренія Карлъ XII.

Въ началѣ Іюня 1708 года, съ 35 т. и съ продовольствіемъ на три мѣсяца, Король Шведской двинулся къ Борисову, который былъ занятъ Гольцомъ, и ниже города переправился черезъ Березину.

Узнавъ о движеніи Карла къ Борисову, Русская армія двинулась къ Шклову и предупредила Шведовъ на пути къ Днѣпру. Корпуса Шереметева и Репнина вышли изъ Шклова и пошли навстрѣчу Гольца. Соединившись съ нимъ, заняли позицію при Головчинѣ для удержанія Короля Шведскаго. Русская позиція была прикрыта топкою рѣчкою Бобичемъ. На правомъ флангѣ расположился Шереметевъ, на лѣвомъ Репнинъ, лѣвѣе Репнина сталъ Гольцъ. Между правымъ и лѣвымъ флангомъ находилось болото довольно обширное, которое считалось непроходимымъ. Въ тылу расположенія войскъ по всему протяженію и не въ дальнемъ разстояніи тянулся лѣсъ.

Карлъ XII сосредоточилъ 20 орудій противъ лѣваго фланга, и подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, съ главными силами устремился въ промежутокъ между правымъ и лѣвымъ флангомъ Русской арміи. Пройдя непроходимое болото, рѣшительно атаковалъ правый флангъ Репнина и немедленно сбилъ его. Въ тоже время Рейншильдъ съ кавалеріею, переправившись противъ Гольца, опрокинулъ Русскую кавалерію. Тогда всѣ Русскія войска, не имѣя возможности по сжатости позиціи подавать помощи другъ другу, оставили поле битвы. Послѣ сраженія при Головчинѣ, Русская армія отступила за Днѣпръ, а Карлъ XII занялъ Могилевъ, гдѣ и оставался цѣлый мѣсяцъ, ожидая Левенгаупта. Наскучивъ бездѣйствіемъ, Карлъ въ Августѣ перешелъ Днѣпръ, и вдругъ обратился на сѣверъ къ Смоленску, въ на-

мѣреніи выиграть время для соединенія съ Левенгауптомъ.

Преслѣдуя Русскую армію, которая портила дороги, уничтожала мосты, жгла деревни, истребляла продовольствіе, тревожила непріятеля отрядами, Шведы терпѣли недостатокъ и изнуреніе. И Карлъ XII, только изъ желанія мщенія Русскимъ, послѣ пораженія праваго фланга Шведской арміи при с. Добромъ, сдѣлалъ еще нѣсколько переходовъ; но достигнувъ границы Россіи совсѣмъ прекратилъ наступательное движеніе на Смоленскъ. Въ половинѣ Сентября Шведская армія вдругъ повернула на югъ, и переправившись чрезъ Сожу, двинулась къ Стародубу.

Петръ I немедленно отправилъ Ифланда предупредить Шведовъ въ Стародубѣ, а далѣе слѣдовать въ видѣ ихъ авангарда и дѣлать возможное препятствіе наступательному движенію. Боуру поручено было слѣдовать въ тылу Шведской арміи, Шереметеву сдѣлать со всею арміею фланговый маршъ въ Сѣверскую область. А самъ Петръ съ 12 т. двинулся пресѣчь Левенгаупту путь сообщенія съ Карломъ; но обманутый проводникомъ, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и настигъ его при д. Лѣсной только въ одномъ переходѣ отъ Сожи. * Искусными

* Во время боя присоединился къ Петру Генералъ Боуръ съ 3 т. драгунъ, котораго онъ тщетно ожидалъ 2 дня и потому рѣшился съ меньшими силами атаковать Левенгаупта, понимая всю важность отъ присоединенія къ Шведской арміи цѣлаго корпуса свѣжихъ войскъ съ огромнымъ обозомъ военныхъ и продовольственныхъ

и рѣшительными атаками Петръ Великій на голову разбилъ Левенгаупта. Истребленіе болѣе половины Шведскаго корпуса и весь обозъ 7 т. повозокъ, были трофеемъ побѣды. Менѣе 6 т. изъ корпуса Левенгаупта, совершенно разстроенныхъ, присоединились къ Карлу XII.

И такъ при самомъ началѣ дѣйствій Карла противъ Петра I, Шведская армія потеряла болѣе 10 т., всѣ обозы съ военными запасами, и претерпѣвая недостатокъ, изнуреніе и частныя пораженія, была ослаблена духомъ. И все это было слѣдствіемъ неискусныхъ распоряженій Карла XII. Не было никакой причины двигаться Шведской арміи изъ Минска прежде соединенія съ Левенгауптомъ: Мазепа еще не побуждалъ спѣшить въ Украйну; а если самъ Карлъ думалъ скорѣе занять Малороссію, то соединившись съ Левенгауптомъ, онъ скорѣе бы достигъ своей цѣли. Не смотря на медленность, которая могла произойти отъ увеличенія обоза 7 т. повозокъ, походъ былъ бы поспѣшнѣе съ нимъ, нежели какъ былъ произведенъ Карломъ съ силами, только бывшими при немъ: 1-е, войска не терпѣли бы недостатка, слѣдовательно и изнуренія; 2-е, обозъ при совершенной безопасности могъ быстрѣе двигаться.

Перейдя въ Могилевъ, Карлъ XII провелъ цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи Левенгаупта; а выгоднѣе было ожидать его въ Минскѣ, гдѣ скорѣе онъ

запасовъ. — Тысячу драгунъ изъ отряда Боура приказалъ Петръ I направить къ Шклову, чтобъ уничтожить мостъ на Сожѣ и лишить Шведскіе войска переправы для достиженія Малороссіи.

могъ соединиться съ нимъ: ясно, что армія, двигаясь быстрѣе, чѣмъ Левенгауптъ съ огромнымъ обозомъ, переходомъ своимъ въ Могилевъ увеличила время соединенія. И почему Карлъ XII не ожидалъ въ Могилевѣ долѣе Левенгаупта? Идя впередъ, онъ все болѣе увеличивалъ время для соединенія. Правда, повернувши на Смоленскъ, Карлъ сократилъ его; но почему же не воспользовался выигрышемъ времени и вмѣсто того, чтобъ прямо двинуться на югъ, отъ чего Карлъ не возвратился къ Днѣпру на встрѣчу къ Левенгаупту? Тогда они были бы въ одномъ переходѣ другъ отъ друга *.

Оправдываютъ поспѣшное движеніе Карла XII отъ границъ Россіи въ Украйну, желаніемъ не потерять ее, о чемъ предупреждалъ Мазепа, не надѣясь долѣе скрывать свою измѣну. Но это оправданіе неосновательно: Шведская армія потеряла бы восемь дней, чтобъ соединиться съ Левенгауптомъ; а соединившись съ нимъ, онъ выигралъ бы вдвое болѣе времени. Карлъ XII простоялъ на рѣкѣ Ипути 15 дней, чтобъ дать оправиться изнуреннымъ войскамъ своимъ отъ недостатка въ лѣсистомъ пространствѣ между Сожью и Ипутью, а далѣе двигался медленно болѣе отъ нерѣшительности Мазепы передаться Карлу, происшедшей, отъ пораженія подъ Лѣснымъ и жалкаго состоянія Шведской арміи. Только въ концѣ Октября Карлъ прибылъ къ Новгороду Сѣверскому; соединившись же съ Левенгауптомъ 24 Сентября около Днѣпра, Карлъ XII не доставилъ бы

* Идти на соединеніе съ Левенгауптомъ предлагали многіе изъ его генераловъ.

случая торжествовать Петру I побѣду подъ Лѣснымъ, не отнялъ бы рѣшительности у Мазепы и безъ всякаго изнуренія достигъ бы Новгорода Сѣверскаго въ половинѣ Октября.

Нельзя защитить Карла XII незнаніемъ, гдѣ находился Левенгауптъ, когда онъ рѣшился обратиться къ Сожѣ. Карлъ могъ бы знать о близости Левенгаупта; для этого слѣдовало оставить сильный отрядъ на Днѣпрѣ для сообщенія съ нимъ.

Главная причина гибельнаго движенія прямо на Стародубъ заключалась въ ложномъ стыдѣ сдѣлать отступательное движеніе къ Днѣпру; а неумѣстная поспѣшность при началѣ похода заключалась въ желаніи не оставаться въ бездѣйствіи передъ непріятелемъ, котораго Король Шведскій ненавидѣлъ и презиралъ. (22).

Подъ Новгородомъ Сѣверскимъ Карлъ XII соединился съ Мазепой, а въ Ноябрѣ, силою переправившись черезъ Десну, расположился на зимнихъ квартирахъ между Гадячемъ и Ромнами, на которыхъ Шведы терпѣли недостатки и подвергались частымъ нападеніямъ Русскихъ, охватившихъ своимъ расположеніемъ Шведскія квартиры.

Къ веснѣ 1709 года Карлъ XII убѣдился въ неосновательности надеждъ на казаковъ и на всѣ обѣщанія Мазепы; но не смотря на это, имѣя армію уже уменьшенную цѣлою третью и ослабленную духомъ, по упорству и гордости, не хотѣлъ оставить Украйны и отступать предъ Русскими, имѣя полную

возможность произвести отступленіе безопасно и съ честію. Весною Петръ не имѣлъ тѣхъ средствъ для преслѣдованія, какія онъ имѣлъ въ концѣ Іюня — 60 т. иррегулярной кавалеріи. Но Карлъ хотѣлъ переупрямить судьбу и рѣшился упорно настаивать на содѣйствіе Порты; а въ ожиданіи отъ нея помощи и соединенія съ Г. Красовымъ и Станиславомъ, чтобъ не оставаться въ бездѣйствіи, онъ предпринялъ осадить какой нибудь городъ въ Украйнѣ—жребій палъ на Полтаву. Наступленіе осталось на сторонѣ Карла: 20 Апрѣля началась осада, а первый приступъ былъ только 1 Іюня, второй 21, и только 22 сдѣлали его съ полнымъ усиліемъ. Всѣ они были безуспѣшны.

Но нельзя винить здѣсь Карла XII въ бездѣятельности и нерѣшимости: ему не для чего было спѣшить, тѣмъ менѣе жертвовать людьми на предпріятіе, которое не могло имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Да сверхъ того Карлъ не имѣлъ и пороху.

Упорство, съ которымъ оставался Карлъ XII въ Украйнѣ, не имѣя ничего вѣрнаго въ виду, было его послѣднею стратегическою ошибкою, погубившею Шведскую армію и первенство Швеціи на сѣверѣ.

Узнавъ о намѣреніи Петра I вступить въ генеральное сраженіе 29 Іюня, по присоединеніи казаковъ Скоропадскаго и 37 т. Калмыковъ, Карлъ XII избралъ лучше атаковать Петра прежде, нежели онъ успѣлъ соединить всѣ свои силы. Ему не оставалось

другаго средства къ спасенію; но не иначе, онъ достигъ бы его, какъ немедленнымъ отступленіемъ въ Польшу послѣ побѣды. [23] Безъ этого, только бы отсрочилась гибель Шведовъ Но желаніе Карла удалиться послѣ побѣды въ Польшу нельзя ни чѣмъ доказать, и судя по его прежнимъ дѣйствіямъ и по дѣйствіямъ въ Бендерахъ, можно почти утвердительно сказать, что Карлъ XII остался бы на югѣ Россіи и послѣ побѣды. [24] Однимъ словомъ, Карлъ по недостатку стратегическаго соображенія и по характеру своему, имѣя противникомъ Петра, дѣлался неминуемою жертвою въ роковой борьбѣ. Но жертва эта не могла быть искуплена легкой цѣною: Карлъ XII былъ герой и великій полководецъ въ полѣ, какихъ не много встрѣчаемъ въ военной исторіи.

И въ гибельной битвѣ подъ Полтавой, не смотря на бѣдственное состояніе арміи, на неимѣніе артиллеріи, на рану свою, на самое предчувствіе погибели, съ какимъ присутствіемъ духа, съ какою вѣрностію глаза, при первомъ отступательномъ движеніи Русской кавалеріи приказываетъ оставить атаку редутовъ, и пройдя подъ перекрестнымъ ихъ огнемъ, быстро преслѣдовать отступленіе непріятеля. Карлъ XII могъ полагать, что предъ нимъ отступаетъ вся Русская армія, и превосходно сдѣлалъ, отдавъ приказаніе быстро преслѣдовать отступающихъ, пройдя мимо редутовъ. И не быстрота преслѣдованія, но неосмотрительность Левенгаупта виною гибельныхъ послѣдствій въ этотъ роковой день. Левенгауптъ, увидѣвъ передъ собою укрѣпленія Рус-

скаго лагеря, долженъ былъ уклониться отъ огня ихъ, или съ рѣшимостью броситься на штурмъ. Карлъ XII не могъ присудствовать вездѣ, еслибъ даже былъ и не на носилкахъ. (25)

ГЛАВА V.

Всѣ событія Сѣверной Войны ясно и убѣдительно говорятъ, что Карлъ XII не былъ полководцемъ въ высшемъ значеніи. И дѣйствовательно, онъ не имѣлъ стратегичечкихъ способностей: на театрѣ войны онъ или ни чѣмъ не руководствовался и только гонялся за своимъ противникомъ, или руководствовался самыми поверхностными соображеніями, а болѣе своими страстями. Онъ располагалъ своими движеніями какъ шашками на шахматной доскѣ, и не постигалъ сущности обстоятельствъ, не собразовался съ ними. Мѣстность страны, пункты важные по вліянію на сообщенія и жителей, сообщенія съ собственнымъ государствомъ, характеръ жителей, источникъ могущества противника, продовольствіе войскъ — не принимались въ расчетъ Карломъ XII. А тамъ, гдѣ они невольно втѣснялись въ соображенія его, имѣя существенную значимость, онъ не могъ ни оцѣнить важности, ни сообразить ихъ для приблизительно-вѣрныхъ дѣйствій. Не имѣя способности постигать сущности обстоятельствъ, не могъ выгодно располагать и передвигать своими войсками на театрѣ войны. Здѣсь одно другому можетъ служить повѣркой — тотъ только искусно располагаетъ своими войсками и

дѣлаетъ искусные маневры, кто понимаетъ сущность всѣхъ обстоятельствъ. А этого искуства нигдѣ не доказалъ Карлъ XII въ продолженіи десяти лѣтъ своихъ походовъ.

И утвердительно можно сказать, что *Карлъ XII не былъ стратегически—полководцемъ; но въ полѣ, въ тактическихъ дѣйствіяхъ, Карлъ XII былъ геніаленъ.* Онъ имѣлъ высокія способности полководца въ сраженіи: вѣрный глазъ, предпріимчивость, мужество, рѣшительность, и въ этомъ отношеніи можетъ стать на ряду со всѣми великими полководцами. *Ему принадлежитъ первенство: сосредоточеннаго употребленія артилеріи* * и *рѣшительнаго дѣйствія пѣхоты строемъ и въ колоннахъ* ** *во время нерѣшительныхъ дѣйствій, развернутыхъ фронтомъ — во всей Европѣ.*

Діомидъ Пассекъ.

* Нарва, Рига, Головчино.

** Нарва, Клишевъ, Головчино, Полтава.

МОСКВА

въ 1698 году.

I.

АВСТРІЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ МОСКВѢ.

Въ 1697 году Европа была свидѣтельницею страннаго союза. Одинакія политическія выгоды сблизили между собою три державы, удаленныя другъ отъ друга и совершенно различныя климатомъ, положеніемъ и свойствами жителей. Этотъ союзъ былъ между Венеціею, Австріею и Россіею противу Турокъ и Татаръ. Венеція не могла равнодушно сносить потери Кандіи и искала благопріятнаго случая отмстить Туркамъ за уронъ, нанесенный ея торговлѣ; Австрія еще живо помнила страшные приступы Солимана подъ свою столицу, и съ безпокойствомъ смотрѣла на грозную силу Порты; Петръ I, въ умѣ котораго родилась уже великая мысль преобразовать Россію, изыскивалъ всѣ средства для сближенія насъ съ Европою, и съ этою цѣлію обратилъ вниманіе на берега Чернаго Моря, еще не мечтая о возможности вступить въ борьбу съ Швеціею, возведенною на высокую степень могуще-

*

ства блистательными царствованіями Густава Адольфа и Карла X. Предварительныя статьи трактата были подписаны въ томъ же году, 29 Января. Уполномоченными со стороны договаривающихся державъ были: со стороны Австрійской — Графъ Францискъ Удальрикъ *Кински*, верховный Канцлеръ Богеміи и Кавалеръ Золотаго Руна, Графъ Вунибальдъ Себастьянъ *Зейгль*, Императорскаго придворнаго Совѣта Вице-Призидентъ и временный Канцлеръ Имперіи, и Графъ Эрнестъ Рудигеръ *Старенбергъ*, Фельдмаршалъ, Предсѣдатель Военнаго Совѣта и Кавалеръ Золотаго Руна; со стороны Венеціанской: Ординарный Ораторъ при Цезарскомъ дворѣ, Карлъ *Рузини*; съ Русской стороны — Царскій посолъ въ Вѣнѣ — Козьма Никитичь *Нефимоновъ*.

Союзники положили: воевать общими силами Турковъ и Татаръ, съ суши и съ моря; не скрывать другъ передъ другомъ своихъ намѣреній, касательно войны, и стараться, чтобы при заключеніи мира, каждая изъ договаривающихся сторонъ получила приличное вознагражденіе; никто изъ союзниковъ безъ вѣдома другихъ не долженъ заключать съ врагомъ мира; впрочемъ условія о переговорахъ можетъ принимать, но въ такомъ случаѣ обязанъ немедленно извѣстить прочихъ членовъ союза; далѣе, если общій непріятель вторгнется во владѣнія когонибудь изъ союзниковъ, то другіе обязаны прислать ему помощь; заключенный трактатъ долженъ свято исполняться впродолженіи трехъ лѣтъ, считая со дня его ратификаціи. Впрочемъ въ теченіи срока,

вольна каждая изъ державъ договариваться объ отсрочкѣ, по истеченіи же его быть между союзниками старой пріязни и согласію. Наконецъ, прежній трактатъ, заключенный между Его Величествомъ Царемъ Московскимъ и Республикою Польскою, остается во всей своей силѣ (pag 2).

Всѣ эти статьи не только утверждены Императоромъ Леопольдомъ въ 25-й день Февраля, того же года; но еще его Цезарскому Величеству благоугодно было отправить къ Московскому Двору чрезвычайнаго своего посла, съ порученіемъ: развѣдать о тайныхъ его намѣреніяхъ. Выборъ палъ на Игнатія Христофора Фонъ-Гваріента и Ралла, дѣйствительнаго члена Военнаго Придворнаго Совѣта.

Собразно инструкціи Императора, посольство немедленно должно было собраться въ дорогу, но разныя непредвидимыя обстоятельства удерживали его впродолженіи почти цѣлаго года. Наконецъ, путешественники, устроивъ свои дѣла и запасшись всѣмъ нужнымъ, выѣхали 10 Генваря 1698 года, при благопріятной погодѣ, около полуденнаго времени. Свита посла, служители и богажъ помѣщались на осьми колесницахъ; всѣхъ лошадей было 50. Порядокъ поѣзда, при отправленіи изъ Вѣны, былъ слѣдующій: впереди на богатомъ конѣ ѣхалъ начальникъ конюшни, а за нимъ слѣдовали два вершника и вели двухъ величавыхъ и статныхъ жеребцовъ, покрытыхъ медвѣжьими кожами. Потомъ ѣхала карета посла, великолѣпно отдѣланная и запряженная въ шесть вороныхъ лошадей рѣдкой красоты; да-

лѣе слѣдовали колесницы, въ которыхъ помѣщались чиновники посольства; за ними ѣхала кухня, потомъ тяжелый обозъ, еще далѣе охотники и прочіе служители; наконецъ все шествіе замыкали двѣ колесницы съ поклажею, виномъ и Англійскими собаками огромной величины.

Къ вечеру того же дня путешественники переправились чрезъ Дунай, а потомъ, чрезъ Моравію и Силезію, направили путь свой къ Польшѣ. 5 Апрѣля прибыли въ первое пограничное мѣстечко Тозуговъ, и 29 имѣли торжественный въѣздъ въ Москву, чрезъ каменный мостъ и въ самый Кремль, что имъ дозволено было въ знакъ особеннаго уваженія. Стеченіе народа было удивительное. Люди всѣхъ состояній и возрастовъ: бояре, купцы, холопы, старики, женщины, дѣти, толпились по улицамъ и съ изумленіемъ смотрѣли на богатые экипажи и великолѣпныя одежды Цезарскаго посла. Въ числѣ зрителей находились многія Принцессы царскаго дома, Царица Евдокія Ѳеодоровна и малолѣтный Царевичь. Уваженіе и вѣжливость, оказанныя нашимъ Правительствомъ чужеземцамъ, были такъ велики, что посланный къ нимъ на встѣчу комиссаръ первый вышелъ изъ кареты и привѣтствовалъ посла, между тѣмъ какъ прежде при этомъ случаѣ никогда не обходилось безъ ссоръ, потому что Рускіе чиновники подобную уступку считали оскорбленіемъ Царской чести.

9-го Мая (по нашему стилю 30-го Апрѣля) Австрійскій уполномоченный имѣлъ первое совѣщаніе съ Боярами. Но какъ Царя не было въ столи-

цѣ, то и церемонія не отличалась тою пышностію, какая обыкновенно бывала при этихъ случаяхъ. Въ назначенный часъ Посолъ, вмѣстѣ съ приставомъ, отправился въ домъ, гдѣ было назначено совѣщаніе. Ему предшествовали шесть скороходовъ. Изъ чиновниковъ свиты не было никого, исключая одного секретаря. Миновавъ четыре комнаты, онъ былъ встрѣченъ на порогѣ пріемной залы, первымъ министромъ (бояриномъ) Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, Думными дьяками: Никитой Моисѣевичемъ и Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцовымъ и множествомъ другихъ чиновниковъ. Послѣ вѣжливыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, по данному знаку всѣ удалились изъ комнаты, кромѣ тѣхъ, которые должны были присутствовать при совѣщаніи. Нарышкинъ занялъ первое мѣсто, второе предложилъ Послу, а нѣсколько ниже сидѣли два Думныхъ Дьяка. Близь стола стояли секретарь и переводчикъ для предложенія услугъ своихъ въ случаѣ надобности.

Когда все было приготовлено, первый Бояринъ открылъ совѣщаніе слѣдующими словами: «Нѣтъ сомнѣнія, что прибытіе посольства Его Императорскаго Величества имѣетъ цѣлію утвержденіе между двумя великими Вѣнценосцами братской любви, освященной не давно заключеннымъ союзомъ?» На слова Боярина Посолъ отвѣчалъ увѣреніями въ искренности дружбы своего Государя, и изложилъ обстоятельно причину своего пріѣзда. Совѣщаніе продолжалось около трехъ часовъ. По окончаніи его поднесли Боярину и знаменитому гостю по ча-

рѣ коричневой воды, напитка очень уважаемаго Боярами; а въ заключеніе пили Флорентинское вино за здравіе обоихъ Величествъ и въ залогъ вѣрнаго храненія дружественнаго договора. Когда Посолъ оставилъ совѣщаніе, его проводили: первый Бояринъ до порога пріемной залы, Думные Дьяки до дверей второй комнаты, а приставъ и переводчикъ до самой коляски.

Впрочемъ дружелюбное расположеніе нашего Правительства не ограничивалось однѣми словами. Русскія войска, согласно заключенному трактату, съ наступленіемъ весны, дѣйствовали, подъ предводительствомъ Князя Долгорукова и Гетмана Мазепы, въ окрестностяхъ Очакова, и не подалеку отъ этой крѣпости, послѣ жестокой схватки, одержали побѣду надъ Крымскими Татарами.

Между тѣмъ Царь все еще былъ за границею, а какъ путешественники наши непремѣнно рѣшились дождаться его, то и должны были прожить безъ дѣла около 4 мѣсяцевъ. Пользуясь досугомъ, Посолъ и его свита осматривали достопримѣчательности столицы, наблюдали Русскіе нравы, глядя съ изумленіемъ на предметы, для нихъ совершенно новые; или же проводили время въ гостиныхъ Московскихъ вельможъ, любившихъ выказывать предъ иностранцами свое великолѣпіе и пышность. Въ то время многіе изъ бояръ нашихъ начинали уже знакомиться съ выгодами западной образованности и отличались умѣньемъ соединять Европейскій вкусъ съ Азіатскою роскошью. Таковъ былъ Князь Ва-

силій Алексѣевичь Голицынъ, богатый и умный вельможа, который имѣлъ великолѣпный дворецъ, многочисленную прислугу, своихъ собственныхъ музыкантовъ и пѣвчихъ, и къ которому съѣзжалось много знатныхъ иноземцевъ и бояръ откушать хлѣба соли, и насладиться умною бесѣдою гостепріимнаго хозяина.

Возвращеніе Царя изъ-за границы заняло всѣ умы Русскихъ и чуземцевъ: съ этого времени явно отрылась мысль Петра Великаго преобразовать Россію. Вотъ что говорятъ объ этомъ путешественники, которыхъ описаніе для насъ любопытно, какъ извѣстіе очевидцевъ.

«4 Сентября (25 Августа) вечеромъ Его Величество съ своими любимцами, ораторами посольства, генераломъ Лефортомъ, Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и нѣкоторыми другими вельможами, прибылъ въ Москву. Король Польскій далъ ему въ проводники до самой столицы начальника своей гвардіи Генерала Карловича, съ однимъ молодымъ Польскимъ дворяниномъ, очень любимымъ при Дворѣ.

«Его Величество не пожелалъ остановиться въ своихъ Кремлевскихъ палатахъ, а посѣтивши нѣкоторыя знатнѣйшія семейства, соизволилъ провести ночь въ казармахъ преображенскаго полка, вмѣстѣ съ своими воинами.»

На другой день Бояре, именитѣйшіе купцы и чиновники стеклись во множествѣ съ поздравленіями Его Величества съ счастливымъ возвращеніемъ. Первый ораторъ Францъ Яковлевичь Лефортъ, утом-

ленный трудностію путешествія, въ тотъ день не допускалъ къ себѣ никого изъ своихъ приближенныхъ; но самъ Государь спѣшилъ на встрѣчу пришедшимъ, и ласково благодарилъ ихъ за изъявленіе ему преданности. Когда Бояре, по обычаю, пали предъ нимъ на землю, онъ приподнялъ каждаго и почтилъ поцелуемъ, какъ друзей своихъ или близкихъ родственниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаютъ путешественники, что Русскіе почли бы этотъ день лучшимъ въ жизни, еслибъ радость не была возмущена безжалостными ножницами, лишившими многихъ Бояръ лучшаго ихъ украшенія. Начальникъ войска, Алексѣй Семеновичь Шеинъ, первый подалъ примѣръ покорности Монаршей волѣ. Отъ общей обязанности освобождены были только три человѣка: Патріархъ, въ слѣдствіе обычая, освященнаго вѣками; маститый старецъ, Князь Лекуговичь-Черкасскій, и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, бывшій Царскій опекунъ, который за свои лѣта и заслуги пользовался особенною милостію Царя. Всѣ прочіе должны были ходить по обычаю нѣмецкому.

На слѣдующій день Царь осматривалъ войско; самъ показывалъ офицерамъ и солдатамъ маневры; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ непонятливостію, въ досадѣ отправился въ домъ Лефорта, которому поручено было приготовить великолѣпный обѣдъ и распорядиться угощеніемъ. За нимъ послѣдовали и Бояре. Громъ огнестрѣльныхъ орудій сливался съ веселыми кликами собесѣдниковъ. Наконецъ подъ кровомъ вечерняго мрака Его Величество, съ немногими изъ своихъ приближенныхъ,

отправился въ Кремлевскія палаты, гдѣ далъ полную свободу изліянію родительскихъ чувствъ при видѣ малолѣтнаго своего сына. Отсюда Царь снова отправился къ своимъ Преображенцамъ, избѣгая свиданія съ супругою, на которую былъ уже въ неудовольствіи.

Перваго Сентября, по старому стилю, праздновался новый годъ. Этотъ день всегда сопровождался большими церемоніями, и превосходилъ своею торжественностію всѣ прочіе праздники. Вотъ въ чемъ обыкновенно заключалось торжество: на обширной площади, прилегающей къ Кремлевскому дворцу, ставились два богато отдѣланныя престола — одинъ для Царя, другой для Патріарха. Царь являлся въ одеждѣ роскошной и великолѣпной; Патріархъ въ полномъ святительскомъ облаченіи. Принявъ благословеніе отъ Патріарха, Бояре и другіе знатные сановники обращались съ привѣтствіями къ Царю, который благодарилъ ихъ за поздравленіе. Этотъ обрядъ не исполнялся нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи Царя, но теперь опять былъ возобновленъ. По окончаніи церемоніи, всѣ отправились въ домъ Шеина, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный обѣдъ. Бояръ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ было невѣроятное множество; въ числѣ гостей находились и матросы, съ которыми Царь обходился просто, дѣлилъ между ними яблоки и называлъ *братцами*. За каждымъ тостомъ слѣдовала пальба изъ 25 орудій. Впрочемъ, торжественность дня не мѣшала докучливому брадобрѣю исполнять свою должность. Никто не смѣлъ отказаться отъ его услугъ. Такимъ обра-

зомъ посреди шутокъ и бокаловъ вина, великій Царь отучалъ своихъ бояръ отъ обычаевъ, утвержденныхъ древностію.

На слѣдующій день 2 Сентября, первый Бояринъ Нарышкинъ извѣстилъ Посла о допущеніи его завтра къ аудіенціи.

«Въ четыре часа, вечеромъ» — пишетъ одинъ изъ членовъ посольства — «мы, въ сопровожденіи свиты, отправились на аудіенцію. Она была назначена въ тѣхъ палатахъ, которыя Его Величество богато отдѣлалъ на свой счетъ, и опредѣлилъ для жительства генералу Лефорту. Нѣсколько вельможъ, отличавшихся сановитостію и заслугами, окружали своего Монарха и увеличивали торжественность пріема. Первый Бояринъ Нарышкинъ и Думный Дьякъ Украинцевъ, по должности своей, стояли ближе другихъ къ Царю. Когда мы отдали Его Величеству должную честь, онъ на привѣтствіе наше отвѣчалъ наклоненіемъ головы и, казалось, былъ очень веселъ. Посолъ приказалъ несть предъ собою двѣ ввѣрительныя грамматы — одну секретарю, а другую миссіонеру Франциску-Емельяни. Когда онѣ были представлены Царю, Его Величество, для принятія ихъ, простеръ руку, къ которой были допущены посолъ и, по порядку, всѣ чиновники и бывшіе на лице миссіонеры. Послѣ ласковыхъ вопросовъ о здоровьи Цезаря и господина уполномоченнаго, аудіенція кончилась, и мы возвратились домой.»

Не всѣ однакожъ иностранные министры были такъ счастливы, какъ Фонъ-Гваріентъ. Датскій по-

солъ, который имѣлъ неосторожность вручить свои грамматы Боярской Думѣ, напрасно просилъ о назначеніи ему аудіенціи. Наконецъ, послѣ долгаго искательства, онъ успѣлъ получить позволеніе быть допущеннымъ къ Царской рукѣ. Случай къ этому представился въ домѣ Лефорта, куда, отъ имени Царя, были приглашены на обѣдъ всѣ иностранные министры и бояре. Той же участи подвергся и Посолъ Польскій, также преждевременно отдавшій свои вѣрительныя грамматы. Лишившись надежды на аудіенцію, онъ просилъ о допущеніи его по крайней мѣрѣ къ рукѣ, и былъ принятъ Царемъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ стояла посуда. Датскій Посолъ, который прежде поцеловалъ Царскую руку, гордясь своею побѣдою, считалъ себя въ правѣ занять высшее мѣсто предъ Польскимъ, а Польскій, въ свою очередь, оспоривалъ у него первенство. Дѣло дошло до ссоры. Наконецъ Царь, выведенный изъ терпѣнія, изъявилъ имъ свое негодованіе, и безъ церемоній назвалъ ихъ дураками. Когда всѣ усѣлись за столомъ, Его Величество изобразилъ тогдашнія бѣдствія Польши слѣдующими словами: «Въ Вѣнѣ я было откормился, но пока проѣхалъ Польшу, вся тучность спала съ меня.» На это Польскій Посолъ возразилъ, что слова Его Величества удивляютъ его, что онъ въ Польшѣ родился, выросъ и пріѣхалъ сюда отъ своего Короля; однакожъ можетъ похвалиться дородностію (онъ былъ очень толстъ). «Не въ Польшѣ, а въ Москвѣ откормился ты, братецъ,» отвѣчалъ ему Царь, намѣкая на богатое содерженіе, которое онъ получалъ отъ Двора. Къ концу обѣда

Царь горячо заспорилъ съ Шеинымъ, и, исполненный гнѣва, оставилъ собраніе, не сказавъ никому ни слова. Послѣ узнали, что онъ отправился осматривать своихъ воиновъ, узнавши, что главный начальникъ произвелъ за деньги много недостойныхъ людей въ полковники и офицеры. Въ гнѣвѣ, Государь выхватилъ изъ ноженъ свой кортикъ и, махая имъ предъ глазами дрожащаго отъ страха генерала, грозилъ истребленіемъ его вмѣстѣ съ полкомъ. Въ порывѣ негодованія, Его Величество устремился на Князя Ромодановскаго и Думнаго Дьяка Никиту Моисѣевича, за смѣлость, съ какою они рѣшились защищать виновнаго: первому разсѣкъ палецъ, а второму легко ранилъ голову. Но страшный ударъ готовился Шеину, который, безъ сомнѣнія, поплатился бы жизнію за свою несправедливость, если бы Лефортъ не схватилъ Царя за руку и не удержалъ его отъ пылкаго поступка. Его Величество сильно негодовалъ на Лефорта и въ первомъ движеніи ударилъ своего любимца палкою. За этой ужасной бурею слѣдовало спокойствіе. Лице Царя постепенно прояснилось; и для радостнаго окончанія бурнаго вечера, Его Величество приказалъ музыкантамъ играть свои любимыя піэсы. Время шло самымъ пріятнымъ образомъ. Развеселенные виномъ и дружескимъ обращеніемъ Царя, собесѣдники пировали до половины 6 часа утра.

Между тѣмъ нашихъ путешественниковъ ожидала новая честь. На третій день послѣ описаннаго здѣсь обѣда, ихъ навѣстилъ Царскій приставъ. На немъ была богатая соболья шуба. Приставу сопутство-

вали два старшіе помощника, начальники Царской кухни и погреба, за которыми слѣдовали 12 земскихъ, одѣтыхъ въ шелковыя платья, а въ заключеніе двѣсти человѣкъ солдатъ несли Царскія кушанья и разнаго роду напитки — вино, водку, медъ, пиво, квасъ и другія необходимыя принадлежности древнихъ Русскихъ пиршествъ. Посуда и кубки отличались богатствомъ и разнообразіемъ. Когда все было уставлено, приставъ отъ имени Царя сказалъ по заведенному порядку: «Его Царское Величество, мой Повелитель, сердечно желаетъ хранить дружбу и братскій союзъ съ Его Цесарскимъ Величествомъ, и тебя, высокаго его Посла, привѣтствуетъ, и, въ знакъ особенной своей милости, посылаетъ тебѣ кушанья отъ своего Царскаго стола.» На это Посолъ отвѣчалъ, что онъ съ чувствомъ живѣйшей признательности пріемлетъ знаки столь лестнаго для него вниманія и не только почитаетъ милость Его Величества за величайшее благодѣяніе, но не приминетъ донесть о томъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своему Государю. Послѣ чего приставъ поподчивалъ посла драгоцѣнною водкою, изъ агатоваго сосуда, а въ другой разъ изъ рубиновой чары.

Потомъ приступили къ самому обѣду. Порядокъ былъ слѣдующій: первое мѣсто занялъ Посолъ, а второе приставъ; кромѣ четырехъ миссіонеровъ, за столомъ сидѣли еще два гостя и всѣ чиновники посольства. Обѣдъ открылся водкою. Кушаньевъ было 108, но большая ихъ часть не понравилась Германцамъ. Первый тостъ предложилъ приставъ за здравіе Цесаря, второй за Царя, а третій за здравіе

всѣхъ вѣрныхъ министровъ обоихъ Величествъ. Русскій чиновникъ старался, какъ можно болѣе, увеличить число тостовъ, чтобы напоить знаменитаго гостя; но хитрость его не удалась. Посолъ остался непреклоннымъ, и осушивъ два бокала за здравіе Государей, рѣшительно отказался пить болѣе. Въ заключеніе не забыты были и слуги. Держась Русскаго обычая, гостепріимный уполномоченный подалъ изъ своей руки каждому изъ нихъ по кубку вина.

17 Октября, въ 10 часовъ утра, Царь со многими изъ своихъ Бояръ и находившихся въ Русской службѣ иностранцевъ, посѣтилъ Посла. Съ нимъ былъ и любимецъ его Алексаша, впослѣдствіи столь извѣстный Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. За столомъ съ Его Величествомъ сдѣлалось дурно, сильная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ и веселость пиршества была нарушена. Генералъ Лефортъ, безпокоясь болѣе другихъ о здоровьи своего Государя - друга, приказалъ доктору Карбонарію де Безинску тотчасъ взять нужныя мѣры; но тотъ, вмѣсто лѣкарства, для изцѣленія недуга велѣлъ принести самаго лучшаго токайскаго вина, которое подалъ Царю. Это средство имѣло чрезвычайно быстрое и спасительное дѣйствіе. Чрезъ нѣсколько минутъ Царь совершенно оправился, началъ по прежнему шутить и, обратясь къ доктору, спросилъ у него, зачѣмъ онъ хочетъ продать свою жену? «Затѣмъ, отвѣчалъ врачъ, что Ваше Величество откладываете уплатой слѣдуемаго мнѣ жалованья.» Здѣсь надобно замѣтить,

что за нѣсколько дней предъ этимъ, Карбонарій пришелъ къ Князю Ромодановскому и, представляя ему свои нужды, требовалъ у него жалованья. На отвѣтъ Князя, что докторъ можетъ гдѣ нибудь занять денегъ, онъ возразилъ, что ему нечего дать въ закладъ, кромѣ жены, и что если Князь согласится ссудить его деньгами, то онъ ее заложитъ или продастъ. Его Величество смѣялся отъ всего сердца, слушая разсказъ своего медика.

Послѣ этого путешественники наши прожили въ Москвѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ, видѣли много любопытнаго, и между прочимъ были свидѣтелями новаго стрѣлецкаго бунта. Окончивъ свои дѣла, они собрались въ дорогу, и выѣхали 14 Іюня. Отъѣздъ ихъ сопровождался тѣми же церемоніями, какъ и пріѣздъ. Отрядъ легкой кавалеріи проводилъ ихъ за городскую заставу. Посолъ, вмѣстѣ съ приставомъ, ѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ, а въ другихъ экипажахъ помѣщались чиновники его свиты. Сбруя блистѣли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. По улицамъ толпилось множество народа, который любопытствовалъ видѣть торжественный поѣздъ. Когда миновали Ямскую слободу, приставъ, пожелавъ послу счастливаго пути, раскланялся и возвратился домой. Путешественники того же дня обѣдали въ Филяхъ, имѣніи Льва Кириловича Нарышкина, гдѣ ожидало ихъ великолѣпное угощеніе. Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ, они отправились далѣе, и не встрѣтивъ на пути ничего особеннаго, въ концѣ Сентября благополучно достигли Вѣны.

II.

О НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ РУССКИХЪ.

Мы говорили о цѣли прибытія въ Россію Австрійскаго посольства. Происшествіе это, сверхъ политической важности, замѣчательно для насъ въ другомъ отношеніи. Живя въ Москвѣ болѣе 14 мѣсяцевъ, въ самую достопамятную эпоху, когда, при явно обнаруживающейся борьбѣ между непоколебимымъ желаніемъ юнаго Вѣнценосца преобразовать свое отечество, и не менѣе упорною силою народныхъ привычекъ, рѣшался великій вопросъ о будущемъ значеніи и судьбѣ Россіи, — путешественники наши были очевидными свидѣтелями многихъ важныхъ событій.

Къ счастію, они заботились не только о своемъ любопытствѣ, но и о любопытствѣ другихъ, и оставили намъ драгоцѣнныя наблюденія въ запискахъ одного изъ своихъ сочленовъ — Іоанна Георга Корба, секретаря посольства.

Конечно сужденія Корба не всегда основательны. Подобно большей части иностранцевъ, авторъ смотритъ на отечество наше пристрастно; часто не вникнувъ въ сущность предмета, дѣлаетъ поспѣшныя заключенія, или даже смѣшиваетъ различныя происшествія. Не смотря на это, книга его чрезвычайно занимательна и вполнѣ достойна вниманія Русскихъ читателей. Вотъ два отрывка о нравахъ и обычаяхъ Русскихъ.

Авторъ начинаетъ свое описаніе обвиненіемъ нашихъ предковъ въ сознаніе собственнаго достоинства. Здѣсь съ первыхъ словъ намъ пришлось бы спорить съ путешественникомъ, еслибъ мы не привыкли къ подобнымъ выходкамъ. Впрочемъ, такой взглядъ на Россію нисколько не удивителенъ въ Корбѣ, человѣкѣ 17-го столѣтія, когда одинъ современный намъ Германскій Историкъ * выдумалъ, будто-бы у насъ для разговора лицъ высшаго сословія съ низшимъ существуютъ два разные языка, что если на прим: подчуютъ старшаго, то выражаются вѣжливо: «*Извольте кушать*», а въ обращеніи съ младшимъ себя употребляютъ слово: «*ѣшь*,» которое по остроумному толкованію автора соотвѣтствуетъ Нѣмецкому слову: *fressen* (жрать). Другой Германскій ученый Карлъ Гофманъ, *членъ Географическихъ обществъ Лондонскаго и Парижскаго*, въ изданной имъ Географіи *для всѣхъ сословій* увѣряетъ, что Русскіе крестьяне часто лишаются зрѣнія отъ страшныхъ морозовъ, и въ избѣжаніе такой бѣды носятъ цвѣтныя очки, которыя продаются во всякомъ селеніи; что отъ Мая до Сентября въ Россіи нѣтъ дождей, что зимою Русскіе проводятъ время на печкахъ, а лѣтомъ въ погребахъ; что послѣ погребенія пьянствуютъ въ продолженіи 40 дней; что привѣтъ выражаютъ словами: *другъ мой*, *батюшка*, *мошенникъ*, и проч. и проч. Всѣ эти господа западные иностранцы пускаются судить о Россіи, нисколько не вникнувъ въ ея духъ и состояніе. Конечно и

* Роттекъ.

здѣсь есть исключенія: люди здравомыслящіе смотрѣли и смотрятъ на отечество наше другими глазами, нежели умы поверхностные. Знаменитый Герберштейнъ отзывается съ должнымъ уваженіемъ о многихъ чертахъ нашего народнаго характера. Еще ревностнѣйшимъ почитателемъ Россіи и всего Русскаго былъ Докторъ Флемингъ, навѣстившій Москву около 1620 года. «Въ землѣ, называемой варварскою,» говоритъ онъ, «вижу людей, достойныхъ называться людьми. Земледѣлецъ Русскій богатъ: ибо можетъ удовлетворить немногимъ своимъ нуждамъ; здоровъ и веселъ; имѣетъ доброе сердце, не зная, что оно рѣдкое благо на землѣ; живетъ въ маленькой хижинѣ, построенной имъ самимъ, которая укрываетъ его отъ холода и непогоды; работаетъ весело, въ надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ въ объятіяхъ вѣрной жены, и засыпаетъ сладко подъ пѣсни соловья.» Изображеніе это безспорно слишкомъ изукрашено поэзіею, но самая преувеличенность его доказываетъ довольство и безбѣдность нашихъ предковъ. Дикая страна, населенная грубыми и угнетенными людьми, конечно не разшевелила бы фантазіи почтеннаго Доктора, который, какъ видно, былъ большой охотникъ до идеаловъ.

Нѣсколько основательнѣе, хотя также преувеличены, нападки путешественника на невѣжество въ нашемъ отечествѣ. По словамъ его, Русскіе не занимаются никакими благородными искуствами и поставляютъ всю славу свою въ обманѣ (Nullis bonis

artibus imbuti summam sapientiæ gloriam in fallaciis ponunt). Философія у нихъ запрещена, Астрономія находится въ опалѣ и преслѣдуется закономъ подъ именемъ Магіи. Въ школахъ учатъ только одной грамотѣ. Самою высшею степенью человѣческой мудрости считается у нихъ знаніе наизусть нѣсколькихъ мѣстъ изъ Священнаго писанія.

«Музыкой хотя сами не занимаются, однакожъ не чужды любви къ гармоніи. Ласкаютъ искусныхъ въ игрѣ иностранцевъ, и съ удовольствіемъ поютъ подъ музыку. Впрочемъ бережливость не позволяетъ имъ предаваться природной склонности и жертвовать годичными доходами удовольствію нѣсколькихъ часовъ. Другія занятія, свойственныя западному дворянству, какъ-то: верховая ѣзда, фехтованіе и танцы, у нихъ вовсе неизвѣстны.»

«Въ Россіи запрещено жить некрещенымъ Евреямъ.» Заключенія автора о причинахъ этой нетерпимости очень странны.

«Русскіе большіе охотники до бань и очень часто парятся, особенно женатые. Впрочемъ, къ банямъ прибѣгаютъ только зимою; въ лѣтніе же мѣсяцы купаются въ рѣкахъ, вмѣстѣ съ женами, часто цѣлыми толпами, безъ различія пола и возраста.»

Распространяясь объ этомъ предметѣ, авторъ сильно возстаетъ противъ нашихъ обычаевъ и нравовъ.

Здѣсь мы рѣшительно несогласны съ нимъ и готовы обвиненія его назвать или недоразумѣніемъ или клеветою. Непорочность нравовъ нашихъ пред-

ковъ признана всѣми безпристрастными наблюдателями, даже самыми иностранцами. Она и теперь еще сохраняется между низшими сословіями, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ мало удалились отъ прежнихъ обычаевъ и образа жизни. Если же автору случилось видѣть въ Москвѣ нѣсколько примѣровъ не въ пользу народа: то по одной столицѣ нельзя было дѣлать заключенія о нравственности цѣлой націи.

«Право кабалы у Русскихъ въ обыкновеніи: одни лишаются свободы рожденіемъ, другіе плѣномъ, третьи добровольною продажею себя. Даже тѣ, которые отпущены на волю, по привычкѣ къ прежнему состоянію, не рѣдко приписываются къ другимъ господамъ. Самые обычаи покровительствуютъ рабству. Вольный человѣкъ, находящійся въ услуженіи за извѣстную плату, не можетъ оставить хозяина безъ его позволенія; въ противномъ случаѣ ни гдѣ не найдетъ себѣ мѣста; если же хочетъ наняться, то непремѣнно долженъ представить рекомендацію хозяина, у котораго онъ жилъ прежде, или его друзей въ томъ, что онъ честный слуга и хорошаго поведенія.»

«Власть родительская обширна и очень тягостна для дѣтей. Отецъ по закону можетъ до четырехъ разъ продавать своего сына и только за четвертымъ разомъ теряетъ на него права.»

«При нынѣшнемъ порядкѣ вещей, когда Провидѣніе дало Россіи Вѣнценосца, украшеннаго великими свойствами духа и съ твердымъ желаніемъ про-

свѣтить свое отечество, слышно, будто бы законъ ограничитъ самовластіе родителей.»

И здѣсь не всѣ извѣстія автора можно принимать за чистую истину. Чтобы у насъ когда нибудь позволялось родителямъ торговать своими дѣтьми, — этого нельзя видѣть ни изъ Судебника, ни изъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Правда, въ послѣднемъ сказано, что отецъ и мать могутъ отдать сына своего въ услуженіе на извѣстное время: но между отдачею въ наймы и безвозвратной продажей до четырехъ разъ, большое различіе! Описаніе Корба что-то слишкомъ отзывается чтеніемъ Римской юриспруденціи.

Съ особеннымъ удивленіемъ авторъ говоритъ о твердости воли Русскихъ, и въ доказательство приводитъ два любопытные примѣра. «Предъ первымъ путешествіемъ Царя за границу, одинъ изъ сообщниковъ возмущенія 1696 года, терпѣливо перенесъ четыре ужаснѣйшія пытки. Когда никакія мученія не въ состояніи были исторгнуть у него признанія, Царь рѣшился прибѣгнуть къ кроткимъ средствамъ, и поцѣловавъ въ чело преступника, началъ говорить ему! «Я очень хорошо знаю, что ты умышлялъ на мою жизнь. Преступленіе твое довольно наказано; скажи же мнѣ всю правду изъ любви, которою ты обязанъ своему Государю. Клянусь Богомъ, что я не только прощу тебѣ вину, но еще въ знакъ особенной моей милости пожалую тебя Полковникомъ.»

«Кротость Монарха побѣдила упорство закоснѣлаго человѣка: ободренный словами Царя, онъ въ

свою очередь цѣлуетъ его и говоритъ: «Вотъ для меня самая ужасная пытка: она одна только могла вынудить у меня признаніе.» Послѣ этого подробно излагаетъ весь ходъ дѣла. Царь чрезвычайно удивился, что ласковыя слова извлекли признаніе, котораго не могли вынудить жесточайшія мученія, и обратившись къ этому желѣзному человѣку, спросилъ его: «какимъ образомъ онъ выдержалъ такое множество ударовъ, и остался равнодушнымъ ко всѣмъ ужасамъ пытки?» Тогда Московскій Геркулесъ началъ новый, дивный разсказъ. По его словамъ, онъ и другіе участники заговора, составили общество, для поступленія въ которое сначала нужно было подвергнуться испытанію, дѣлившемуся на нѣсколько степеней: кто болѣе переносилъ наказаній, тотъ болѣе имѣлъ и правъ на уваженіе и власть въ кругу своихъ собратовъ. Бывшій подъ кнутами одинъ только разъ, назывался просто товарищемъ союза и пользовался участіемъ въ общемъ имуществѣ, но еще не посвящался во всѣ тайны Ордена, и не иначе могъ переходить въ высшій разрядъ, какъ оказавшись достойнымъ его чрезъ добровольное осужденіе себя на новыя муки «Я»—продолжалъ онъ—«выдержалъ шесть такихъ пытокъ и потому единогласно поставленъ главою общества. Кнуты для меня не страшны; привыкнувъ къ нимъ, я готовъ перенесть всякое наказаніе.» По словамъ его, самому сильнѣйшему мученію подвергается человѣкъ, когда для испытанія его кладутъ на ухо раскаленный уголь или съ возвышеннаго мѣста льютъ на голову медленно, по каплѣ, холодную воду. Тѣхъ,

которые, изъявивъ желаніе поступить въ общество, не имѣли твердости выдержать первой пытки, отравляли, или другимъ образомъ губили, изъ опасенія измѣны. Здѣсь онъ признался, что онъ и его товарищи умертвили болѣе 400 такихъ щедушныхъ кандидатовъ. Выдержавъ десять неслыханныхъ истязаній: шесть отъ товарищей, да четыре отъ Царскаго Судіи, этотъ рыцарь крови живетъ и теперь въ Сибири, въ чинѣ Полковника.»

Потомъ путешественникъ приводитъ другой примѣръ подобной твердости, который относится также къ царствованію Петра, и именно къ тому времени, когда Царь возвращался изъ Вѣны въ Москву «Его Величество миновалъ уже Смоленскъ и былъ недалеко отъ своей столицы, какъ кто-то изъ его свиты, не извѣстно по какой причинѣ, скрылся. Посланные что ни дѣлали, не могли найти бѣглеца. Наконецъ, изъ ближайшей деревни приходитъ поселянинъ и доноситъ, что онъ видѣлъ во дворѣ сосѣда привязанную лошадь. Царь задерживаетъ доносчика, а между тѣмъ посылаетъ къ означенному дому Генерала Вейде обстоятельнѣе развѣдать о дѣлѣ. Тотъ, возвратившись, подтверждаетъ справедливость словъ крестьянина, и что у воротъ точно стоитъ конь. Тогда Царь призываетъ хозяина дома и ласково спрашиваетъ о бѣгломъ человѣкѣ и конѣ. Но упрямый мужикъ запирается, клянется всѣми святыми, что у него въ домѣ не было коня и что онъ не знаетъ о чемъ у него и спрашиваютъ. Раздраженный Царь грозно повторяетъ вопросъ, — онъ снова отпирается; Его Величество настаиваетъ, напомина-

етъ, что онъ — Государь, владыка живота и смерти: но ни какія увѣщанія не могли подѣйствовать на упрямую голову. Употребили мѣры строгія и тѣ не подѣйствовали.

«Среди самыхъ ужаснѣйшихъ мученій онъ остался непоколебимымъ. Вотъ какого упорство Русскихъ! Между тѣмъ вскорѣ открылось, что этотъ самый мужикъ, оставивъ у себя коня, далъ бѣжавшему въ проводники своего брата, который разными скрытыми путями выпроводилъ его за Смоленскъ.»

III.

ОБЫЧАИ И НАРЯДЪ ЖЕНЩИНЪ.

Сколько авторъ строгъ и даже несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ о нравственности Россіянокъ, столько же расточается въ похвалахъ красотѣ Русскихъ женщинъ; особенно ему понравились ихъ розовыя уста. Но онъ справедливо жалуется на румяна, и на широкую одежду, которая, давая тѣлу полную свободу развиваться, лишала ихъ стройности, свойственной западнымъ красавицамъ.

Вотъ каковъ былъ, по словамъ путешественника, нарядъ нашихъ дамъ въ царствованіе Петра:

«Русскія женщины и дѣвушки» — говоритъ онъ — «носятъ исподнее платье (subuculas), вызолоченное съ обѣихъ сторонъ. Огромные рукава бываютъ длиною не рѣдко отъ 8 до 10 локтей; онѣ съ большимъ искуствомъ заплетаютъ въ косы волоса

и украшаютъ голову драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда вообще очень сходна съ нарядомъ восточныхъ женщинъ; особенно Московскія дамы любятъ щеголять собольими шубами. Серьги и кольца почитаются у нихъ необходимою принадлежностію хорошаго наряда. Замужнія и вдовы носятъ на головахъ шапки изъ дорогихъ мѣховъ, а дѣвицы покрываютъ повязкою одно чело и ходятъ съ длинными волосами, которые ниспадаютъ до самыхъ плечь. Женщинѣ хорошаго тона считается неприличнымъ присутствовать во время пиршествъ; даже за обыкновенными столами жены не сидятъ вмѣстѣ съ мужьями. Ихъ можно видѣть только въ церкви или въ колымагахъ во время поѣздокъ къ пріятельницамъ. Теперь уже отмѣненъ обычай, по которому колымаги были такъ плотно прикрываемы, что любопытный взоръ зрителя никакъ не могъ проникнуть во внутренность ихъ.

Если Русскій Бояринъ принимаетъ у себя почетныхъ особъ, то, въ знакъ особеннаго къ нимъ уваженія, приказываетъ явиться женѣ или дочери, которая, поднесши гостю чару вина, ожидаетъ отъ него поцелуя, и потомъ, молча, съ потупленными взорами уходитъ назадъ. Надъ домашними, жены не имѣютъ почти никакой власти. Въ отсутствіи господина служители распоряжаются сами безъ вѣдома и согласія хозяйки. Въ домѣ держатъ множество служанокъ, которыя, за исключеніемъ небольшихъ работъ, возлагаемыхъ на нихъ госпожею, проводятъ время въ праздности. Впрочемъ, заключен-

ныя въ теремахъ вмѣстѣ съ своими повелительницами, иногда занимаются пряжею или ткутъ холстъ.

Если знатная женщина разрѣшится отъ бремени, то немедленно даютъ объ этомъ знать подчиненнымъ ея мужа, купцамъ и другимъ промышленнымъ людямъ, съ изъявленіемъ вѣжливости, слишкомъ накладной для ихъ кармана. Тѣ, которые дорожатъ покровительствомъ отца малютки или страшатся его гнѣва, тотчасъ, получивъ извѣстіе, приходятъ съ поздравленіемъ и, поцеловавъ родильницу, оставляютъ ей на память какой-нибудь подарокъ. Впрочемъ, остерегаются дарить мало, потому что это сочлось бы знакомъ неуваженія къ хозяину. Щедрости открыта полная свобода, такъ что самымъ лучшимъ пріятелемъ почитается тотъ, кто всѣхъ тароватѣе. Русскій измѣряетъ дружбу пользою. Что касается до того, будто бы жены, по количеству получаемыхъ побоевъ, судятъ о привязанности къ нимъ мужей, какъ то думаютъ въ Европѣ, это сущая сказка, и у нихъ, какъ и вездѣ, надобно отличать характеры кроткіе отъ жестокосердыхъ. Русскіе считаютъ за грѣхъ вступать въ четвертый бракъ; отъ того-то третья жена пользуется бо́льшимъ уваженіемъ, нежели двѣ первыя, съ которыми мужья не рѣдко обходятся какъ съ рабынями, если имъ наскучатъ ихъ ласки, или придетъ желаніе соединиться бракомъ съ другой. «У попа,» говоритъ Русская пословица, «настоящая жена первая, а у мірянина третья.» Впрочемъ, нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ испрашиваютъ у Патріарха позволеніе вступить въ четвертый бракъ онъ

хотя формально и не запрещаетъ имъ этого, однако же и не даетъ согласія на заключеніе союза, противнаго уставамъ Церкви. Совсѣмъ иначе у Донскихъ козаковъ. Тамъ мужъ можетъ развестись съ женою, когда ему заблагоразсудится, но только съ вѣдома народнаго собранія, которое на ихъ языкѣ называется *кругомъ*. Это дѣлается такимъ образомъ: мужъ приводитъ жену въ средину круга и въ присутствіи атамана и всего собранія говоритъ, что она ему не нравится и что онъ отпускаетъ ее отъ себя. Кто нибудь изъ предстоящихъ тутъ же беретъ отвергнутую жену, приводитъ къ себѣ въ домъ и живетъ съ нею, пока она ему не наскучитъ. Если же пожелаетъ оставить ее, то долженъ объявить о томъ народному собранію, что производится прежнимъ порядкомъ.

Извѣстіе Корба о Донскихъ бракахъ совершенно согласно съ описаніемъ Г. Сухорукова, помѣщеннымъ въ Русской старинѣ Карниловича, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній, какъ уроженецъ того края, говоритъ объ этомъ гораздо подробнѣе.

IV.

О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

«Образъ заключенія браковъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ остается неизмѣннымъ и представляетъ много отличнаго отъ обыкновенія другихъ народовъ. Жениху считается неприличнымъ видѣть свою невѣсту и тѣмъ менѣе искать ея руки: это дѣ-

ло свахъ, которыя, съ согласія родителей, отправляются въ домъ отца невѣсты и условливаются о приданомъ. Если жена, по смерти мужа, остается бездѣтною, то она беретъ назадъ свое приданое или получаетъ столько, сколько оно стоило; если же у нея есть дѣти, то ей выдѣляется третья часть изъ имѣнія мужа, а иногда и болѣе, смотря по распоряженію послѣдняго. Помолвивъ вступающихъ въ бракъ, родители или родственники невѣсты даютъ росписку въ томъ, что дѣвушка невинна. Это не рѣдко бываетъ причиною тяжбъ, если будущій мужъ имѣетъ основательную причину сомнѣваться въ цѣломудріи своей нарѣченной, или откроетъ обманъ на самомъ дѣлѣ. Во все это время женихъ и невѣста не могутъ видѣться и говорить другъ съ другомъ. Наконецъ, по назначеніи дня бракосочетанія отецъ призываетъ къ себѣ дочь, которая является къ нему съ закрытымъ лицемъ; слегка бьетъ ее прутикомъ, приговаривая: «Пусть этотъ послѣдній ударъ напомнитъ тебѣ, любезнѣйшая дочь, о родительской власти, подъ которою ты до сихъ поръ жила. Не забывай, что изъ моихъ рукъ ты переходишь во власть мужа; если не будешь почитать его и дѣлать ему угоднаго, то онъ, вмѣсто меня, будетъ тебя наказывать этой розгой.» Сказавши, отецъ отдаетъ прутъ жениху, который въ короткихъ словахъ извиняется, говоря, что онъ не надѣется имѣть въ немъ нужды; однакожъ беретъ прутъ и закладываетъ за поясъ, какъ драгоцѣнность. Подъ вечеръ, на канунѣ сватьбы, невѣста, въ сопровожденіи матери и другихъ родственницъ, отправляется въ

колымагѣ къ жениху, забравши одежду, постель и всѣ свадебныя принадлежности. Послѣ этого убираютъ брачное ложе и кладутъ на него невѣсту, тщательно карауля ее въ продолженіи цѣлой ночи отъ нескромныхъ взглядовъ жениха. Когда начинаетъ разсвѣтать, невѣста, закрывши лице бѣлымъ покрываломъ, отправляется въ церковь съ своими родственниками и подругами, а женихъ—съ своими. Обыкновенно ѣздятъ въ экипажахъ, даже люди бѣднаго состоянія, хотя бы храмъ былъ близко. Слова, произносимыя Священникомъ и весь обрядъ бракосочетанія производится почти также, какъ и у другихъ Христіанъ. Молодые въ знакъ супружеской вѣрности обмѣниваются кольцами. Служитель алтаря беретъ у жениха правую, а у невѣсты лѣвую руку, и соединяетъ ихъ; послѣ чего новобрачная падаетъ къ ногамъ мужа, и въ знакъ покорности дотрогивается до его сапогъ; а женихъ прикрываетъ ее полою платья, давая тѣмъ знать, что она поступаетъ подъ его покровительство. Послѣ этого друзья и родственники кланяются новобрачнымъ, изъявляя имъ свою приверженность и готовность къ услугамъ. Наконецъ отецъ жениха вручаетъ хлѣбъ (каравай) Священнику, который, какъ можно скорѣе, передаетъ его въ руки отца невѣсты и требуетъ, чтобы въ назначенный день доставлено было жениху обѣщанное приданое. Потомъ, взявши хлѣбъ (каравай) невѣсты, разламываетъ его на нѣсколько частей, и даетъ по одной каждому изъ присутствующихъ родственниковъ, въ залогъ общей любви и единодушія, т. е. чтобы сердца ихъ, подобно хлѣбу, составляли

одно цѣлое. По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, женихъ ведетъ невѣсту къ преддверію храма, и подноситъ ей полный стаканъ вина. Она, взявъ стаканъ, пьетъ изъ него подъ покрываломъ. Послѣ чего оба, съ своими друзьями, отправляются въ домъ родителя, гдѣ, у входа, на крыльцѣ посыпаютъ зернами въ знакъ изобилія и достатка. * Между тѣмъ, пока гости пируютъ, новобрачные приступаютъ къ исполненію супружескихъ обязанностей: сначала они находятся въ комнатѣ одни; но потомъ, по прошествіи двухъ или трехъ часовъ, собесѣдники назначаютъ изъ среды своей нѣсколько выбранныхъ, чтобъ узнать у жениха: какъ онъ нашелъ невѣсту. Если онъ засвидѣтельствуетъ ея невинность, то все собраніе предается изъявленію шумной радости; послѣ чего ведутъ новобрачныхъ въ баню, украшенную цвѣтами и усыпанную благовонными травами. Выпарившись здѣсь, сколько душѣ угодно, отправляются въ церковь воздать благодареніе Богу и просить Его благословеніе на супружеское сожитіе. Если же невѣста окажется нецѣломудренною, то женихъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее къ родителямъ, и всѣ собесѣдники, молча, съ печалію расходятся домой. (203—212).

А. Рославскій.

Харьковъ.

* Этотъ древній обычай еще недавно повторился на Дону, на свадьбѣ въ домѣ знаменитаго Платова.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КРЫМУ.

I.

ТЕПЕКЕРМЭНЪ.

Изъ Бахчисарая въ Тепекермэнъ я сдѣлалъ первую поѣздку верхомъ. Лошадей приводятъ осѣдланныхъ, съ проводникомъ, по предписанію начальника губерніи, которое замѣняетъ подорожную на все время путешествія въ горы. За каждую версту платится на лошадь по 8 копѣекъ. Если проводникъ конный, то путешественникъ платитъ и за его лошадь; если пѣшій, то не обязывается платить. Кромѣ обыкновеннаго проводника, можно нанимать изъ Татаръ и Грековъ, знающаго развалины и знакомаго съ замѣчательными мѣстами Крыма. Пользуясь прекрасною картою, изданною ученымъ изслѣдователемъ Крыма Г. Кеппеномъ, и предварительно ознакомившись съ мѣстностію, я иногда обходился безъ конныхъ проводниковъ, заранѣе отправлявши пѣшаго въ селеніе, до котораго бралъ лошадей.

Это доставляло мнѣ особенное удобство посѣщать тѣ мѣста, которыя не входили въ маршрутъ, и оставаться въ каждомъ сколько хотѣлось. Ничтожная плата всегда удовлетворяла Татарина, проводившаго иногда цѣлый день въ ожиданіи меня.

Отъ Бахчисарая до Тепекермэна считаютъ около пяти верстъ. Сначала путь идетъ черезъ предмѣстіе *Салачахъ* или *Солончакъ* по каменистому ущелію. При поворотѣ къ Успенскому монастырю встрѣчается памятникъ Менглигирея и близь него остатки зданія: изразцы и щебень. Здѣсь, говорятъ, былъ Ханскій дворецъ: еще недавно зеленѣли уцѣлѣвшія лозы винограда. Миновавши скалу Чуфутъ-Кале, дорога вводитъ въ густой кустарникъ и вьется по холмамъ до самаго Тепекермэна. Растительность здѣсь богата; птицъ и звѣрей изобиліе. Не проѣхавши версты, мы согнали нѣсколько зайцевъ и куропатокъ. Сюда отправляются за ними охотники изъ окрестныхъ мѣстъ. Но вообще въ Крыму, не смотря на множество дичи: дрофъ, стрепетовъ, гусей, лебедей, утокъ, куропатокъ и пр., охотниковъ очень мало, и то большею частію изъ высшаго сословія или изъ переселившихся Малороссіянъ: Татары почти не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія. Не достатокъ въ охотникахъ причиною постояннаго изобилія дичи въ Крыму: я зналъ крестьянина, который въ 10 верстахъ отъ Губернскаго города, въ одинъ день, убилъ 19 драфъ и 7 стрепетовъ.

Выбравшись тропинкою изъ мѣлкаго кустарника, мы выѣхали на широкій уступъ, на которомъ пи-

рамидально возвышался *Тепекермэнъ*. Вершина горы состоитъ изъ сплошнаго камня, въ которомъ видны отверстія пещеръ. Сюда пригоняютъ пастухи стада во время жаровъ и бурь. Почти до самыхъ пещеръ можно ѣхать верхомъ. Площадь горы занимаетъ болѣе ста саженей въ длину, и мѣстами покрыта кустарникомъ. Въ глубинѣ ея изсѣчены пещеры и въ нихъ надобно спускаться съ верху горы, какъ въ подполье. Другія пещеры, высѣченныя въ отвѣсномъ утесѣ, въ два и три яруса, впрочемъ безъ особенной правильности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились человѣческія кости, въ другихъ черепки, грубой, но необыкновенно прочной работы.

Подобныя пещеры, еще въ большемъ размѣрѣ и количествѣ, видны въ Инкермэнѣ, Черкескермэнѣ и другихъ скалахъ. Не разрѣшая вопроса кѣмъ и съ какой цѣлію онѣ изсѣчены, познакомимся прежде съ ихъ устройствомъ..... «Всѣ сіи скалы, пишетъ одинъ путешественникъ, были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ на нѣсколько саженей въ глубину.... жилища въ Джингискермэнскихъ скалахъ, почти всѣ между собою сходны, но имѣютъ три отличительныя формы. Онѣ или не правильно круглы или овальны, или четыреугольны, и разнствуютъ только величиною.... Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно пусты, въ другихъ же можно видѣть скамьи, сдѣланныя во кругъ стѣнъ, родъ низскихъ кроватей, стулья и табуреты, поставленныя посрединѣ горницы. Всѣ сіи уборы изсѣчены въ самыхъ скалахъ, и судя по ихъ величинѣ и формѣ, люди употреблявшіе ихъ должны

были имѣть обыкновенный ростъ. Входы въ сіи жилища довольно высоки, и для человѣка средняго роста можно проходить чрезъ оные свободно....[1].

Другой путешественникъ, Кеппенъ, изучавшій древности «говоритъ: къ достойно примѣчательнымъ мѣстамъ Крыма принадлежитъ и Тепекермэнъ или Тепекермéнъ, коническая отдѣльно стоящая гора на землѣ города Бахчисарая, при межѣ Шюрюской округи.» [2] На вершинѣ горы въ скалѣ изсѣчена церковь. «Здѣсь же по словамъ Тунмана находилось укрѣпленіе, которое можетъ принадлежать къ древнѣйшимъ постройкамъ этого рода. Я не могу похвалиться тѣмъ что видѣлъ явныя примѣты сего укрѣпленія; но дѣйствительно замѣтилъ на-вершинѣ горы слѣды построекъ и въ одномъ мѣстѣ, сложенные четвероугольникомъ, какъ для стѣнъ, огромныя, мхомъ поросшія камни, въ числѣ коихъ иные длиною почти въ сажень.» [3].

Мнѣнія писателей о народѣ, сдѣлавшемъ пещеры, различны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ глубокой древности и видятъ въ нихъ жилища первобытныхъ людей, другіе почитаютъ укрѣпленіями, а одинокія пещеры ведетами. Мѣстное повѣріе относитъ ихъ ко времени какого-то потопа; даже указывая на желѣзныя кольца, вбитые въ отвѣсныхъ скалахъ, говорятъ, что къ нимъ привязывали корабли, когда приставали къ берегамъ.

Мнѣ кажется, что эти *пещеры относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства и изсѣчены Греческими выходцами* или другимъ народамъ; но во всякомъ

случаѣ *по религіозной мысли*. Это были *духовныя общины* изъ людей добровольно посвятившихъ себя отшельничеству или загнанныхъ притѣснителями вѣры. Признаки такихъ общинъ явно уцѣлѣли въ *Инкермэнѣ*, *Черкескермэнѣ*, на мѣстѣ нынѣшняго *Успенскаго монастыря*, въ *Качи-Кальенѣ*, въ *Демерджи*, *Чатырдачѣ* и другихъ мѣстахъ. Такою же общиною былъ и *Тепекермэнъ*, и всѣ они вѣроятно были въ связи между собою. Въ нихъ уцѣлѣли остатки церквей; а *Успенскій монастырь*, близь Бахчисарая, сохранилъ до нашего времени свое религіозное значеніе, и въ этомъ отношеніи долженъ обратить на себя особенное вниманіе. Къ подвержденію этой мысли о пещерахъ служатъ кресты, высѣченные на стѣнахъ, и даже группы каменныхъ столбовъ на вершинѣ Демерджи, которыя и теперь почитаютъ въ народѣ окаменѣвшими монахами. Во многихъ мѣстахъ видны, по ущеліямъ, одинокія пещеры, то въ обрывѣ скалы, то въ огромномъ оборвавшемся камнѣ. Здѣсь вѣроятно жили самые строгіе отшельники. Вообще неудобство помѣщеній въ пещерахъ и почти совершенное разообщеніе съ населенными мѣстами приличны людямъ, посвятившимъ жизнь свою лишеніямъ. Замѣчательно и то, что во всѣхъ этихъ общинахъ не видно искуственныхъ укрѣпленій: стѣнъ башенъ замковъ, въ то время, когда они сохранились подлѣ, на другихъ высотахъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ пещеръ или очень не много. И вообще, гдѣ находите пещеры какъ остатки *общинъ*, тамъ просто и ясно видны слѣды жилья: комнаты грубой работы, переходы,

лѣстницы, стулья, столы, и нигдѣ не замѣтно слѣдовъ укрѣпленій; и напротивъ гдѣ явны остатки укрѣпленій, на пр. въ Мангупѣ, Балаклавѣ и въ другихъ городахъ, тамъ почти нѣтъ пещеръ или очень мало. Въ послѣдствіи времени пещеры могли быть жилищами притѣсненныхъ и загнанныхъ въ горы племенъ: даже во времена гибели Генуэзцевъ, въ исходѣ XV вѣка, многіе изъ нихъ бѣжали въ горы и вѣроятно искали спасенія въ ущеліяхъ и пещерахъ.

Эти пещеры такъ любопытны, что могутъ составить предметъ особенныхъ изслѣдованій.....

II.

МАНГУПЪ.

> Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста (Кларке о *Мангупѣ*).

....День склонялся къ вечеру, когда мы пріѣхали въ *Каралесъ* или Караилязъ, т. е. деревню *Чернаго Ильи*, а отъ чего она получила это названіе — Богъ знаетъ. Утомленные верховою ѣздою и жаромъ распаленнаго воздуха, мы были рады отдохнуть, и мечтали, какъ расположимся у гостепріимнаго владѣльца на мягкихъ диванахъ, какъ поднесутъ намъ по чаше шербета и по трубкѣ анатольскаго табаку. Съ этой мечтою, забывая объ усталости, мы подъѣхали къ дому Адильбея. Онъ *былъ у себя* и сидѣлъ во дворѣ, подъ наметомъ, въ бѣломъ халатѣ, на высокой и широкой лавкѣ, устланной коврами;

поджавши ноги и пуская клубы дыма. Адильбей говоритъ по-русски: онъ служилъ въ военной службѣ, бился противъ Французовъ, гналъ ихъ за предѣлы Германіи и теперь отдыхаетъ въ своемъ живописномъ Каралесѣ. Здѣсь у него хорошій, почти Европейскій домъ; подъ окнами бѣжитъ ручей — быстрый и порою шумный, какъ всѣ горные ручьи. Въ этомъ ручьѣ Адильбей ловитъ вкусныхъ форелей, кушаетъ ихъ самъ и угощаетъ гостей. Немного далѣе шумятъ мельничныя колеса. Въ удобныхъ мѣстахъ и на удобренной землѣ садятъ табакъ и сѣютъ хлѣбъ. Сквозь высокіе, стройные тополи, около которыхъ игралъ сынъ Адильбея, это милое дитя въ Черкескомъ платьѣ, видны окрестныя долины, скалы и горы, куда отправляется ихъ владѣтель на охоту за лисицами, зайцами, волками и дикими козами. Съ другой стороны, на взгорьи, красуется мечеть, отъ которой любовался окрестными видами нашъ любимый поэтъ Жуковскій, куда сбираются на богомолье жители Каралеса. Хорошо и привольно жить Адильбею: у него не одинъ Каралесъ, у него много деревень — и *Черкесъ-Керманъ*, славный своими ущеліями и пещерами, и Ходжа-Салы у подножія Мангупа и гора *Мангупъ* съ развалинами древнихъ укрѣпленій. Мудрено ли послѣ этого, что владѣлецъ живописныхъ долинъ, горъ, и чуть недопотопныхъ развалинъ, славится гостепріимствомъ; мудрено ли, что и мы съ товарищемъ мечтали о восточномъ кейфѣ. Но, на этотъ разъ, дѣло обошлось безъ кейфа, безъ шербета, безъ трубокъ, безъ дивановъ. Принятые ласково, мы разговори-

лись о житьѣ-бытьѣ, о Каралесѣ, Мангупѣ, Черкесъ-Керменѣ, — и такъ увлеклись расказами, что, выпивши по стакану прекрасной ключевой воды, отправились въ черкескерменскія пещеры и ущелья.

Да, мы не раскаялись въ этой поѣздкѣ, хотя мой утомленный товарищъ, для удобства, ѣхалъ чуть не по-дамски, перекинувши правую ногу чрезъ переднюю луку сѣдла.

Въ Черкесъ-Кермэнѣ засталъ насъ поздній вечеръ. По улицамъ изъ сплошнаго камня ходили Татары и бродилъ незагнатый скотъ; въ огромныхъ пещерахъ, изсѣченныхъ въ каменныхъ стѣнахъ ущелья, кочевали Цыгане: кто игралъ на скрыпкѣ, кто пѣлъ, кто ковалъ желѣзо, кто, безъ дѣла, увеличивалъ и разнообразилъ живыя группы, сбиравшіяся около огней.

Оставивши за собою деревню, мы ѣхали шагомъ, и не знаю отъ чего не говорили ни слова, а готовъ поручиться, что думали объ одномъ. И какъ было намъ не думать объ одномъ: мы съ товарищемъ выросли подъ вліяніемъ нашей сѣверной природы, привыкли къ ея лѣсамъ, ея рѣкамъ и пригоркамъ, которые называемъ горами, къ русскимъ обычаямъ и языку, — а теперь вокругъ насъ все новое: посреди отвѣсныхъ утесовъ глубокое ущеліе и надъ нимъ отъ всего неба видна только одна узкая полоса; надъ бѣдными жилищами людей взгромоздились скалы и, кажется, подавляютъ ихъ своимъ величіемъ. Тамъ мелькнетъ женщина, закутанная въ бѣлое покрывало; тамъ верховый ѣздокъ въ буркѣ и черной, мѣховой шап-

кѣ; тамъ расположилась толпа праздныхъ Татаръ и, молча, дѣлаетъ кейфъ; тамъ кочующіе Цыгане въ пещерахъ, — Богъ вѣсть кѣмъ и когда изсѣченныхъ. Другая природа, другіе люди. Какъ же было не задуматься, особенно здѣсь въ Черкесъ-Кермэнѣ, гдѣ природа бѣдна и грозна, гдѣ каждый звукъ, каждый шагъ лошади разсыпается звонкимъ эхомъ по ущелію и пещерамъ; гдѣ памятники переступили за грань исторіи и преданій, и въ убѣжищахъ пещеръ скрывается другое бѣдное, безпріютное племя....

Вотъ отъ чего мы ѣхали молча; вотъ вѣрно о чемъ задумались.

Но я было забылъ сказать, что мы ѣхали опять въ Каралесъ, опять къ почтенному Адильбею: онъ пригласилъ насъ на ночлегъ, если не вздумаемъ остаться въ Черкесъ-Кермэнѣ. Признаюсь, теперь мы готовы были завоевать какую нибудь комнату; но дѣло обошлось безъ войны: намъ отвели просторную гостиную. На мягкихъ диванахъ постлали прекрасныя одѣяла и мягкія подушки. Подали соты, бѣлыя и прозрачныя, какія можно найдти только въ Крыму; подали масло, сыръ, сливки и, въ заключеніе всего, трубки и *даже* чай. Не знаю какъ я успѣлъ набросать замѣтки въ мою дорожную книжку, не помню, какъ заснулъ; знаю только, что едва занялся свѣтъ, а нашъ вѣрный проводникъ Аметъ тянетъ съ меня одѣяло: — поѣдемъ, бояръ! Гайда!

Дорога изъ Каралеса къ Мангупу довольно разнообразна. На лѣво верстахъ въ двухъ и трехъ

живописныя каменистыя скалы; на право отлогія возвышенности; вдали верхи горъ и между ними всѣхъ огромнѣе плоская вершина Мангупа.

Кто бывалъ въ горахъ съ разсвѣтомъ дня, тотъ любовался смѣшеніемъ свѣта и тѣни, сближеніемъ дня и темной ночи. Роскошна зелень, блестящи вершины скалъ, озаренныя первыми лучами солнца; мрачны склоны горъ, обросшія лѣсами и обращенныя къ западу. Кто не былъ въ горахъ, тотъ пусть спѣшитъ полюбоваться въ нихъ и съ нихъ міромъ Божіимъ. Для него нѣтъ ни слова, ни кисти: въ его душѣ не найдетъ полнаго сочувствія ни поэтъ, ни живописецъ.

Отъѣхавши отъ Каралеса версты три, мы продолжали нашъ путь по глубокому логу. Въ немъ разведены табачныя плантаціи; повыше ихъ сады, полоски дозрѣвающаго хлѣба, огороженныя плетнемъ, по которому вились мѣстами какія-то большія бѣлыя цвѣты въ родѣ колокольчиковъ; мѣстами видны кусты шиповника, еще не совсѣмъ отцвѣтшаго. На лѣво, противъ самой деревни Ходжа-Салы, расположенной у подножія Мангупа, возвышался крутой мысъ; почти на самой его вершинѣ бьетъ ключь, и вода, сбѣгая по жалобамъ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженей, струится къ деревнѣ. Мы остановились близь этого мѣста, чтобъ полюбоваться мрачнымъ, величественнымъ видомъ Мангупа и срисовать его.

Окруженный со всѣхъ сторонъ цѣпями горъ и холмовъ, Мангупъ стоитъ одиноко въ долинѣ. Вершину его, подобно Чатырдагу, составляетъ широ-

кая площадь; по крутому взгорью темнѣютъ лѣса и видны полянки, покрытыя травою. Самый верхъ увѣнчанъ скалами отвѣсными, какъ стѣны; надъ ними кое-гдѣ растутъ южныя сосны, съ распростертыми вѣтвями, бѣдными зеленью. Три глубокихъ лога врѣзались въ Мангупскую гору, съ сѣверо-западной стороны и образовали четыре мыса; они какъ будто выглядываютъ одинъ изъ-за другаго, и самый дальный изъ нихъ, такъ скраденный перспективою, самый обрывистый, самый страшный. Въ немъ и отсюда замѣтны отверстія пещеръ и видны высокія стѣны скалъ.

По срединѣ втораго лога перегибается стѣна древней крѣпости, бѣлѣютъ высокія опустѣвшія башни, и тамъ тишина — и все развалина... У подножія горы, подъ навѣсомъ высотъ перваго мыса, Татарская деревня Ходжа-Салы, и въ ней слышны пѣсни и говоръ жизни...

Пріѣхавши въ деревню, мы взяли въ провожатые мальчика. Онъ шелъ впереди насъ такъ быстро и легко, что лошади едва успѣвали слѣдовать за нимъ самымъ ускореннымъ шагомъ. Тропинка, удобная для верховой ѣзды, вилась по взгорью между деревьями, и вела къ широкому логу, который подымался до самаго верха горы; по его срединѣ перегибалась передовая стѣна крѣпости Мангупъ-Кале, примыкая обоими концами къ неприступнымъ скаламъ. Во многихъ мѣстахъ она разрушена; въ нѣкоторыхъ видны обвалившіяся башни. Мнѣ хотѣлось вымѣрять эту стѣну хотя шагами, но груды

одно цѣлое. По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, женихъ ведетъ невѣсту къ преддверію храма, и подноситъ ей полный стаканъ вина. Она, взявъ стаканъ, пьетъ изъ него подъ покрываломъ. Послѣ чего оба, съ своими друзьями, отправляются въ домъ родителя, гдѣ, у входа, на крыльцѣ посыпаютъ зернами въ знакъ изобилія и достатка. * Между тѣмъ, пока гости пируютъ, новобрачные приступаютъ къ исполненію супружескихъ обязанностей: сначала они находятся въ комнатѣ одни; но потомъ, по прошествіи двухъ или трехъ часовъ, собесѣдники назначаютъ изъ среды своей нѣсколько выбранныхъ, чтобъ узнать у жениха: какъ онъ нашелъ невѣсту. Если онъ засвидѣтельствуетъ ея невинность, то все собраніе предается изъявленію шумной радости; послѣ чего ведутъ новобрачныхъ въ баню, украшенную цвѣтами и усыпанную благовонными травами. Выпарившись здѣсь, сколько душѣ угодно, отправляются въ церковь воздать благодареніе Богу и просить Его благословеніе на супружеское сожитіе. Если же невѣста окажется нецѣломудренною, то женихъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее къ родителямъ, и всѣ собесѣдники, молча, съ печалію расходятся домой. (203—212).

А. Рославскій.

Харьковъ.

* Этотъ древній обычай еще недавно повторился на Дону, на свадьбѣ въ домѣ знаменитаго Платова.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КРЫМУ.

I.

ТЕПЕКЕРМЭНЪ.

Изъ Бахчисарая въ Тепекермэнъ я сдѣлалъ первую поѣздку верхомъ. Лошадей приводятъ осѣдланныхъ, съ проводникомъ, по предписанію начальника губерніи, которое замѣняетъ подорожную на все время путешествія въ горы. За каждую версту платится на лошадь по 8 копѣекъ. Если проводникъ конный, то путешественникъ платитъ и за его лошадь; если пѣшій, то не обязывается платить. Кромѣ обыкновеннаго проводника, можно нанимать изъ Татаръ и Грековъ, знающаго развалины и знакомаго съ замѣчательными мѣстами Крыма. Пользуясь прекрасною картою, изданною ученымъ изслѣдователемъ Крыма Г. Кеппеномъ, и предварительно ознакомившись съ мѣстностію, я иногда обходился безъ конныхъ проводниковъ, заранѣе отправлявши пѣшаго въ селеніе, до котораго бралъ лошадей.

Это доставляло мнѣ особенное удобство посѣщать тѣ мѣста, которыя не входили въ маршрутъ, и оставаться въ каждомъ сколько хотѣлось. Ничтожная плата всегда удовлетворяла Татарина, проводившаго иногда цѣлый день въ ожиданіи меня.

Отъ Бахчисарая до Тепекермэна считаютъ около пяти верстъ. Сначала путь идетъ черезъ предмѣстіе *Салачахъ* или *Солончакъ* по каменистому ущелію. При поворотѣ къ Успенскому монастырю встрѣчается памятникъ Менглигирея и близь него остатки зданія: изразцы и щебень. Здѣсь, говорятъ, былъ Ханскій дворецъ: еще недавно зеленѣли уцѣлѣвшія лозы винограда. Миновавши скалу Чуфутъ-Кале, дорога вводитъ въ густой кустарникъ и вьется по холмамъ до самаго Тепекермэна. Растительность здѣсь богата; птицъ и звѣрей изобиліе. Не проѣхавши версты, мы согнали нѣсколько зайцевъ и куропатокъ. Сюда отправляются за ними охотники изъ окрестныхъ мѣстъ. Но вообще въ Крыму, не смотря на множество дичи: дрофъ, стрепетовъ, гусей, лебедей, утокъ, куропатокъ и пр., охотниковъ очень мало, и то большею частію изъ высшаго сословія или изъ переселившихся Малороссіянъ: Татары почти не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія. Не достатокъ въ охотникахъ причиною постояннаго изобилія дичи въ Крыму: я зналъ крестьянина, который въ 10 верстахъ отъ Губернскаго города, въ одинъ день, убилъ 19 драфъ и 7 стрепетовъ.

Выбравшись тропинкою изъ мѣлкаго кустарника, мы выѣхали на широкій уступъ, на которомъ пи-

рамидально возвышался *Тепекермэнъ*. Вершина горы состоитъ изъ сплошнаго камня, въ которомъ видны отверстія пещеръ. Сюда пригоняютъ пастухи стада во время жаровъ и бурь. Почти до самыхъ пещеръ можно ѣхать верхомъ. Площадь горы занимаетъ болѣе ста саженей въ длину, и мѣстами покрыта кустарникомъ. Въ глубинѣ ея изсѣчены пещеры и въ нихъ надобно спускаться съ верху горы, какъ въ подполье. Другія пещеры, высѣченныя въ отвѣсномъ утесѣ, въ два и три яруса, впрочемъ безъ особенной правильности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились человѣческія кости, въ другихъ черепки, грубой, но необыкновенно прочной работы.

Подобныя пещеры, еще въ большемъ размѣрѣ и количествѣ, видны въ Инкермэнѣ, Черкескермэнѣ и другихъ скалахъ. Не разрѣшая вопроса кѣмъ и съ какой цѣлію онѣ изсѣчены, познакомимся прежде съ ихъ устройствомъ..... «Всѣ сіи скалы, пишетъ одинъ путешественникъ, были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ на нѣсколько саженей въ глубину.... жилища въ Джингискермэнскихъ скалахъ, почти всѣ между собою сходны, но имѣютъ три отличительныя формы. Онѣ или не правильно круглы или овальны, или четыреугольны, и разнствуютъ только величиною.... Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно пусты, въ другихъ же можно видѣть скамьи, сдѣланныя во кругъ стѣнъ, родъ низскихъ кроватей, стулья и табуреты, поставленныя посрединѣ горницы. Всѣ сіи уборы изсѣчены въ самыхъ скалахъ, и судя по ихъ величинѣ и формѣ, люди употреблявшіе ихъ должны

были имѣть обыкновенный ростъ. Входы въ сіи жилища довольно высоки, и для человѣка средняго роста можно проходить чрезъ оные свободно....[1].

Другой путешественникъ, Кеппенъ, изучавшій древности «говоритъ: къ достойно примѣчательнымъ мѣстамъ Крыма принадлежитъ и Тепекермэнъ или Тепекермéнъ, коническая отдѣльно стоящая гора на землѣ города Бахчисарая, при межѣ Шюрюской округи.» [2] На вершинѣ горы въ скалѣ изсѣчена церковь. «Здѣсь же по словамъ Тунмана находилось укрѣпленіе, которое можетъ принадлежать къ древнѣйшимъ постройкамъ этого рода. Я не могу похвалиться тѣмъ что видѣлъ явныя примѣты сего укрѣпленія; но дѣйствительно замѣтилъ на-вершинѣ горы слѣды построекъ и въ одномъ мѣстѣ, сложенные четвероугольникомъ, какъ для стѣнъ, огромныя, мхомъ поросшія камни, въ числѣ коихъ иные длиною почти въ сажень.» [3].

Мнѣнія писателей о народѣ, сдѣлавшемъ пещеры, различны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ глубокой древности и видятъ въ нихъ жилища первобытныхъ людей, другіе почитаютъ укрѣпленіями, а одинокія пещеры ведетами. Мѣстное повѣріе относитъ ихъ ко времени какого-то потопа; даже указывая на желѣзныя кольца, вбитые въ отвѣсныхъ скалахъ, говорятъ, что къ нимъ привязывали корабли, когда приставали къ берегамъ.

Мнѣ кажется, что эти *пещеры относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства и изсѣчены Греческими выходцами* или другимъ народамъ; но во всякомъ

случаѣ *по религіозной мысли*. Это были *духовныя общины* изъ людей добровольно посвятившихъ себя отшельничеству или загнанныхъ притѣснителями вѣры. Признаки такихъ общинъ явно уцѣлѣли въ *Инкермэнѣ*, *Черкескермэнѣ*, на мѣстѣ нынѣшняго *Успенскаго монастыря*, въ *Качи-Кальенѣ*, въ *Демерджи*, *Чатырдачѣ* и другихъ мѣстахъ. Такою же общиною былъ и *Тепекермэнъ*, и всѣ они вѣроятно были въ связи между собою. Въ нихъ уцѣлѣли остатки церквей; а *Успенскій монастырь*, близь Бахчисарая, сохранилъ до нашего времени свое религіозное значеніе, и въ этомъ отношеніи долженъ обратить на себя особенное вниманіе. Къ подвержденію этой мысли о пещерахъ служатъ кресты, высѣченные на стѣнахъ, и даже группы каменныхъ столбовъ на вершинѣ Демерджи, которыя и теперь почитаютъ въ народѣ окаменѣвшими монахами. Во многихъ мѣстахъ видны, по ущеліямъ, одинокія пещеры, то въ обрывѣ скалы, то въ огромномъ оборвавшемся камнѣ. Здѣсь вѣроятно жили самые строгіе отшельники. Вообще неудобство помѣщеній въ пещерахъ и почти совершенное разообщеніе съ населенными мѣстами приличны людямъ, посвятившимъ жизнь свою лишеніямъ. Замѣчательно и то, что во всѣхъ этихъ общинахъ не видно искуственныхъ укрѣпленій: стѣнъ башенъ замковъ, въ то время, когда они сохранились подлѣ, на другихъ высотахъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ пещеръ или очень не много. И вообще, гдѣ находите пещеры какъ остатки *общинъ*, тамъ просто и ясно видны слѣды жилья: комнаты грубой работы, переходы,

лѣстницы, стулья, столы, и нигдѣ не замѣтно слѣдовъ укрѣпленій; и напротивъ гдѣ явны остатки укрѣпленій, на пр. въ Мангупѣ, Балаклавѣ и въ другихъ городахъ, тамъ почти нѣтъ пещеръ или очень мало. Въ послѣдствіи времени пещеры могли быть жилищами притѣсненныхъ и загнанныхъ въ горы племенъ: даже во времена гибели Генуэзцевъ, въ исходѣ XV вѣка, многіе изъ нихъ бѣжали въ горы и вѣроятно искали спасенія въ ущеліяхъ и пещерахъ.

Эти пещеры такъ любопытны, что могутъ составить предметъ особенныхъ изслѣдованій.....

II.

МАНГУПЪ.

Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста (Кларке о *Мангупѣ*).

....День склонялся къ вечеру, когда мы пріѣхали въ *Каралесъ* или Караилязъ, т. е. деревню *Чернаго Ильи*, а отъ чего она получила это названіе — Богъ знаетъ. Утомленные верховою ѣздою и жаромъ распаленнаго воздуха, мы были рады отдохнуть, и мечтали, какъ расположимся у гостепріимнаго владѣльца на мягкихъ диванахъ, какъ поднесутъ намъ по чаше шербета и по трубкѣ анатольскаго табаку. Съ этой мечтою, забывая объ усталости, мы подъѣхали къ дому Адильбея. Онъ *былъ у себя* и сидѣлъ во дворѣ, подъ наметомъ, въ бѣломъ халатѣ, на высокой и широкой лавкѣ, устланной коврами;

поджавши ноги и пуская клубы дыма. Адильбей говоритъ по-русски: онъ служилъ въ военной службѣ, бился противъ Французовъ, гналъ ихъ за предѣлы Германіи и теперь отдыхаетъ въ своемъ живописномъ Каралесѣ. Здѣсь у него хорошій, почти Европейскій домъ; подъ окнами бѣжитъ ручей — быстрый и порою шумный, какъ всѣ горные ручьи. Въ этомъ ручьѣ Адильбей ловитъ вкусныхъ форелей, кушаетъ ихъ самъ и угощаетъ гостей. Немного далѣе шумятъ мельничныя колеса. Въ удобныхъ мѣстахъ и на удобренной землѣ садятъ табакъ и сѣютъ хлѣбъ. Сквозь высокіе, стройные тополи, около которыхъ игралъ сынъ Адильбея, это милое дитя въ Черкескомъ платьѣ, видны окрестныя долины, скалы и горы, куда отправляется ихъ владѣтель на охоту за лисицами, зайцами, волками и дикими козами. Съ другой стороны, на взгорьи, красуется мечеть, отъ которой любовался окрестными видами нашъ любимый поэтъ Жуковскій, куда сбираются на богомолье жители Каралеса. Хорошо и привольно жить Адильбею: у него не одинъ Каралесъ, у него много деревень — и *Черкесъ-Керманъ*, славный своими ущеліями и пещерами, и Ходжа-Салы у подножія Мангупа и гора *Мангупъ* съ развалинами древнихъ укрѣпленій. Мудрено ли послѣ этого, что владѣлецъ живописныхъ долинъ, горъ, и чуть недопотопныхъ развалинъ, славится гостепріимствомъ; мудрено ли, что и мы съ товарищемъ мечтали о восточномъ кейфѣ. Но, на этотъ разъ, дѣло обошлось безъ кейфа, безъ шербета, безъ трубокъ, безъ дивановъ. Принятые ласково, мы разговори-

лись о житьѣ-бытьѣ, о Каралесѣ, Мангупѣ, Черкесъ-Керменѣ, — и такъ увлеклись расказами, что, выпивши по стакану прекрасной ключевой воды, отправились въ черкескерменскія пещеры и ущелья.

Да, мы не раскаялись въ этой поѣздкѣ, хотя мой утомленный товарищъ, для удобства, ѣхалъ чуть не по-дамски, перекинувши правую ногу чрезъ переднюю луку сѣдла.

Въ Черкесъ-Кермэнѣ засталъ насъ поздній вечеръ. По улицамъ изъ сплошнаго камня ходили Татары и бродилъ незагнатый скотъ; въ огромныхъ пещерахъ, изсѣченныхъ въ каменныхъ стѣнахъ ущелья, кочевали Цыгане: кто игралъ на скрыпкѣ, кто пѣлъ, кто ковалъ желѣзо, кто, безъ дѣла, увеличивалъ и разнообразилъ живыя группы, сбиравшіяся около огней.

Оставивши за собою деревню, мы ѣхали шагомъ, и не знаю отъ чего не говорили ни слова, а готовъ поручиться, что думали объ одномъ. И какъ было намъ не думать объ одномъ: мы съ товарищемъ выросли подъ вліяніемъ нашей сѣверной природы, привыкли къ ея лѣсамъ, ея рѣкамъ и пригоркамъ, которые называемъ горами, къ русскимъ обычаямъ и языку, — а теперь вокругъ насъ все новое: посреди отвѣсныхъ утесовъ глубокое ущеліе и надъ нимъ отъ всего неба видна только одна узкая полоса; надъ бѣдными жилищами людей взгромоздились скалы и, кажется, подавляютъ ихъ своимъ величіемъ. Тамъ мелькнетъ женщина, закутанная въ бѣлое покрывало; тамъ верховый ѣздокъ въ буркѣ и черной, мѣховой шап-

кѣ; тамъ расположилась толпа праздныхъ Татаръ и, молча, дѣлаетъ кейфъ; тамъ кочующіе Цыгане въ пещерахъ, — Богъ вѣсть кѣмъ и когда изсѣченныхъ. Другая природа, другіе люди. Какъ же было не задуматься, особенно здѣсь въ Черкесъ-Кермэнѣ, гдѣ природа бѣдна и грозна, гдѣ каждый звукъ, каждый шагъ лошади разсыпается звонкимъ эхомъ по ущелію и пещерамъ; гдѣ памятники переступили за грань исторіи и преданій, и въ убѣжищахъ пещеръ скрывается другое бѣдное, безпріютное племя....

Вотъ отъ чего мы ѣхали молча; вотъ вѣрно о чемъ задумались.

Но я было забылъ сказать, что мы ѣхали опять въ Каралесъ, опять къ почтенному Адильбею: онъ пригласилъ насъ на ночлегъ, если не вздумаемъ остаться въ Черкесъ-Кермэнѣ. Признаюсь, теперь мы готовы были завоевать какую нибудь комнату; но дѣло обошлось безъ войны: намъ отвели просторную гостиную. На мягкихъ диванахъ постлали прекрасныя одѣяла и мягкія подушки. Подали соты, бѣлыя и прозрачныя, какія можно найдти только въ Крыму; подали масло, сыръ, сливки и, въ заключеніе всего, трубки и *даже* чай. Не знаю какъ я успѣлъ набросать замѣтки въ мою дорожную книжку, не помню, какъ заснулъ; знаю только, что едва занялся свѣтъ, а нашъ вѣрный проводникъ Аметъ тянетъ съ меня одѣяло: — поѣдемъ, бояръ! Гайда!

Дорога изъ Каралеса къ Мангупу довольно разнообразна. На лѣво верстахъ въ двухъ и трехъ

живописныя каменистыя скалы; на право отлогія возвышенности; вдали верхи горъ и между ними всѣхъ огромнѣе плоская вершина Мангупа.

Кто бывалъ въ горахъ съ разсвѣтомъ дня, тотъ любовался смѣшеніемъ свѣта и тѣни, сближеніемъ дня и темной ночи. Роскошна зелень, блестящи вершины скалъ, озаренныя первыми лучами солнца; мрачны склоны горъ, обросшія лѣсами и обращенныя къ западу. Кто не былъ въ горахъ, тотъ пусть спѣшитъ полюбоваться въ нихъ и съ нихъ міромъ Божіимъ. Для него нѣтъ ни слова, ни кисти: въ его душѣ не найдетъ полнаго сочувствія ни поэтъ, ни живописецъ.

Отъѣхавши отъ Каралеса версты три, мы продолжали нашъ путь по глубокому логу. Въ немъ разведены табачныя плантаціи; повыше ихъ сады, полоски дозрѣвающаго хлѣба, огороженныя плетнемъ, по которому вились мѣстами какія-то большія бѣлыя цвѣты въ родѣ колокольчиковъ; мѣстами видны кусты шиповника, еще не совсѣмъ отцвѣтшаго. На лѣво, противъ самой деревни Ходжа-Салы, расположенной у подножія Мангупа, возвышался крутой мысъ; почти на самой его вершинѣ бьетъ ключь, и вода, сбѣгая по жалобамъ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженей, струится къ деревнѣ. Мы остановились близь этого мѣста, чтобъ полюбоваться мрачнымъ, величественнымъ видомъ Мангупа и срисовать его.

Окруженный со всѣхъ сторонъ цѣпями горъ и холмовъ, Мангупъ стоитъ одиноко въ долинѣ. Вершину его, подобно Чатырдагу, составляетъ широ-

кая площадь; по крутому взгорью темнѣютъ лѣса и видны полянки, покрытыя травою. Самый верхъ увѣнчанъ скалами отвѣсными, какъ стѣны; надъ ними кое-гдѣ растутъ южныя сосны, съ распростертыми вѣтвями, бѣдными зеленью. Три глубокихъ лога врѣзались въ Мангупскую гору, съ сѣверо-западной стороны и образовали четыре мыса; они какъ будто выглядываютъ одинъ изъ-за другаго, и самый дальный изъ нихъ, такъ скраденный перспективою, самый обрывистый, самый страшный. Въ немъ и отсюда замѣтны отверстія пещеръ и видны высокія стѣны скалъ.

По срединѣ втораго лога перегибается стѣна древней крѣпости, бѣлѣютъ высокія опустѣвшія башни, и тамъ тишина — и все развалина... У подножія горы, подъ навѣсомъ высотъ перваго мыса, Татарская деревня Ходжа-Салы, и въ ней слышны пѣсни и говоръ жизни...

Пріѣхавши въ деревню, мы взяли въ провожатые мальчика. Онъ шелъ впереди насъ такъ быстро и легко, что лошади едва успѣвали слѣдовать за нимъ самымъ ускореннымъ шагомъ. Тропинка, удобная для верховой ѣзды, вилась по взгорью между деревьями, и вела къ широкому логу, который подымался до самаго верха горы; по его срединѣ перегибалась передовая стѣна крѣпости Мангупъ-Кале, примыкая обоими концами къ неприступнымъ скаламъ. Во многихъ мѣстахъ она разрушена; въ нѣкоторыхъ видны обвалившіяся башни. Мнѣ хотѣлось вымѣрять эту стѣну хотя шагами, но груды

развалинъ, но частый кустарникъ, крутизна спуска и подъема заставили отложить предпріятіе. По приблизительному счету, во всей передовой стѣнѣ не менѣе 400 шаговъ. Слѣва, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ высокимъ скаламъ, высѣчены въ нихъ пещеры — то одинокія, то двухъ-этажныя, съ лѣстницами грубой работы или, можетъ быть, обезображенными временемъ и непогодами. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ сдѣланы какія-то углубленія, прорублены неправильныя двери и кругловатыя окна, отѣненныя лозами одичавшаго винограда.

За стѣною лѣжитъ тотъ-же логъ, поднявшійся на самый верхъ горы и, какъ грудами обломковъ, заваленный надгробными памятниками Караимовъ. Большая часть памятниковъ покрыта письменами; другіе совершенно обезображены временемъ, и не осталось на нихъ слѣда надписей. Пробравшись по забытому праху людей, среди тлѣющихъ надгробій, къ которымъ не привязано ни одно чувство — для которыхъ уже нѣтъ здѣсь ни любви, ни ненависти, ни даже памяти — мы поднялись на вершину горы, и цѣлыя селенія раскинулись подъ нашими ногами; за 30 верстъ виднѣлся Севастополь; за нимъ свѣтилось море; надъ всѣмъ раскинулся лазурный пологъ неба — и легкіе облака какъ духи вились надъ землею. На самой вершинѣ посреди развалинъ и надгробныхъ памятниковъ, мы встрѣтили столѣтняго старика съ дочерью и малюткою внукомъ. Здѣсь у него шалашъ и огородъ, и онъ единственный жилецъ Мангупа, нѣкогда грознаго и многолюднаго. Близъ его шалаша бьетъ ключь и, про-

точивши себѣ путь въ вершинѣ горы, сбѣгаетъ въ глубину лога. Подлѣ ключа видны остатки башни, подъ защитою которой онъ находился.

Недалеко отсюда остались слѣды Еврейской синагоги; далѣе, на широкой площади горы, уцѣлѣло нѣсколько обломковъ стѣнъ Греческой церкви, и на ихъ внутренней сторонѣ сохранились слѣды живописи; но уже не возможно различить ни одного изображенія. Во времена Палласа, посѣтившаго эти мѣста за 40 лѣтъ прежде насъ, были видны образа и ликъ Пресвятой Дѣвы. На западъ отъ церкви, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ, идутъ крѣпостныя стѣны, направляясь къ сѣверо-востоку и перерѣзывая вершины логовъ, которые вдаются въ гору. Въ предпослѣднемъ логѣ подымаются шесть башенъ. Вблизи стѣнъ видно нѣсколько широкихъ пещеръ и въ одной изъ нихъ съ шумомъ бьетъ ключь свѣжей чистой воды. Утомленные ходьбою и жаромъ дня, мы сѣли на лошадей и поѣхали отдохнуть въ эту пещеру. Здѣсь, едва я не поплатился за поспѣшность, съ какою въѣхалъ во внутренность пещеры: при началѣ ея потолокъ высокъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ склоняется ниже, а моя лошадь такъ обрадовалась прохладѣ, что бросилась вдругъ въ глубину пещеры; я склонился къ передней лукѣ сѣдла, и былъ такъ сильно прижатъ къ ней грудью, что и на другія сутки чувствовалъ вліяніе нежданнаго путешествія. Отдохнувши здѣсь, мы отправились къ замку или второму укрѣпленію. При выѣздѣ изъ лога видно Татарское кладбище съ памятниками, обвитыми чалмами, еще далѣе вся пло-

щадь горы усѣяна щебнемъ и камнями, послѣдними остатками зданій; при въѣздѣ въ замокъ стоятъ остатки мечети, уцѣлѣвшіе болѣе другихъ зданій. Внутренность ея довольно хорошо сохранилась и виденъ михрабъ, или мугамеданскій алтарь, обращенный на западъ. Близъ мечети, въ направленіи почти къ югу, сдѣлано нѣсколько пещеръ, съ ступеньками въ эти подземныя жилища. Въ замокъ ведутъ черезъ обломки камней небольшія ворота, сдѣланныя въ стѣнѣ, которая идетъ поперегъ всей площади мыса. Стѣна толщиною до трехъ аршинъ, сложена изъ дикаго и известковаго камня.

Сторона дома, ко внутренности замка, уцѣлѣла болѣе другихъ. Этотъ замокъ защищалъ ворота и озиралъ всю площадь горы. По огромнымъ окнамъ, сохранившимся только въ этой стѣнѣ, видно, что домъ былъ двухъ-этажный; косяки оконъ украшены изображеніемъ въ родѣ готическомъ: на нихъ сдѣланы звѣзды изъ нѣсколькихъ угловатыхъ линій, или что-то въ родѣ цвѣтковъ изъ сплетенныхъ круговъ. Другія стѣны дома пали и образовали собою груды развалинъ, подъ которыми замѣтны входы; еще держится одна часть юго-восточной поперечной стѣны и изъ небольшихъ каридорцевъ идетъ выходъ на стѣну, примкнувшую къ самому дому. На лѣво эта стѣна вдругъ обрывается надъ уступомъ горы, и за нею внизу видны долины и верхи горъ, на право за башнею, повисшею надъ страшнымъ обрывомъ, видны холмы, море и едва бѣлѣетъ Севастополь.

Въ этомъ домѣ Татарскіе ханы заключали нашихъ посланниковъ. «Въ этомъ домѣ, говоритъ одинъ писатель, посѣтившій Мангупъ за 250 лѣтъ до нашего времени, по варварской жестокости хановъ, иногда содержатся въ заключеніи Московскіе послы, съ которыми безчеловѣчно поступаютъ.» (1).

Въ 1572-мъ году, любимецъ Іоанна IV, Василій Грязной, былъ захваченъ Татарами на Молочныхъ водахъ, посаженъ въ Мангупъ и протомился въ немъ пять лѣтъ. Онъ писалъ къ Іоанну: «не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись содержался очень худо, и толькобъ не Государская милость застала душу въ тѣлѣ ино было съ голоду и съ наготы умерти.» (2).

Не далеко отъ стѣны есть двѣ подземныя пещеры, и изъ нихъ прорублено окно въ самомъ обрывѣ. Оконечность замка образуетъ узкій мысъ изъ голаго камня безъ признаковъ растительности. Близъ него въ пещерахъ замѣтны слѣды жилья. Во внутренности мыса въ камнѣ изсѣчены комнаты. Въ глубину первой комнаты ведутъ семь ступеней. Длиною она шаговъ 12. Въ ней четыре неровныя, большія отверстія на всѣ четыре стороны. На противоположномъ отъ входа концѣ, другія пять ступеней выводятъ на небольшой мысокъ уступа. Подъ этой комнатной есть еще нѣсколько пещеръ или комнатъ, и въ нихъ ведутъ двѣ лѣстницы, одна внутренняя, высѣчная въ скалѣ, другая внѣшняя подъ навѣсомъ скалы, надъ пропастью. Въ этихъ подземныхъ жилищахъ сдѣлано семь комнатъ: первую можно на-

звать залою: по срединѣ ея изъ той же скалы высѣченъ столбъ, поддерживающій потолокъ — эту массу камня, толщиною въ нѣсколько саженей. Прямо изъ этой комнаты устроены еще три.

Кому же принадлежала эта крѣпость? Какой народъ предпринялъ страшный трудъ, изсѣкать пещеры и цѣлыя зданія, врываясь въ глубину скалъ? Кто, спасавши свою жизнь и, быть можетъ, оберегавши страну, жилъ здѣсь между небомъ и землею, въ этой подоблачной пустынѣ, разобщенной отъ общества людей?

Взглянемъ еще на памятники разныхъ народовъ, и на развалины крѣпости: въ ней есть остатки *мечети*, *Караимское кладбище*, *Греческая церковь*. Стѣны крѣпости кладены на извести большими *плитами;* устройство круглыхъ и четырехъ-угольныхъ башенъ обнаруживаетъ вкусъ *Европейской*. Украшенія, уцѣлѣвшія на окнахъ, сдѣланы во вкусѣ *готическомъ*.

Кѣмъ же изъ этихъ народовъ основанъ Мангупъ-Кале?

Конечно не Татарами. Они держали въ крѣпкой зависимости Грековъ и Готфовъ, владѣвшихъ горной частью Крыма, брали съ нихъ дань, а сами жили съ своими стадами въ степяхъ, и только постепенно привыкали къ долинамъ. При томъ же Татары вошли въ Крымъ около половины XIII-го вѣка. а на Караимскихъ надгробныхъ памятникахъ въ Мангупѣ отыскана надпись, на которой означенъ Еврейскими буквами 1274 годъ.

Караимы, сколько извѣстно, никогда не были господами даже въ какой нибудь части Крыма, всегда жили изъ-за другихъ, и въ ихъ преданіяхъ, такъ отдаленныхъ по другимъ предметамъ, нѣтъ даже намековъ объ основаніи, здѣсь въ Крыму, какой нибудь крѣпости. Но можно предположить, что подъ Караимами мы разумѣемъ народъ, исповѣдующій Моисеевъ законъ; а Еврейскаго ли онъ племени или смѣшался съ другими племенами, трудно рѣшить. Извѣстно только, что Хазары были Еврейскаго исповѣданія, вѣроятно Караимскаго, жили въ Крыму, и конечно живутъ теперь въ своихъ потомкахъ, быть можетъ, обитателяхъ Чуфутъ-Кале.

Основаніе этой крѣпости не было дѣломъ и рукъ Генуэзскихъ, потому что она существовала въ 1274 году, — а первое Генуэзское поселеніе въ Крыму, Кафа или Феодосія, занято только въ 1266 году, или около этого времени. Притомъ Генуэзцамъ, какъ народу торговому, нужны были гавани и приморскія мѣста, а не крѣпость во внутренности земли, *до основанія* которой ихъ не допустили бы Татары, какъ они вскорѣ жалѣли и объ уступкѣ Кафы. И если Готфія въ исходѣ XIV вѣка перешла въ руки Генуэзцевъ, то перешла можно сказать готовая, съ городами и крѣпостями, которые могли только поддерживаться, передѣлываться, но ни въ какомъ случаѣ не были построены Генуэзцами.

Изъ этого выходитъ, что всѣ народы, владѣвшіе Крымомъ, начиная съ Татаръ, т. е. съ XIII столѣтія, должны быть отстранены отъ права на основаніе крѣпости Мангупъ-Кале.

Мангупъ-Кале основанъ ранѣе.

Ранѣе XIII вѣка властвовали въ Крыму Половцы, Печенѣги, Хазары; но и они не строили здѣсь крѣпостей, и вели жизнь, которая устраняла ихъ отъ стѣсненія въ городахъ. Была, правда, у Хазаръ на Дону крѣпость Бѣлая Вѣжа или Саркелъ; но она построена для обороны отъ кочевыхъ племенъ, подвигавшихся въ Европу изъ средней Азіи, сдѣлана Греческими мастерами и упоминается въ Греческихъ лѣтописяхъ. А въ Крыму Хазары были полными хозяевами и брали дань со всего, чему оставляли жизнь.

Ранѣе владычества въ Крыму этихъ народовъ господствовали въ немъ Угры, Гунны, Готфы, а въ самыя отдаленныя вѣка — Скифы, Кимеріане, и др. Во все это время, т. е. начиная лѣтъ за 500 до Р. Х., Греки имѣли здѣсь свои поселенія и удержали ихъ до позднѣйшихъ временъ.

И мнѣ кажется, что они, основавши по приморскимъ мѣстамъ города: Пантикапею, нынѣшнюю Керчь, древній Херсонесъ или Севастополь, Ѳеодосію или Кафу, Алушту, Символонъ, Юрзуфъ и другіе; основали и внутреннія крѣпости: Паланкіонъ, Хавунъ, Неаполисъ, Доросъ и другія, въ числѣ которыхъ былъ Мангупъ. Это вѣроятно тѣмъ болѣе, что всѣ народы, жившіе въ здѣшнихъ горахъ, были подъ зависимостію или покровительствомъ Грековъ, и Греки, впослѣдствіи, платили съ этихъ мѣстъ и городовъ дань кочевымъ властителямъ Крыма. Правда, большая часть писателей приписываютъ построеніе Ман-

гупа Готфамъ, которые имѣли въ Крыму *свою эпархію*, удержали и сохранили *свой языкъ* долѣе, нежели гдѣ нибудь въ Европѣ, занимали *горную часть* Крыма отъ Севастополя до Судака, вели значительную *торговлю*, и по словамъ пѣвца Игорева: Готѳскія дѣвы пѣли пѣсни на берегу Синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ. Но сколько извѣстно изъ лѣтописей, Готфы долго не могли сносить городской жизни и, подобно древнимъ Германцамъ, смотрѣли на городскія стѣны, какъ на заключеніе; потому-то Юстиніанъ, уважая ихъ и соображаясь съ ихъ обычаями, старался сберечь ихъ, какъ союзниковъ, и оградить отъ непріятелей—не городами, но однѣми *стѣнами*, при входахъ въ долины и ущелья. (4) Остатки нѣкоторыхъ изъ этихъ стѣнъ сохранились до нашихъ временъ, какъ на пр. въ узкой долинѣ, которая идетъ мимо деревни Ходжа-Салы близь Мангупа. Но когда однѣхъ стѣнъ, заграждавшихъ входы, было не достаточно, въ то время Греки начали строить крѣпости для своихъ союзниковъ, особенно при нашествіи Хазаръ, Печенѣговъ и Половцевъ. Даже нѣтъ причинъ думать, чтобъ эти крѣпости не существовали и прежде—на землѣ, занимаемой Готфами. И вѣроятно онѣ были защищаемы ими, вмѣстѣ съ Греками, и дали поводъ многимъ писателямъ къ предположенію, что онѣ основаны Готфами, и къ извѣстіямъ *о славномъ Готфскомъ городѣ Мангупѣ или Мангутѣ*, который дѣйствительно былъ ихъ столицею и въ которомъ они удержались долѣе, нежели гдѣ нибудь въ Европѣ. Но послѣ паденія Кафы въ 1475 г. палъ и неприступный Ман-

гупъ по безпечности начальника, выѣхавшаго на охоту и захваченнаго въ плѣнъ. Жители его бѣжали и почти всѣ погибли въ бѣгствѣ. (5) Нѣкоторые писатели увѣряли, что Мангупъ есть древняя *Пиритаки*, *Аргода*, *Тована* и относили его существованіе ко временамъ чуть не баснословнымъ (6).

Кладка Мангупскихъ стѣнъ та же какъ и въ древнемъ *Херсонесѣ*, размѣръ плитъ почти *тотъ же*. Еще за триста пятдесятъ лѣтъ до настоящаго времени, нѣкто Броневскій, заставши уже развалины Мангупа, захваченнаго Турками и опустошеннаго пожаромъ, говоритъ, что ворота замка были украшены «*Греческими надписями и многимъ мраморомъ.*» (7) А на стѣнахъ замка видны были изображенія Греческихъ Царей. Когда Турки изгнали Генуэзцовъ изъ Кафы, то объ этомъ происшествіи Турецкій историкъ выражается такимъ образомъ: «Визирь Кедукъ Ахметъ Паша завоевалъ у *невѣрныхъ Франковъ* крѣпость Кефе; а у *невѣрныхъ Христіанъ* крѣпости: Керчь, Тамань и Мангубъ! (8) Здѣсь, кажется, едва ли не съ намѣреніемъ сдѣлано отличіе между *Франками* и другими невѣрными *христіанами*, т. е. собственно Греками.

По взятіи крѣпости Турками, захвачены въ ней *Греческіе Князья*, которыхъ Порта отправляла послами къ Русскому двору; одинъ изъ нихъ названъ въ нашихъ лѣтописяхъ: *Князь Кемалъ* (господинъ, владѣлецъ) *Мангупскій*. (9)

Въ первый же разъ о Мангупѣ упоминается у насъ, сколько извѣстно, подъ годомъ 1481, уже по взятіи его Турками. (10)

И такъ, ходъ историческихъ произшествій, образъ жизни, владѣвшихъ въ Крыму народовъ, остатки памятниковъ — доказываютъ, что Мангупская крѣпость основана Греками. Здѣсь они съ своими союзниками Готфами, составлявшими главную массу населенія, держались до завоеванія Крыма Турками. По другимъ памятникамъ видно, что вмѣстѣ съ ними жили здѣсь Караимы Еврейскаго племени, а можетъ быть и самые Хазары, принявшіе Еврейскую вѣру. Татары начали селиться въ этой крѣпости, кажется, не ранѣе XV столѣтія, т. е. послѣ совершеннаго покоренія ея Турками въ 1475 г. Не имѣя морской силы и привыкнувъ почти къ кочевой жизни, Татары долго удовлетворялись одною данью съ Греческихъ приморскихъ и внутреннихъ городовъ; Генуэзцы, усилившись въ Кафѣ, вмѣшивались въ дѣла Татаръ и нерѣдко располагали ими по своимъ видамъ. Но Турки, сильные флотомъ и сухопутнымъ войскомъ, окончательно и вполнѣ покорили весь Крымъ. Съ этого времени палъ и запустѣлъ Мангупъ. Долго держались развалины его укрѣпленій. Во времена Палласа въ нихъ уже не было жителей: только нѣсколько Евреевъ приходили сюда выдѣлывать кожи.

Названіе крѣпости Мангупа стало извѣстно только во времена Татарскаго владычества, и потому можно предполагать, что это слово Татарское, тѣмъ болѣе, что у нихъ есть имя Мангу, и въ путешествіи Геббеля по заволожскимъ степямъ упоминается о какомъ-то *Мангутѣ*. (11) Нѣкоторые изъ вышедшихъ отсюда Караимовъ удержали названіе Мангу-

па; одна изъ этихъ фамилій живетъ въ Козловѣ. Вѣроятно Караимы были послѣдними жителями Мангупа и оставили его развалины, по трудности и отдаленности пути въ торговыя мѣста Крыма.

Теперь владѣлецъ Мангупской горы и развалинъ крѣпости разбираетъ остатки дома, въ которомъ заключали Русскихъ пословъ, и перевозитъ ихъ, для домашнихъ построекъ, въ свой живописный Каралесъ.

III.

БАЙДАРЫ И МЕРДВЕНЬ.

.... Дорога изъ Мангупа круто сбѣгаетъ около мыса, подъ нависшими утесами. По ней можно ѣздить въ тѣлегахъ. Съ каждымъ шагомъ внизъ—она какъ будто выростаетъ и становится грознѣе.... Далѣе, къ Байдарамъ она перегибается съ горы на гору, такъ что едва спуститесь съ одной и уже поднимаетесь на другую. Желая сократить путь, мы пробирались тропинками и на каждомъ шагу встрѣчали новые виды: то обнаженныя каменистыя скалы, то богатую растительность. Съ каждой горы открывались верхи другихъ горъ и подымалась мрачная вершина Чатырдага. Приближаясь къ Байдарамъ, почва земли плодоноснѣе, лѣса тѣнисты и роскошны, вездѣ: кленъ, южный дубъ, грабина, простый дубъ, орѣшникъ — высоко обвитые плетущимися травами. Спускъ въ долину удобенъ, но при обыкновенной ѣздѣ продолжается болѣе часа. Долина раскидывается какъ чаша, окру-

женная подоблачными горами, полная лѣсовъ, садовъ, деревень, полянъ—и посрединѣ ея вьется быстрый, горный ручей. По лугамъ и холмамъ разсыпаны стада, по тропинкамъ мелькаютъ пешеходы, вершники, и порою доносятся голоса ихъ пѣсенъ и веселый ихъ крикъ. Въ селеніи Байдарахъ считается до 370 душъ Татаръ, мечеть, греческая гостинница, двѣ татарскія лавки, съ товарами изъ Бахчи-сарая. Вся долина принадлежитъ Н. С. Мордвинову, но крестьяне вольные, нуждаются въ землѣ и лѣсѣ, и нанимаютъ и покупаютъ ихъ у владѣльца. Дорога изъ Байдаръ къ Мердвеню не замѣтно подымается въ горы, на самый хребетъ *Яйлы*. Она довольно удобна для большихъ экипажей. Во многихъ мѣстахъ бьютъ ключи и подъ тѣнью деревъ устроены фонтаны; вокругъ огромные лѣса, и вездѣ пріютъ и тѣнь для путника; все успокоиваетъ и тѣло и душу, и радъ ѣхать шагъ-за-шагомъ, спокойно колыхаясь въ мягкомъ сѣдлѣ...

И вдругъ Мердвень.

Рука не вольно затянула повода... лошадь стала.... Вы на хребтѣ Яйлы; предъ вами, въ этой широкой разсѣлинѣ, высѣчена дорога на взморье. Деревья еще заслоняютъ видъ, и сквозь ихъ зелень онъ становится страшнѣе и привлекательнѣе. Еще шагъ впередъ... бросьте повода, взойдите на груду камней, завалившихъ спускъ ко взморью: скалы налѣво выстроились рядами и выглядываютъ одна изъ-за другой; онѣ разстреснуты какъ будто отъ сильнаго жара, и по ихъ трещинамъ ростетъ кустарникъ; скала на лѣво отъ вершины до основанія

гладка, какъ стѣна, и проборозжена въ длину небольшою трещиною, въ которой растутъ травы и кусты, и надъ самымъ отвѣсомъ простерла свои бѣдныя вѣтви одинокая приморская сосна. Подъ вашими ногами за нѣсколько сотъ сажень въ низу небольшая площадка: это часть южнаго берега, зеленѣющаго садами; на немъ едва замѣтны двѣ дачи, обсаженныя раинами. Далѣе—безконечность моря и безконечность неба — корабли и облака....

Не вдругъ оторветесь отъ этого вида; не вдругъ рѣшитесь спуститься по страшной лѣстницѣ, которую прозвали *Чортовой*, на южный берегъ, въ этотъ садъ Армиды. . . . . .

Вадимъ Пассекъ.

Дача Темиръ-Аги.

ОКРЕСТНОСТИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.

Курганы. Убіеніе св. Князя Бориса. Древніе кресты. Древній Еврейскій памятникъ.

Переяславль, въ настоящее время, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и принадлежитъ къ числу многихъ уѣздныхъ городовъ, которые не привлекаютъ ни мѣстоположеніемъ, ни выгодами промышленности, ни общественною образованностію. Но имя его отзывается чѣмъ-то знакомымъ, не только въ Малороссіи, но и въ Россіи. Вѣроятно, эта извѣстность передана и утвердилась за Переяславлемъ историческими событіями, которыми онъ, въ продолженіи почти 1000 лѣтъ, выступаетъ изъ ряда городовъ.

Наши предки относили его основаніе — то ко временамъ Олега, то говорили, что онъ построенъ святымъ Владиміромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нашъ богатырь задушилъ, въ единоборствѣ, печенѣжскаго Великана и обратилъ въ бѣгство Печенѣговъ. А мнѣ кажется, что онъ древнѣе того времени, съ котораго привыкли начинать Русскую исторію, и существовалъ до прихода въ Россію Рюрика съ бра-

тіею. Сдѣлавшись главнымъ городомъ удѣльнаго Княженія, Переяславль не разъ принималъ на свой щитъ первые удары кочевыхъ народовъ. По его имени названъ городъ на сѣверѣ Россіи, куда наши Князья переносили, вмѣстѣ съ общественною жизнію и устройствомъ, много воспоминаній о любимомъ югѣ. Во времена *Гетьманщины* онъ былъ полковымъ городомъ; въ его святомъ храмѣ Хмѣльницкій и все казачество *присягнули* въ вѣрности Русскому Царю, и въ лицѣ Государевыхъ пословъ, въ лицѣ Гетмана и Полковниковъ соединилась Малороссія съ Россіею, такъ надолго разторженныя судьбою. Все это, вмѣстѣ съ другими важными обстоятельствами, придало извѣстность Переяславлю. Но объ исторической его судьбѣ и значительности поговоримъ въ другое время, а теперь раскажемъ только о его окрестностяхъ и остаткахъ памятниковъ, которыми было такъ богато Переяславльское Княженіе.

Городъ Переяславль со всѣхъ сторонъ, и особенно съ восточной и западной, окруженъ могильными насыпями, напоминающими времена битвъ. Онѣ неправильно набросаны одна подлѣ другой, и опытный взоръ, безъ труда, отличитъ ихъ отъ древнихъ кургановъ или *могилъ*, называемыхъ Скифскими. Плугъ земледѣльца не рѣдко вырываетъ человѣческія кости, остатки оружія и конской сбруи. Много пролито крови на этихъ поляхъ.

Но перейдемъ къ другому памятнику который напоминаетъ страшное событіе, ужаснувшее совре-

менниковъ и пережившее почти восемъ вѣковъ въ памяти окрестныхъ жителей. Это часовня на мѣстѣ убіенія Князя Бориса Владиміровича, признаннаго церковію святымъ мученикомъ.

За 825 лѣтъ до нашего времени (1015) Великій Владиміръ, узнавши о приближеніи Печенѣговъ къ владѣнію Русскихъ, послалъ противъ нихъ съ дружиною своего любимаго сына Бориса, удѣльнаго Князя Ростовскаго. Изъ остальныхъ его сыновей были каждый въ своемъ участкѣ: Глѣбъ въ Муромѣ, Ярославъ въ Новѣгородѣ, Святославъ въ землѣ Древлянской; одинъ Святополкъ, удѣльный Князь Туровскій, пріѣхалъ, на то время, въ Кіевъ. Владиміръ былъ болѣнъ и жилъ верстахъ въ двухъ отъ города, въ любимомъ Берестовскомъ теремѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Печерская обитель. Болѣзнь его, усиленная неповиновеніемъ Ярослава, свела его въ могилу: 15 Іюля былъ день его кончины.

Великокняжескій престолъ слѣдовалъ старшему сыну Святополку, который проживалъ тогда въ Кіевѣ, кажется предвидѣвши смерть отца. *Но сердца Кіявлянъ*, по словамъ лѣтописца, *не были съ Святополкомъ*: [1] они были преданы Борису, который, не встрѣтивши Печенѣговъ, возвращался въ престольный городъ, и расположился станомъ на лѣвомъ берегу Альты, въ трехъ верстахъ выше Переяславля, и въ осмидесяти верстахъ отъ Кіева. Слышавши о его возвращеніи и, кажется, ожидая его прибытія, Бояре утаили на время отъ Святополка и народа смерть Владиміра; но прождавши напрасно цѣлый день,

обвернули, ночью, тѣло Владиміро́во въ коверъ, спустили его на землю сквозь разобранный полъ, отвезли въ городъ и поставили въ сооруженной имъ Десятинной Церкви святой Богородицы. На утро народъ узналъ о кончинѣ своего Великаго Князя, заливался слезами надъ его тѣломъ и съ плачемъ схоронилъ Великаго Владиміра.

Святополкъ, по праву наслѣдства, сталъ Великимъ Княземъ и, надѣявшись пріобрѣсти любовь народную, началъ раздавать Кіевлянамъ имѣнья; *но они*, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, *хотя и принимали*, а *сердце ихъ было отъ него далеко.*

Въ это время дошла вѣсть до Бориса о кончинѣ отца, и онъ горько плакалъ о немъ, потому что «*былъ любимъ отцемъ болѣе всѣхъ дѣтей.*» Тогда дружина Владимірова сказала ему: «*съ тобою дружина и войско твоего отца, пойди и возьми Кіевскій престолъ.*» Но онъ отрекся: «*не подыму*, сказалъ онъ, *руки на старшаго брата! отецъ мой умеръ, пусть теперь будетъ онъ моимъ отцемъ.*» Воины разошлись и Борисъ остался съ одними отроками. Но Святополкъ не былъ спокоенъ; его страшило нерасположеніе народа; онъ боялся каждаго изъ своихъ братьевъ и, кажется, болѣе всѣхъ Бориса — любимца Владиміра и народа. Къ нему послалъ Святополкъ съ увѣреніями въ любви и обѣщаніемъ *придать къ удѣлу*. Но въ своемъ недовѣрчивомъ умѣ затаилъ мысль братоубійства. Ночью, едва засыпавши землею прахъ Владиміра, онъ тайно пришелъ въ Вышегородъ, лежащій на правомъ бе-

регу Днѣпра, верстахъ въ семи выше Кіева; призвалъ къ себѣ какого-то Путшю съ Вышегородскими Боярами, и спросилъ ихъ: «*искренно ли вы мнѣ преданы?*» Путша и Вышегородцы отвѣчали: «*можемъ положить за тебя наши головы.—Пойдите же и убейте брата моего Бориса, но не говорите объ этомъ никому.*» Они обѣщались и ночью же, кажется, на другой день предъ заутреннею были на Альтѣ подлѣ шатра Борисова. Борисъ, оставленный воинами и предувѣдомленный о тайномъ заговорѣ, готовился къ смерти, и молился предъ образомъ Божіей Матери о спасеніи его отъ враговъ, и чтобъ Богъ не вмѣнилъ брату его въ грѣхъ убійства. Если лѣтописецъ произвольно вложилъ эту молитву въ уста Бориса, то не погрѣшилъ противу его сердца: вѣрно не напрасно любилъ его отецъ и былъ преданъ ему весь народъ. Притомъ одинъ изъ отроковъ его—Моисей, братъ Борисова любимца Георгія, спасся отъ убійцъ, былъ инокомъ Печерской обители и современникомъ нашего лѣтописца. Онъ могъ многое разсказать ему о смерти Князя и, чтимый за святую жизнь, вѣрно не принялъ бы на душу свою грѣха обмана.

Не большое пространство раздѣляло злодѣевъ отъ человѣка, изливавшаго душу въ чистой молитвѣ предъ Богомъ: они стояли за шатромъ и выжидали пока все затихнетъ. Знали ли они, подкупные убійцы, на кого поднимали руки? чьей искали крови? Жаль было современникамъ юнаго и добраго Бориса, и какъ не жалѣть его! *Онъ былъ послушливъ предъ отцемъ, прекрасенъ и высокъ, лице имѣлъ круглое, плечи*

широкія, станъ тонкій, очи добрыя и веселыя, бороду небольшую, потому что былъ еще молодъ, и усы царскія; тѣломъ крѣпокъ и украшенъ всѣмъ, какъ цвѣтъ въ своей юности, храбръ въ ратномъ дѣлѣ, мудръ въ совѣтахъ и разуменъ во всѣмъ: видно было, что въ немъ процвѣтала благодать Божія. Этотъ юноша стоялъ тогда предъ Богомъ и съ слезами изливалъ свою душу; а во тмѣ ночи, подлѣ него, таились убійцы! И лишь только онъ, помолившись, прилегъ отдохнуть, они бросились къ шатру, пробили его копьями и пронзили Князя, а вмѣстѣ съ нимъ и отрока Георгія, который надѣялся защитить его отъ ударовъ своимъ тѣломъ. Остальные отроки, вѣроятно, спали и всѣ погибли, кромѣ брата Георгія—Моисея, убѣжавшаго въ Кіевъ; но ихъ было много, и, кажется, не безъ бою пали они отъ рукъ убійцъ, которые не забыли отсѣчь голову Георгію, чтобъ легче сорвать съ груди его золотую гривну.

Бориса завернули въ наметъ его шатра и на телѣгѣ повезли въ Вышегородъ. Но жизнь не оставила его, и въ бору, который и теперь, въ своемъ перерожденіи, обширенъ и мраченъ, онъ, какъ будто освѣженный прохладой, въ послѣдній разъ приподнялъ голову. Святополкъ узнавъ, что въ братѣ теплится жизнь, послалъ двухъ Варяговъ добить его: одинъ изъ нихъ пронзилъ ему мечемъ сердце. Только тогда и то, скрывши отъ народа, ввезли тѣло его въ Вышегородъ и схоронили въ церкви св. Василія. Такъ погибъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ Князей. Лѣтописецъ называетъ и главныхъ убійцъ—вотъ они: Путьша, Талець, Еловичь и Ляшко.

Церковь и потомство причислили Бориса къ лику святыхъ мучениковъ, а Святополку придали страшное названіе: *окаянный*.

И во всей нашей исторіи, не только во времена Христіанства, но даже во времена язычества, не было убійства такъ злодѣйски расчитаннаго.

Религія уже произвела переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ людей. Мы видѣли вліяніе духовенства на народъ и на Князей. Владиміръ—язычникъ и убійца брата, ставши Христіаниномъ, не рѣшался казнить разбойниковъ, считая за грѣхъ проливать кровь человѣческую. Допуская даже Скандинавское право мщенія — мы не оправдаемъ преступленій Святополка. Надобно только раскрыть сѣверныя сказанія, чтобъ видѣть, какимъ открытымъ боемъ бился Скандинавъ, исполняя право мести, требуя крови за кровь.

Вѣкъ вѣкомъ, а внутренній голосъ, понятный для всѣхъ, не замолкаетъ съ созданія перваго человѣка. Въ глубинѣ души есть заповѣдь, данная человѣчеству на всю жизнь его. И за тысячи лѣтъ были знакомы намъ чувства и страсти. На знаніи ихъ основано безсмертіе величайшихъ поэтовъ — и безъ сочувствія движенію души древняго міра, мы не поняли бы поэта, раздѣленнаго отъ насъ вѣками, тысячалѣтіями. Послѣдніе дни Святополка, истощеннаго неудачами, растерзаннаго совѣстью, оправдываютъ лѣтописца, который, какъ современникъ по чувствованіямъ и понятіямъ, болѣе насъ, отдаленныхъ отъ этихъ событій восемью стами лѣтъ, могъ быть судьею поступковъ. Такъ многіе изъ духовен-

ства того времени часто были судьями и обличителями ихъ уважавшихъ Князей и народа.

«*Что мнѣ дѣлать? говорилъ Святополкъ*, въ борьбѣ страстей и вѣры и понятій, *остановлюсь ли на этомъ убійствѣ? братья мои горько отплатятъ мнѣ за него, или изгонятъ меня — лишатъ отеческаго престола, и сожалѣніе объ этой утратѣ иссушитъ меня.... всѣ станутъ поносить меня; моимъ Княженіемъ завладѣетъ другой и запустѣютъ дома мои... Умножу преступленіе — преступленіемъ: мнѣ уже не оправдаться предъ Богомъ.*» И рѣшился убить брата Глѣба, Князя Муромскаго. Послалъ къ нему за тысячу верстъ сказать, что Владиміръ болѣнъ и зоветъ его къ себѣ. Глѣбъ повѣрилъ обману, поспѣшилъ къ больному отцу, и съ малою дружиною поѣхалъ верхомъ къ Волгѣ, гдѣ упавши съ коня вывихнулъ ногу. Оттуда отправился къ Смоленску по Днѣпру, чтобъ ѣхать до Кіева водою, и остановился близь города, при урочищѣ Смядынѣ. Здѣсь онъ получилъ первую вѣсть о смерти отца и брата отъ сестры своей Предславы. Она предостерегала его отъ Святополка; но уже поздно. Глѣбъ увидѣлъ на Днѣпрѣ лодку съ гребцами и обрадовался, не знавши, что это его убійцы. Поровнявшись съ его ладьею, они вскочили въ нее съ обнаженными мечами. Дружина Глѣбова оробѣла, гребцы опустили весла и помертвѣли отъ страха. Глѣбъ все понялъ, залился слезами и жалобно умолялъ: «*не бейте! меня! братья милые и дорогіе — не бейте я вамъ никакого зла не сдѣлалъ. Владыки мои! не*

бейте меня? чѣмъ обидѣлъ я васъ и брата? и если обидѣлъ, то отведите меня къ своему Князю, къ моему брату и господину. Пощадите юность мою — владыки мои! я буду слугою вашимъ! не отнимайте отъ меня юной жизни...» Но напрасно онъ молилъ убійцъ; напрасно заклиналъ ихъ Вѣрою: они бросились и схватили его. Бѣдный юноша умолялъ души отца и матери спасти его отъ смерти; звалъ къ себѣ Ярослава, молилъ Бориса; палъ на колѣни, излилъ свои страданія предъ Богомъ и, вставши, сказалъ убійцамъ: *начинайте-же за чѣмъ вы посланы.* Тогда Горясѣръ, посланецъ Святополковъ, велѣлъ его зарѣзать, и Глѣбовъ-же поваръ Торчинъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ имъ бѣднаго юношу, своего Князя и господина.

Увѣдомленный о гибели Глѣба, Святополкъ погубилъ Святослава, бѣжавшаго изъ своего Княженія въ Венгріи; *вознесся сердцемъ* и сталъ безопаснѣе княжить въ Кіевѣ.

Но мстителемъ за кровь братьевъ былъ Ярославъ.

Когда погибли Борисъ, Глѣбъ и Святославъ, въ то время Ярославъ еще не зналъ о смерти отца. Онъ былъ занятъ своими дѣлами. Въ его Новгородѣ, нанятые Варяги дѣлали насиліе жителямъ, оскорбляли мужей и безчестили женъ: такой обиды не потерпѣли Новогородцы и, соединившись, избили Варяговъ. Ярославъ лестію собралъ главныхъ участниковъ мятежа въ своемъ загородномъ теремѣ и изрубилъ изъ нихъ тысячу человѣкъ: остальные разбѣжались. Въ эту же ночь къ не-

му пришла вѣсть отъ сестры его Предславы о смерти ихъ отца и убіеньи Бориса и Глѣба. Ярославъ опечалился: у него не оставалось Варяговъ и погибло много Новогородцевъ. Онъ созвалъ рано утромъ остальныхъ изъ нихъ на вѣчѣ, и сказалъ: *«вчера, въ безуміи моемъ, я избилъ мою любимую дружину! а теперь она мнѣ надобна!»* Утеръ слезы и продолжалъ: *«братья! отецъ мой умеръ, а Святополкъ княжитъ въ Кіевѣ, избивая братьевъ: хочу итти на него — помогите мнѣ.» — Пусть братья наши убиты*, отвѣчали Новогородцы, *а мы пойдемъ съ тобою.* Собралось 30 тысячь воиновъ Новогородскихъ, 1000 Варяговъ, и Ярославъ съ словами: *Богъ мститель за кровь братьевъ моихъ,*— повелъ свои дружины къ Кіеву, слишкомъ за тысячу верстъ.

Три года продолжалась война между братьями; три поля битвы были облиты кровью за дѣло трехъ братоубійствъ.

Первая битва была недалеко отъ Кіева. Ярославъ расположился станомъ близь Любеча на берегу Днѣпра. Святополкъ, съ сильною Русскою ратью и множествомъ наемныхъ Печенѣговъ, стоялъ на другомъ берегу между двумя озерами. Три осеннихъ мѣсяца, не трогаясь съ мѣста, братья не рѣшались на битву. Но когда Святополковъ воевода Волчій Хвостъ подъѣхалъ верхомъ къ Днѣпру и посмѣялся надъ Новогородцами и Ярославомъ, вскричавши имъ: *Эй вы плотники! Зачѣмъ вы пришли сюда съ своимъ хромоногимъ Княземъ! мы заставимъ васъ строить наши избы!»* Этой обиды не

вынесли Новогородцы: *Завтра же утромъ*, сказали они Ярославу, *перевозимся на ту сторону, а кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.* Ярославъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ-то въ станѣ Святополка и тайно послалъ спросить у него: *что дѣлать если дружины много, а меду мало?* — *Если дружины много, а меду мало*, отвѣчалъ онъ посланному, *то къ вечеру надобно изготовить меду.* Ярославъ понялъ отвѣтъ — и въ ночь, переправивъ въ ладьяхъ, чрезъ замерзавшій Днѣпръ, все свое войско, отринулъ отъ берега ладьи, чтобъ никто не думалъ о бѣгствѣ.

Къ другой ночи въ войскѣ Новогородскомъ все было готово къ битвѣ. Ярославъ, опасавшись, чтобъ въ темнотѣ не смѣшаться съ врагами, сказалъ своей дружинѣ и войску: *Знаменуйтеся, повивайте главы ваши убрусомъ.* И повелъ ихъ въ сѣчу, и была *зла* эта сѣча. Озера не позволяли Печенѣгамъ подать помощи Святополку; его войска, вытѣсненныя на ледъ, проваливались, тонули, и онъ, не выдержавъ боя, бѣжалъ въ Польшу. Но Печенѣги отступили къ Кіеву и, подъ его стѣнами, цѣлый день бились съ Ярославомъ такъ, что только къ вечеру онъ едва ихъ одолѣлъ и — *отбѣгоша посрамлени.*

Ярославъ сталъ княжить въ Кіевѣ, заложилъ каменную стѣну, златыя врата и, возблагодаривъ Бога, положилъ начало церкви св. Софіи.

Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ Королю Болеславу Великому, на дочери котораго онъ былъ же-

натъ. Болеславъ, тесть его, оскорбленный, предъ тѣмъ, отказомъ Предславы, сестры Ярослава, выдти за него замужъ, охотно согласился дать помощь. Между тѣмъ и Ярославъ могъ имѣть сильнаго союзника въ Генрихѣ II, который отправлялъ къ нему пословъ съ предложеніемъ дѣйствовать за одно; но неизвѣстно почему это дѣйствіе Ярослава кончилось только взятіемъ какого-то польскаго городка, что еще болѣе должно было раздражить Болеслава, и онъ съ сильнымъ войскомъ приблизился къ Бугу. По лѣвую сторону рѣки стояло войско Ярослава. И здѣсь, какъ у Любича, рѣка раздѣляла двухъ враждебныхъ братьевъ; и здѣсь воевода Ярославовъ Блудъ сталъ смѣяться надъ Поляками, какъ смѣялся, подъ Любичемъ, Волчій Хвостъ надъ Новогородцами Обругавши Болеслава, онъ прибавилъ: «*Проткнемъ мы тебѣ палкою брюхо твое толстое.*» А Болеславъ дѣйствительно былъ такъ тученъ, что едва могъ ѣздить верхомъ; но былъ *смышленъ*, какъ говорятъ про него наши Лѣтописи. Эта насмѣшка и здѣсь, какъ подъ Любичемъ, накликала бѣду. Болеславъ, не выдержавъ укора, обратился къ своему войску съ кликомъ: *Если вамъ не тяжелъ этотъ укоръ, я одинъ погибну*, и съ этими словами бросился въ рѣку, а за нимъ все войско. Ярославъ не приготовился къ бою, не устоялъ, потерялъ много воиновъ и лишился Воеводы Блуда. Всѣ плѣнные были отосланы въ Польшу. Святополкъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, вошелъ въ Кіевъ и началъ княжить; а Болеславъ, взявши себѣ наложницею Предславу, дочь Владиміра, сестру Свято-

полка, такъ заботливо предупреждавшую отъ его замысловъ Глѣба и Ярослава, велѣлъ развести свою дружину по городамъ, на *покормъ*, какъ онъ говорилъ, но кажется въ намѣреніи овладѣть княженіемъ. Казалось, расчетъ его былъ хорошъ, но Святополкъ, видя себя неполнымъ хозяиномъ у себя дома и, вѣрно, пользуясь чувствами народа, обижаемаго Поляками, не потерялся и, съ кликомъ: «*избивайте*» вырѣзалъ всѣхъ Поляковъ, по всѣмъ своимъ городамъ. Болеславъ бѣжалъ, но, кажется, былъ еще силенъ, потому что повлекъ за собою Предславу, Моисея, брата убитаго Борисомъ отрока Георгія, взялъ сокровища и захватилъ на пути въ Польшу города Червонной Руси, которые впрочемъ, по свидѣтельству иностранныхъ писателей того времени, не были укрѣплены каменными стѣнами. Святополкъ опять сталъ Княжить въ Кіевѣ, и народъ въ другой разъ увидѣлъ себя во власти нелюбимаго Князя.

Въ это время Ярославъ былъ въ Новгородѣ. Вышедши изъ него съ 30 тысячами, онъ возвратился съ четырьмя воинами: все остальное или легло на битвѣ, или было уведено въ Польшу. Истощенный въ военныхъ силахъ, онъ не думалъ такъ невыгодно кончить расчетъ съ Святополкомъ: онъ приготовилъ ладьи и собрался бѣжать на нихъ за море, чтобъ нанять Варяговъ; но Новгородцы, помня Варяжскихъ гостей, изрубили съ посадникомъ своимъ Константиномъ Добрыничемъ, сыномъ нашего славнаго богатыря, всѣ ладьи Ярослава и сказали ему:

Мы сами хотимъ биться за тебя и съ Святополкомъ и съ Болеславомъ. Назначили временный сборъ денегъ со всѣхъ сословій, собрали войско, привели Варяговъ, отдали имъ эти деньги и снова отправились войною къ Кіеву.

Народъ, подвластный Святополку, бившись подъ Любичемъ противъ Ярослава и подъ Бугомъ за Ярослава, потерялъ въ обѣ битвы много воиновъ, не могъ обезопасить Святополка — и онъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ. Ярославъ еще болѣе усилилъ свою дружину недовольными Святополка. Обѣ рати сошлись на Альтѣ. Обѣ рати были сильны и почти противоположны въ военномъ дѣлѣ. Съ одной стороны Половцы, дикари, язычники, жители степей и страшные своею конницею, саблями и стрѣлами; съ другой стороны были Новгородцы и Варяги, почти всѣ пѣшіе, съ своими надежными мечами и ножами.

Оба войска занимали равнину при небольшой р. Альтѣ. Въ виду ихъ съ южной стороны былъ Переяславль; въ десяти верстахъ за нимъ протекалъ Днѣпръ, съ восточной стороны текъ Трубежъ; вокругъ была степь, на которой кое-гдѣ замѣтны курганы, эти могилы, уже тогда отжившаго народа. Ярославъ стоялъ надъ самою рѣкою на томъ мѣстѣ, гдѣ за три года была пролита кровь Бориса. Здѣсь онъ, предъ началомъ битвы, палъ на колѣна, воздѣлъ къ небу руки и обратился къ Богу, съ молитвою: «*кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ Владыко! отмсти за кровь неповинную, какъ отмстилъ за кровь Авеля, наказавъ Каина стенаніемъ и трепетомъ!*» Помолившись, онъ сказалъ: «*Братья! вы тѣ-*

ломъ не со мною, помогите же молитвою противъ враждебнаго, гордаго убійцы. И двинулъ свои дружины Поле Альтское, освѣщенное восходящимъ солнцемъ, покрылось множествомъ противныхъ войскъ и настала страшная сѣча, *какой не бывало на Руси.* Три раза сступались озлобленныя рати, хватались за руки, рубились, рѣзались, кровь текла по удольямъ, и многіе вѣрные Христіане видѣли, по свидѣтельству лѣтописца, Ангеловъ, поражающихъ воинство братоубійцы. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ; Святополкъ бѣжалъ къ Кіеву.

Эта битва совершенно его поразила: на пути овладѣлъ имъ страхъ и *разслабишася кости его.* Онъ не могъ ѣхать верхомъ: отроки несли его на носилкахъ. Когда они, остановились у Бреста, то Святополкъ сказалъ: *бѣгите со мною, за нами гонятся.* Отроки послали узнать, кто за ними гонится, и хотя не было никого гонящаго, но бѣжали далѣе. Онъ-же, приподымаясь въ бреду болѣзни, кричалъ: *бѣгите, бѣгите! за нами гонятся,* и не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ; и будто гонимый гнѣвомъ Божіимъ, бѣжалъ изъ своего Княженія, прошелъ землю Ляхскую и здѣсь, на предѣлахъ Богеміи, въ пустой степи, испустилъ дыханіе. Долго была видна тамъ его могила и смрадъ тлѣнія не допускалъ къ ней прохожихъ; другіе-же говорили, что онъ живой былъ поглощенъ землею. Таковы были расказы современниковъ о судьбѣ братоубійцы Святополка. Лѣтописецъ не простилъ ему даже того, что онъ родился отъ Гречанки, бывшей монахинею, плѣненной и выданной Свя-

тославомъ за Ярополка. Когда же Ярополкъ былъ убитъ Владиміромъ, то Владиміръ взялъ ее къ себѣ уже беременною несчастнымъ и преступнымъ Святополкомъ, котораго называли *чадомъ двуxъ отцевъ*. Дѣйствительно, это могло смущать современниковъ. А происхожденіе его отъ Греческой крови, такъ растлѣнной и нечистой въ тѣ времена, быть можетъ, во многомъ рѣшало его судьбу. Надобно только вспомнить всѣ злодѣянія при Византійскомъ дворѣ и повѣрить силу кровнаго происхожденія. Надобно принять во вниманіе и то, что Ярославъ былъ рожденъ Норманкою Рогнѣдою, а Борисъ и Глѣбъ Славянкою, и что всѣ они, какъ и Святополкъ, вѣроятно были со стороны матерей, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ, не безъ вліянія на ихъ характеры. Это очень естественно и еще болѣе объясняется повѣстію о мщеніи Рогнѣды, спасенной ея малолѣтнымъ сыномъ Изяславомъ.

Наши лѣтописи говорятъ, что Владиміръ не любилъ Святополка за его дурную жизнь, а иностранныя прибавляютъ даже, что онъ заключалъ Святополка въ тюрму за намѣреніе отложиться отъ отца и передаться Польшѣ, сосѣдственной съ его Княженіямъ, враждебной еще въ то время нашей Россіи и разъединенной съ нею самою вѣрою. Если это истина, то могли ли современники простить ему такое отступническое намѣреніе.

По кончинѣ Святополка Ярославъ былъ Княземъ уже большой части Южной и Сѣверной Руси, и только тогда *отеръ съ дружиною потъ съ лица*

своего. Первою его заботою были убитые братья: онъ хотѣлъ найти тѣло Глѣба, и съ большимъ трудомъ отыскалъ его около Смоленска, въ лѣсу, между двумя колодами деревъ. Оттуда перевезли его въ Вышегородъ для погребенія вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ, но раскопавши землю, всѣ удивились невредимости тѣла Борисова: *Се же пречудно и дивно и памяти достойно*, говоритъ лѣтописецъ, *сколько лѣтъ лежало тѣло святаго и осталось невредимымъ; на немъ не было ни одного червя, и не почернѣло оно, какъ бываетъ съ тѣлами мертвыхъ; но красно и невредимо и благоуханно.... и много страждущихъ было спасено отъ святыхъ гробовъ Бориса и Глѣба. Такъ*, прибавляетъ онъ: *не можетъ укрыться градъ, стоя на верху горы, и не скрываютъ подъ спудомъ зажженной свѣчи, но ставятъ ее на свѣтилъ, чтобы просвѣтляла невидящихъ.* Предавши погребенію братьевъ, которые чрезъ 50 лѣтъ послѣ сего были перенесены знаменитымъ нашимъ духовенствомъ въ Кіево-Печерскую церковь, Ярославъ щедро наградилъ дружину, Новгородцевъ, самую чернь, далъ *Правду* Новугороду и сталъ княжить на Руси. Главу же вѣрнаго Георгія завѣстилъ погребсти съ собою братъ его Моисей, бывшій монахомъ Печерской обители и причисленный къ лику святыхъ.

Такъ великъ и быстръ былъ переворотъ Альтскаго боя, и такъ сильно его вліяніе на дѣла нашего отечества.

И вотъ теперь предъ нами то мѣсто, гдѣ таились Святополковы убійцы и пролили неповинную

кровь Бориса, гдѣ Ярославъ, павши на колѣна, молилъ Бога отмстить за братоубійство. И вотъ то поле, гдѣ *кровь текла по удоліямъ*, гдѣ была *сѣча, какой до того времени не бывало на Руси*, гдѣ излетѣла не одна душа Новогородская и истлѣли не погребенными кости Половцевъ.

Большая часть этихъ мѣстъ находятся во владѣніи помѣщика Н. М. Кондратьева, и принадлежатъ къ его деревни Кандоидовкѣ. На самомъ мѣстѣ убіенія Бориса построена деревянная, четвероугольная часовня, или по здѣшнему кампличка, съ шестиугольною балюстрадою и съ деревянными колоннами. Кровля часовни выкрашена зеленою, стѣны бѣлою, а перилы сѣроватою краскою. За часовнею на лѣво растутъ вербы и тянется къ Трубежу Альтское поле; направо видны крестьянскія хаты, вербы, за ними тоже поле, и въ дали Переяславльскій соборъ, передѣланный изъ монастыря, построеннаго *Мазепою*. Передъ часовнею, со стороны рѣки, идетъ вверхъ по ея теченію какой-то валъ и потомъ поворачиваетъ въ направленіе къ Трубежу; но къ какимъ временамъ онъ относится, мнѣ неизвѣстно и ничего не возможно было узнать изъ преданій народа. Татары, Турки, Шведы — почти со всѣмъ застановили собою своихъ предшественниковъ, а столѣтнія бѣдствія, борьба съ Ляхами и казачество—невольно вытѣснили много прошедшаго. Съ правой стороны, чрезъ этотъ валъ и потомъ вдоль его, идетъ вѣтхой заборъ огорода, принадлежащаго къ господскому дому, построенному на пра-

вомъ берегу Альты, которая, по выраженію древняго поэта, *течетъ болотомъ* и заросла травою. Не много ниже часовни она запружена мѣльничною плотиною. Вода въ ней довольно чиста и дно топкое, но сомнительно, чтобъ она была такою-же во время битвы: тогда всѣ рѣки были глубже, особенно впадающія въ Днѣпръ, замѣтно обмелѣвшій.

Давно мы желали посмотрѣть на это поле и, пріѣхавши 1 Сентября въ Переяславль, отправились пѣшкомъ къ часовнѣ. Отъ города до часовни считаютъ три версты. Время было около полудня; народъ толпился за городскимъ валомъ по ярмаркѣ, богатой болѣе всего прекрасными и дешевыми фруктами. Между толпами поселянъ, съ ихъ отличительнымъ Малороссійскимъ складомъ, съ соломенными шляпами, собственной работы, въ короткихъ свиткахъ или полукафтаньяхъ, и между поселянками, наряженными въ пестрыя плахты и корсеты, или въ бѣлыя свитки, съ бѣлыми повязками на головѣ, которыя придаютъ имъ много пріятности, сновали, какъ челноки, вереницы Жидовъ въ своихъ черныхъ шляпахъ, въ коротенькомъ и узкомъ нижнемъ платьѣ, изношенныхъ чулкахъ и стоптанныхъ башмакахъ. Кой-гдѣ были видны: городская дама въ огромномъ чепцѣ, или панъ въ длинномъ сертукѣ, съ важною поступью, съ чувствомъ той гордости, какую испытываетъ панъ среди черни.

Оставивши и чернь и пана, мы продолжали нашъ путь.

Налѣво отъ дороги было видно кладбище, и на немъ большіе каменные кресты; но мы рѣшились осмотрѣть ихъ по возвращеніи изъ часовни. Отъ кладбища до часовни ни встрѣчалось ничего особеннаго: равнина, ея удольи и мѣстами вербы; вдали деревни и сады, и съ полуденной стороны синѣва Днѣпровской горы. Дошедши до Кандоидовки, мы было попали, вмѣсто часовни, на господскій дворъ, и едва нашли ее за плетнями и заборами. Она была заперта и ключь хранился у крестьянина, который жилъ въ ближней хатѣ. Мы отправились къ нему; но не застали его дома, вмѣсто него вышла его дочь, наряженная по праздничному. Она отперла намъ часовню и отворила ставни. Внутренность часовни ни чѣмъ не украшена, стѣны брусяныя, потолокъ не высокій и ровный, какъ въ комнатѣ, небольшая рѣшотка раздѣляетъ ее на двѣ части, изъ которыхъ восточная меньше западной и замѣняетъ алтарь. По сю сторону рѣшетки поставленъ налой съ иконою, по сторонамъ его—изображенія святыхъ братьевъ Бориса и Глѣба, въ воинскихъ доспѣхахъ и княжескихъ мантіяхъ, по ту сторону рѣшотки установленъ каменный крестъ, вышиною отъ полу около двухъ аршинъ; вся его лицевая часть покрыта какою-то надписью, и это самое обратило наше вниманіе, но безъ священника не возможно было принять налоя и образа, а безъ того нельзя было прочитать надписи. Надобно было послать за двѣ версты за священникомъ и дожидаться его болѣе двухъ часовъ. По пріѣздѣ его, сколько мы не распрашивали о пре-

даніяхъ, крестѣ и надписи, ничего не могли прибавить къ нашему знанію; но разобравши большую часть ея, узнали, что:

«Сей крестъ здѣ на мѣстѣ семъ.... святаго страстотерпца Христова Бориса Великаго Князя Россійскаго водрузилъ Григорій.... Протопопъ Переяславскій; споспѣшествовалъ побо: му.... Селивана Кириловича Бѣлогородова Стрѣлецкаго; лѣта 7192, отъ Р. Хр. 1664 мѣсяца Мая 2 дня.»

На оборотѣ креста сдѣланъ знакъ, похожій на два соединенныя сердца, съ нѣкоторыми украшеніями, и въ срединѣ его видны буквы Г. Б., а внизу П. Не знаю, что они означаютъ. Первыя двѣ могутъ быть заглавными буквами имянъ Бориса и Глѣба. Еще ниже означено: «а дѣлалъ крестъ сей Харько Безпальчій-Мельня и стоварищемъ своимъ.»

На прилагаемомъ рисункѣ означены видъ и величина креста, а также нѣкоторыя изъ буквъ, чтобы хотя нѣсколько передать способъ писанья въ тогдашнее время.

Изъ означеннаго года видно, что крестъ сдѣланъ слишкомъ за 176 лѣтъ до нашего времени, и 648 лѣтъ спустя по убіеніи Бориса; но видно, что преданіе о томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита неповинная кровь, не изгладилось изъ памяти народа, а еще вѣроятнѣе, что на этомъ мѣстѣ современъ Ярославовыхъ было что-нибудь поставлено на память событія. Это доказываютъ какія-то камни, разбросанныя около часовни, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неровность земли, оставшаяся какъ будто послѣ

какого нибудь жилья или зданья. Это подтверждается и тѣмъ, что еще при Ярославлѣ открыты были мощи святыхъ, и чрезъ 50 лѣтъ послѣ сего они были пересены въ Печерскую обитель. Крестный ходъ изъ Переяславля на мѣсто убіенія свершается съ незапамятныхъ временъ, ежегодно 2 Мая. Предполагали, нѣсколько лѣтъ назадъ, соорудить на мѣстѣ убіенія св. Бориса большой храмъ и устроить при немъ богоугодное заведеніе; но обстоятельства не позволили исполнить предположенія.

Вотъ наши памятняки! Бѣдная деревянная часовня и крестъ въ ознаменованіе того, что здѣсь пролита кровь сына и любимца Великаго Владиміра, наименованнаго церковью *равноапостольнымъ*; кровь Бориса, причтеннаго къ лику святыхъ, съ именемъ котораго, какъ съ знаменіемъ побѣды, выступали наши Князья противъ враговъ. А въ воспоминаніе страшной битвы на Альтѣ и великихъ переворотовъ, которымъ она положила начало, нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ словъ Печерскаго инока. Таковъ характеръ всей нашей исторіи и всѣхъ памятниковъ. Соотечественники наши любили или по обѣту или послѣ великихъ дѣлъ сооружать только храмы Божіи, а не воздвигать зданій въ память дѣлъ человѣческихъ. Самыя дѣла относили не лицу, не себѣ, но прямо помощи Божіей,—и созданія рукъ человѣческихъ, быть можетъ, безъ сознанія, по одному чувству, но видимо считали грѣхомъ и суетностію. Храмъ Божій, часовня, крестъ — вотъ чѣмъ предки наши знаменовали свои дѣла. Такъ Ярославъ, по

разбитіи Печенѣговъ подъ Кіевомъ, построилъ церковь св. Софіи; такъ, повторю, нѣкогда сказанное мною, послѣ Куликовской битвы была сооружена церковь всѣхъ святыхъ.

За то подобныя памятники отпечатлѣваютъ душу народа. Древнія, ветхія, стѣсненныя въ своемъ пространствѣ, онѣ велики по чувству ихъ создавшему.

Оставивши часовню и возвращавшись въ Переяславль, мы зашли на кладбище. Здѣсь надъ нѣкоторыми могилами нашли кресты, которые по виду и работѣ не принадлежатъ нашему времени. Разсматривая ихъ, можно замѣтить остатки древнихъ надписей, которыя сильно повреждены временемъ и почти совершенно изглажены людьми. Первый изъ этихъ крестовъ вышиною отъ земли слишкомъ на два аршина, шириною въ двѣ съ половиною четверти, а толщиною слишкомъ въ четверть; на верху его видны высѣченныя углубленіемъ слова, изъ которыхъ нельзя вывести никакого заключенія. На прилагаемомъ рисункѣ они изображены всѣ въ томъ расположеніи и видѣ, въ какомъ написаны на самомъ крестѣ. Продолженіе надписи сглажено и на мѣсто ея написано черною краскою: *Здѣсь покоится прахъ* 39 *егерьскаго полка штабсъ капитана Алексѣя Геркова*, 1833 *года Марта*. Этотъ крестъ стоялъ прежде на городскомъ валу и можетъ быть своею надписью разсказалъ бы намъ многое; но случай исторгъ его отъ своей земли и, вѣроятно, отъ праха, который покоился подъ его сѣнью. На второмъ крестѣ нѣтъ никакой надписи.

На столбѣ, прилагаемомъ въ числѣ рисунковъ, написано: «Здѣсь покоятся фамиліи: *Дербушкова*, *Черненкова и Пирошкова*.» Этотъ столбъ уже полуразрушенъ временемъ и вѣроятно составлялъ нѣкогда часть креста. Подобный древній крестъ найденъ въ Путивлѣ и, по грубости работы, былъ принятъ за языческаго идола. Теперь онъ вдѣланъ въ церковную ограду. Можно сказать утвердительно, что эти кресты установлялись надъ прахомъ людей значительныхъ. Но обезображенные, лишенные новымъ поколѣніемъ своего назначенія, безмолвствуютъ о прошедшемъ. Прахъ потомства вытѣсняетъ прахъ предковъ, и завѣтъ предковъ изглаживается завѣтомъ новаго поколѣнія своему потомству; новая жизнь разцвѣтаетъ на развалинахъ минувшаго и сама, изъ своего праха, опять раждаетъ новую жизнь.

Кромѣ крестовъ есть на кладбищѣ два надгробные камня, длинные и нѣсколько шире къ изголовью; изъ надписи видно, что подъ однимъ погребенъ прахъ *Протоіерея Митрона* въ 1729 году, а подъ другимъ какого-то Ѳеодора Дзюблевскаго въ 1830 году. Оба камня видимо ветхи и вѣрно перетащены съ какой нибудь древней могилы. Ихъ величина превосходитъ надгробный камень, найденный надъ прахомъ Василія Георгіевича Долгорукаго. Древность этихъ памятниковъ доказывается, нѣкоторымъ образомъ, другимъ надгробнымъ памятникомъ, на которомъ совершенно сохранилась надпись. Это надгробный столбъ, найденный, кажется, лѣтомъ въ 1835 году, за Альтою, на лѣво отъ дороги въ Кіевъ. Мѣсто, гдѣ онъ отысканъ, принадлежитъ

Переяславскому купцу Новому и занято садомъ... Разрывая землю для бесѣдки или какого-то строенія, дошли до этого камня, вынули его и удивились, увидѣвши надпись, которую могъ разобрать одинъ только Еврейскій Раввинъ. Вотъ она:

Сей столпъ поставленъ надъ возглавіемъ Раввина Мардохэя, для памяти потомкамъ въ 4997 году; да покоится душа его въ раю сладости.

По Еврейскому лѣтосчисленію настоящій нашъ 1840 годъ считается отъ сотворенія міра 5600, а какъ надгробный камень поставленъ въ 4997 году, то и выходитъ, что этому памятнику 603 года, и что онъ относится къ 1237 году, то есть къ временамъ до-Татарскимъ, ко времени борьбы Олеговичей и Мономаховичей. Мѣсто, гдѣ найденъ этотъ камень, находится за городскимъ валомъ и за рѣкою, гдѣ было, конечно, Еврейское кладбище.

Между нашимъ кладбищемъ и городомъ въ пустомъ полѣ находится каменный крестъ; на немъ высѣчена надпись, изъ которой видно, что здѣсь погребенъ Кошевой *Василій Григорьевичь Риза.* Годъ означенъ 1762; на оборотѣ значится самый день кончины.

Кромѣ этихъ памятниковъ замѣчателенъ крестъ близь села Яготина, принадлежавшаго бывшему Малороссійскому Генералъ-Губернатору Князю Репнину, и отстоящаго отъ Переяславля слишкомъ на 30 верстъ. Прилагаю съ него снимокъ. На немъ не видно надписи; но замѣтно сильное вліяніе времени. Этотъ крестъ находится надъ уступомъ горы, съ которой надобно спускаться, выѣзжая из

селенія въ Переяславль. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отсюда подымается другая гора, по которой, особенно съ правой стороны, находятся земляныя укрѣпленія, не принадлежащія къ укрѣпленіямъ новыхъ временъ. По сторонамъ глубоко разрытой дороги видно множество полуистлѣвшихъ человѣческихъ костей, черепы, цѣлые остовы и коегдѣ остатки гробовъ. Замѣчательно, что не всѣ остовы лежатъ въ одномъ направленіи. Кѣмъ сдѣлано это укрѣпленіе, какъ переходило отъ народа къ народу, что случалось почти со всѣми нашими южными городами, ничего не извѣстно. Изъ расказовъ одного старика я узналъ только, что это мѣсто называлось *замокъ*, и что въ немъ находятъ *всячину;* больше онъ ничего не могъ объяснить. Названіе замокъ довольно ново, кажется заимствовано нами во время дѣлъ съ Польшею, и не опредѣляетъ дано ли это названіе древнему или вновь сдѣланному укрѣпленію; неизвѣстно также, отъ какихъ временъ сохранился здѣсь крестъ. Но мнѣ казалось очень вѣроятнымъ, что это укрѣпленіе, судя по его мѣстности и землянымъ насыпямъ, могло быть основано вмѣстѣ съ другими городами, которые велѣлъ строить Великій Владиміръ по Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и другимъ рѣкамъ. Это предположеніе правдоподобно и потому, что во времена Татаръ и Ляховъ мы не строили здѣсь городовъ, а сами Поляки владѣя страною — кажется, не имѣли нужды въ укрѣпленіяхъ за 30 верстъ отъ укрѣпленнаго и принадлежавшаго имъ Переяславля. Притомъ, множество гробницъ показываютъ долгую осѣдлость

жившихъ въ этомъ укрѣпленіи. Его окрестности привольны и плодородны. По лѣвой сторонѣ рѣки Супоя идутъ широкіе луга, на самой рѣкѣ и по ея островамъ даже теперь водится необыкновенное множество водяной птицы, какъ и во всемъ Переяславскомъ уѣздѣ; по правой сторонѣ Супоя идетъ довольно высокая, взволнованная равнина, покрытая во многихъ мѣстахъ большими лѣсами. Такія-же мѣста и внизъ по Супою, отдѣляющему Переяславскій уѣздъ отъ смежныхъ съ нимъ во всю ширину губерніи.

Столь-же прекрасны и привольны были другія мѣста этого древняго Княженія, особенно западная его сторона — изобильная обширными лѣсами и замѣчательная огромнымъ селеніемъ, называемымъ *Борисополь*. Не менѣе богато и все Приднѣпровье своими рыбными ловлями, лугами, лѣсами и множествомъ разнаго рода дичи, за которою такъ любили охотиться наши Князья. Это приволье страны привлекало сюда и въ отдаленныя времена какіе-то народы, завѣстившіе намъ свои городища и огромные курганы, на которыхъ мѣстами видна то одинокая могила чумака, то цѣлое сельское кладбище, съ его бѣдными деревянными крестами.

Вадимъ Пассекъ.

1837.

КУРЯЖСКІЙ

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

За двѣсти лѣтъ Харьковская губернія была пустынею, въ которой Россія занимала нѣсколько дозорныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ и сторожила въ нихъ Татаръ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ по соединеніи Малороссіи съ Россіею началось постоянное заселеніе страны; основались слободы, деревни, образовались города, жители сами собою составили военное поселеніе—и явилась слабодская *Украйна*. Нельзя не удивляться быстрому заселенію страны и рвенію, съ какимъ сооружались храмы Божіи. Менѣе, нежели въ 200 лѣтъ, въ прежней пустынѣ, считается милліонъ двѣсти тысячь жителей, 628 церквей, и два монастыря: одинъ женскій—Хорошевъ Вознесенскій, другой мужескій—Куряжскій Преображенскій, въ 10 верстахъ отъ Харькова. *

Онъ основанъ въ 1673 году Харьковскимъ жителемъ Логвиномъ Ѳедоровичемъ и Харьковскимъ пол-

* До новыхъ штатовъ о монастыряхъ при Государынѣ Екатеринѣ II, считалось въ Харьковской губерніи 12 монастырей, но большая часть упразднены, другіе отошли къ Курской губерніи.

ковникомъ Григоріемъ Іерофеичемъ Донцемъ Захаржевскимъ, который вскорѣ послѣ того построилъ городъ Изюмъ и отдѣлилъ отъ Харьковскаго полка новый Изюмскій полкъ. Главная церковь была сооружена во имя Преображенія Господня, и въ тоже время весь монастырь обнесенъ каменною стѣною въ 75 саженей въ окружности. Мѣсто для построенія монастыря избрано удобное и красивое. Пріютившись ко взгорью Курской или Куряжской горы, онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и восточной строевымъ лѣсомъ, отъ котораго осталось не много вѣковыхъ дубовъ, сосенъ и грушъ, подъемлющихъ свои одинокія вершины надъ полянами кустарника; по крутому взгорью и при самомъ ручьѣ Куряжскомъ разсѣяны огромныя вербы, и бьетъ много ключей свѣжей и чистой воды. Съ полудня при незамѣтномъ спускѣ съ горы пролегаетъ по глубокимъ пескамъ большая дорога отъ Харькова въ Полтаву, далѣе разстилается широкій лугъ до рѣки Уды,—и видѣнъ ея правый возвышенный берегъ. Такой пріютъ монастырей и выборъ мѣстъ уединенныхъ, даже дикихъ и величественныхъ, но всегда удобныхъ для жизни — общій почти всѣмъ нашимъ монастырямъ. Изъ Харьковскихъ монастырей можно указать на Успѣнскій Святогорскій, Ахтырскій Троицкій и на Хорошевъ женскій монастырь, для пріюта которыхъ избраны едва ли не лучшія мѣста во всей губерніи.

Вѣроятно при самомъ основаніи монастыря строители его Логвинъ Ѳедоровичь и Донецъ Захаржевскій не жалѣли для него вкладовъ, но объ этомъ

по утратѣ многихъ монастырскихъ рукописей, не осталось никакихъ свѣденій. Извѣстно только, что дѣти Г. Захаржевскаго и жена его не забывали удѣлять монастырю изъ своего достоянія; а ближній Бояринъ, Нижегородскій Намѣстникъ и Воевода Харьковскихъ войскъ Петръ Матвѣевичь Апраксинъ, Генералъ-Маіоръ Ѳедоръ Владимировичь Шидловскій и Бригадиръ Ѳедоръ Осиповичь Перекрестовъ, дали во вкладъ много богатыхъ имѣній. Изъ Архимандритовъ же Онуфрій и Сильверстъ прилагали особенное попеченіе объ устроеніи и поддержаніи ввѣреннаго имъ монастыря. Въ самое цвѣтущее время его благосостоянія считалось за нимъ до 1000 душъ обоего пола крестьянъ, въ томъ числѣ мужескаго пола 450 душъ; значительное количество земель, луговъ и лѣсовъ; но за неимѣніемъ при дѣлахъ монастыря плановъ и отказныхъ, не извѣстно гдѣ именно были монастырскія имѣнія; старожилы расказываютъ, что селеніе Гуки, лежащее теперь при рѣкѣ Удѣ, принадлежало монастырю. Пустыни Озерянская и Аркадіевская съ ихъ достояніемъ были также подъ его властію.

Настоятельство въ немъ было сначала устроенія Архимандричье, и первымъ Архимандритомъ былъ Манасія чернецъ Кіевопечерской обители, уединившійся въ приписномъ Змѣевскомъ Преображенскомъ монастырѣ Печерская обитель и сюда первая дала въ назиданіе братіи духовнаго сына, какъ давала она и въ другіе не только южные, но во многіе и изъ нашихъ сѣверныхъ монастырей. Въ послѣдствіи времени были вызваны изъ нее Архимандритами Пла-

тонъ Малиновской, при которомъ пустыня Озерянская и Аркадіевская отошли, къ Харьковскому Покровскому монастырю, и Іосифъ Зинкѣвичь, пострадавшій при вицепрезидентѣ Святѣйшаго Синода Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, удаленный въ Сибирь, и послѣ уже въ царствованіе Елисаветы Петровны возвращенный снова въ Печерскую обитель, гдѣ возложилъ схиму и скончался. Съ удаленіемъ его, монастырь оставался многіе годы безъ Архимандрита. Седьмый Архимандритъ Ефремъ Черкасскій былъ здѣсь извѣстнымъ живописцемъ, и если нѣкоторые изъ старинныхъ иконъ принадлежатъ дѣлу рукъ его, то не напрасно онъ заслужилъ имя хорошаго иконописца. Прочіе Архимандриты означены въ приложеніи въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали до 1786 года. Въ это время Куряжскій монастырь, при общемъ сочиненіи монастырскихъ штатовъ, оставленъ на своемъ содержаніи съ настоятельствомъ строительскимъ, а въ 1788 году послѣ властвованія Архимандрита Наркиса Квитки, въ числѣ многихъ другихъ монастырей былъ упраздненъ, и съ этого времени по 1796 годъ назначенъ для помѣщенія въ немъ Военнаго Гошпиталя и магазина жизненныхъ припасовъ.

Въ 1796 году по ходатайству Харьковскаго Генералъ-Губернатора Леванидова и Преосвященнаго Ѳеоктиста Епископа Бѣлогородскаго, былъ возобновленъ и считался въ заштатныхъ до 4 Апрѣля 1836 года. Въ продолженіи времени до 1820 года въ немъ были настоятели изъ Іеромонаховъ; съ 1820 по 1836 былъ управляемъ Игуменомъ Ад-

ріаномъ; а въ 1836 году по Высочайшей волѣ возведенъ во 2-й классъ штатныхъ монастырей—и первымъ его настоятелемъ избранъ Ректоръ Харьковскаго Коллегіума Архимандритъ Іоанъ Оболенской. Штатнаго жалованья полагается 2,650 рублей 32 копѣйки; для хозяйства назначено земли и лѣса 33 десятины. Монашествующихъ считается въ немъ 19 и послушниковъ 16, всего 35 человѣкъ.

Нѣкоторыя изъ монастырскихъ зданій остались отъ первыхъ лѣтъ основанія монастыря. Главная церковь перестроена постриженикомъ и Архимандритомъ этого монастыря Варлаамомъ Андреевскихъ, на собственное его иждивеніе въ 1762, освящена Преосвященнымъ Іосифомъ — уже при Архимандритѣ Матѳіи Младзинскимъ и поновлена вмѣстѣ съ колокольнею и Георгіевскою церковью въ 1833 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

По дорогѣ въ Харьковъ — монастырь виднѣется вдали за широкимъ доломъ, и его красивая колокольня и бѣлыя церкви живописно оттѣнены взгорьемъ и зеленью лѣса. По дорогѣ изъ Харькова онъ видѣнъ также за нѣсколько верстъ; подъѣзжая къ нему, встрѣчаете подъ густыми вербами часовню. За нею дорога къ монастырю идетъ на право по отлогости и приводитъ къ колокольнѣ, подъ которою устроенъ въѣздъ. Колокольня легко поднимается тремя уступами; по сторонамъ оконъ и воротъ установлены колонны. Войдя въ монастырскій дворъ, прямо открывается главная церковь Преображенія Господня, съ невысокимъ осадистымъ куполомъ, такъ общимъ во мно-

гихъ мѣстахъ Малороссіи; на право тянется рядъ невысокихъ и вѣтхихъ деревянныхъ келій; на лѣво также деревянный и вѣтхій домъ Архимандрита — и около него рядъ акацій и другихъ деревьевъ.

Былъ вечеръ Тройцына дня, когда мы посѣтили Куряжскій монастырь, и радушно принятые въ немъ достойно уважаемымъ Архимандритомъ Іоанномъ, провели подъ его бѣднымъ кровомъ нѣсколько часовъ въ тихой и усладительной бесѣдѣ. Комнаты его дома вѣтхи, не высоки, но помѣстительты и чисты; низкія окна осѣнены деревьями и кустарниками; полъ усыпанъ травою и цвѣтами, которыми такъ богата природа Украйны. Около стѣнъ были поставлены деревья, свѣтъ вечерѣющаго дня проникалъ сквозь зелень сада и все какъ будто было исполнено какою-то живительною тишиною. Разговоръ лился тихо и часто прерывался не отъ недостатка, но отъ избытка думъ и чувствованій, — бой маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ напоминалъ о времени и жизни.

Сладокъ для души и минутный отдыхъ отъ шума и тревоги свѣта; кажется, въ такія минуты радъ скрыться отъ жизненнаго волненія и суеты міра, и такъ искренно, такъ чисто любишь этотъ міръ, что готовъ разлиться для него всемъ благомъ, готовъ принять на себя тяжелый крестъ земной, чтобъ только на землю свести небо, сдѣлать счастливыми своихъ братій и исполнить ихъ души любовію и свѣтомъ Вѣры. Но тяжела персть земная: тяготѣютъ подъ нею крылія души. Минута чистая, свѣтлая—и міръ снова смотритъ въ ваши очи своими привлекательными очами, —

и снова пускаешься пловцемъ по его взволнованному морю заботъ, стратей и наслажденій.

Пусть такъ, лишь бы не померкнулъ свѣтъ спасенія и не погасъ чистый огонь души.

Оставивъ жилище почтеннаго Архимандрита, мы, вмѣстѣ съ нимъ, пошли въ главную церковь. Двери ея были открыты; чугунный полъ усыпанъ травою и цвѣтами; иконостасъ, выдѣланный изъ позлащеннаго и посеребреннаго дерева, съ иконами хорошей живописи болѣе во вкусѣ Греческомъ, открывался за стрѣлчатымъ сводомъ, который раздѣляетъ церковь на двѣ почти ровныя половины. На право передъ сводомъ установлена икона св. Николая Чудотворца, на лѣво икона Іоанна Предтечи, обѣ подъ навѣсами на деревянныхъ позлащенныхъ столпахъ. Амвонъ отъ клироса до клироса обнесенъ легкими чугунными перилами съ позолоченными шариками; предъ нимъ на налоѣ противу Царскихъ дверей установлена икона чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери — и народъ издалека приходитъ поклониться святыни и молить объ исцѣленіи и помилованіи. Въ олтарѣ хранится Евангеліе, дарованное монастырю Петромъ Великимъ въ 1690 году. Оно крыто малиновымъ бархатомъ съ серебрянными позлащенными бляхами. На чугунномъ полу церкви вылиты цыфры 1803.

Съ Сѣверной стороны церкви погребены: Графъ Разумовскій, Подполковникъ Времѐвъ, Г. Дунина, еще нѣсколько особъ изъ извѣстныхъ фамилій Харьковской губерніи. Вѣроятно здѣсь же погребены строители монастыря: Логвинъ Ѳедоровичь и

Донецъ Захаржевскій, основатель города Изюма, но отъ испорченности надписи въ несчастное время монастыря, едва ли можно отыскать ихъ надгробные памятники.

На Сѣверъ отъ кладбища, шагахъ въ шестидесяти находится каменная, довольно ветхая церковь о двухъ ярусахъ: въ нижнемъ устроены придѣлы Казанской Божіей Матери и св. Георгія Побѣдоносца; въ верхнемъ, придѣлъ Петра и Павла. Входъ въ него темный и тѣсный. Въ двухъ первыхъ придѣлахъ живопись иконъ Малороссійская, о которой за 200 лѣтъ до насъ Патріархъ Макарій отзывался съ похвалою; на правомъ притворѣ Царскихъ дверей изображенъ Ангелъ съ выраженіемъ святымъ и сильнымъ. Въ церкви Петра и Павла живопись болѣе Русская, съ строгимъ соблюденіемъ вида и цвѣтовъ, принятыхъ иконописцами; сводъ надъ церковью ветхій; полъ деревянный и непрочный; но при лучшихъ средствахъ она можетъ быть хорошо устроена, особенно для утренней службы. Нѣкогда былъ здѣсь пріютъ настоятелей. Южными дверьми выходите на ветхую террасу, съ которой любуетесь видомъ привлекательнымъ, который успокоиваетъ душу. Вдали онъ замыкается отлогою возвышенностію берега, вправо видно селеніе Песочинъ, еще ближе мелькаетъ вода, подымаются рощи и пролегаетъ большая дорога.

По рѣкѣ уже стелится вечерній туманъ, на западѣ горитъ огнистая заря, и живописно рисуются на ней верьхи деревъ.

Теперь все взгорье къ Куряжскому ручью, запруженному у подворья того же имени, разбито дорожками, вездѣ устроиваются мѣста для отдохновенія, очищены сорныя травы, разведены цвѣты, и вѣрно скоро изъ мѣста почти одичавшаго устроится живописное мѣсто — трудами рукъ братіи и ихъ почтеннаго наставника. Самая природа приготовила все, чтобъ сдѣлать это мѣсто однимъ изъ привлекательныхъ: хорошій видъ, огромныя деревья, на право глубокій логъ покрытый лѣсомъ, за которымъ бѣлѣется церковь св. Онуфрія, и далѣе опять логъ и лѣса, а внизу живой прудъ и множество ключей, которые трудолюбивая рука вѣрно найдетъ на склонѣ горы и еще болѣе украситъ ими этотъ уединенный уголокъ. Подлѣ рва, замыкающаго садъ съ сѣверной стороны, растетъ огромная сосна: по расказамъ, она была въ смутныя времена примѣтой для сбора недобрыхъ людей, подлѣ нее видна обвалившаяся пещера, которую еще не успѣли разрыть и осмотрѣть.

Церковь св. Онуфрія сооружена за монастырскою оградою, но принадлежитъ къ монастырю; переходъ и спускъ къ ней черезъ садъ затруднительны; но есть ходъ изъ монастырскаго двора за старою церковью: одинъ путь идетъ къ ней объѣздомъ подъ гору; другой крытымъ деревяннымъ ходомъ, въ нѣсколько сотъ ступеней, но многіе столпы, поддерживающіе тяжелую кровлю, пошатнулись, нѣкоторыя ступени искривились и приходящіе предпочитаютъ спускаться объѣздомъ. Церковь сооружена надъ самыми ключами, подъ престоломъ, и

посрединѣ ея устроены большіе водоемы; предъ нею начинается прудъ ключевой воды; на право сдѣланы купальни; вода вездѣ свѣжа и вкусна, мѣста уединенны и хороши. Въ лѣтніе дни и всякое Воскресенье сюда съѣзжаются изъ Харькова, особенно купцы съ своими семейства—погулять и напиться чаю подъ тѣнью старыхъ деревъ, которыя изрѣдко растутъ по взгорью. Для такихъ пріѣздовъ тутъ же устроена временная гостинница. Въ храмовой праздникъ народъ во множествѣ стекается сюда изъ города и окрестныхъ мѣстъ; послѣ службы начинается веселое гулянье. Эта шумная, беззаботная толпа еще замѣтнѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ все обречено для уединенія и тишины. И дай Богъ, чтобъ въ этой тишинѣ душа не волновалась суетою міра и не погасалъ бы въ ней источникъ жизни и свѣта.

В. Пассекъ.

Приложеніе. Начальники монастыря отъ основанія его до нашего времени:

1. Архимандритъ Манасія.
2. Архимандритъ Германъ.
3. Архимандритъ Іосафъ.
4. Архимандритъ Пахомій.
5. Архимандритъ Онуфрій.
6. Архимандритъ Іосифъ.
7. Архимандритъ Ефремъ Черкасскій.

8. Архимандритъ Сильверстъ.
9. Архимандритъ Платонъ Малиновскій.
10. Архимандритъ Іосифъ Зинкевичь.
11. Архимандритъ Петръ Вѣнсовичь.
12. Архимандритъ Варлаамъ Тищинскій.
13. Архимандритъ Константинъ Бродскій.
14. Архимандритъ Варлаамъ Андреевскій.
15. Архимандритъ Матѳій Младзинскій.
16. Архимандритъ Наркисъ Квитка.

При возобновленіи монастыря.

17. Настоятель Адріанъ.

Съ 1836 года.

18. Архимандритъ Іоаннъ Оболенскій.

ДРЕВНІЯ

СЛАВЯНСКІЯ СОБСТВЕННЫЯ ИМЕНА.

Въ статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на сей годъ, я изложилъ нѣсколько наведеній объ окончаніяхъ Славянскихъ собственныхъ именъ на *славъ* и *миръ*. Обративъ болѣе вниманія на этотъ предметъ, и распространивъ сводъ именъ, я предлагаю его уже не такъ какъ предметъ частныхъ филологическихъ изысканій; но какъ новое средство для соображеній историческихъ, въ отношеніи давности Славянскаго племени въ Европѣ и значительности его въ древности.

Изъ представляемой таблицы свода собственныхъ Славянскихъ именъ, должно замѣтить, что всѣ безъ исключенія коренныя, или простыя, и большая часть двойственныхъ или сложныхъ, по сіе время въ употребленіи у южныхъ Славянъ и преимущественно у Сербовъ, какъ народа болѣе прочихъ сохранившаго собственность Славянскую. Всѣ фамиліи Сербскія, и можно сказать безъ исключенія,

происходятъ отъ коренныхъ собственныхъ именъ, и слѣдовательно составляютъ вѣтви, первыхъ *отчинъ*, или семей: отъ Мило (Милой), милошъ, Милованъ—Милошевичь, Миловановичь; отъ Радо (Радой), Радошъ, Радованъ—Радовичь, Радошевичь, Радовановичь; Драго (Драгой), Драгошъ, Драгошевичь, * и т. д.

Если же коренныя имена въ употребленіи только у однихъ Славянъ и имѣютъ Славянскій смыслъ, то мы безспорно имѣемъ право назвать ихъ чисто родовыми Славянскими именами.

И, если сложныя имена состоятъ изъ Славянскихъ коренныхъ именъ, то столь же безспорно должны мы признать ихъ также Славянскими, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣтили.

Съ этими положеніями приступимъ къ разсмотрѣнію свода простыхъ и сложныхъ Славянскихъ именъ.

1. *Коренныя и сложныя Славянскія имена.* Чисто Славянскими, древнѣйшими именами должно признать тѣ, которыя составляютъ вмѣстѣ и *нарѣчія* свойствъ и качествъ:

* Окончаніе *вичь* значитъ *родъ*, *племя* и безъ сомнѣнія начало свое имѣетъ въ Санкритскомъ *виджа* — причина, происхожденіе, сѣмя; и состоитъ изъ частицы *ви* — изъ, отъ, и *джа* — родъ, племя; и слѣдовательно *Бого*, Богушъ (Богуджа — родъ, племя Богоя) Богушевичь значитъ *изъ рода Богоя*. Частица-*ви* у насъ сохранилась, на пр. ходъ—*вы*ходъ (изходъ, отходъ), мысль — *вы*мыслъ (происходящій отъ мысли); родъ — *вы*родъ, мѣсто — вымѣстить, и пр.

Добро, Доброй	добрый.
Богой	божій.
Вело, Велько	велій.
Бѣлья, (Бѣлой)	бѣлый.
Владо, Владой	властный.
Вуйно, Вуйко, Вукъ Воинъ	военный, буйный.
Здравко (Здравъ)	здравый.
Живко (Живъ)	живый.
Заро, Зарка, Зора, Зорна (ж.) Зоранка (Зоренька)	зарный (отъ заря)
Крайо, Крайчинъ	крайній, или можетъ быть карающій.
Драго, Драгой	дорогой.
Борой, (Борислав, Бериславъ)	(борющій, берущій).
Любой	любой.
Красой	красивый.
Лютой	лютый.
Огньо, Огнянъ	огненный.
Ново, Новко	новый.
Радо, Радой	радостный.
Стоjо, Стоянъ, Стано	статный.
Мило, Милой	милый.
Миро, Мирой	мирный.
Славой	славный
Златой	золотой.
Спасой	спасающій.
Познанъ	познанный.
Рато, Ратой	ратный.
Цвѣтой, Свѣтой	свѣтлый, цвѣтный.
Рано, Раннъ Райо	раннiй.
Ярко, Юръ, Гуръ	ярый.
Брато, Братой	братній.
Моjо, Моjсилъ (Мыслъ)	мысленный.
Средой	средній.
Видой	видный.
Дука, Душанъ, Душица	душевный.

Всѣ эти имена неоспоримо коренныя Славянскія; и это подтвердится еще тѣмъ, что всѣ окончательныя заключаются въ нихъ-же, какъ увидимъ ниже. Но сверхъ этихъ, въ числѣ простыхъ именъ, есть такія, которыя можно почесть вошедшими въ употребленіе по принятіи христіанской религіи, и сократившимися по формѣ Славянской; на примѣръ:

Петръ	Перо, Пуро, Пурешъ.
Игнатъ	Игньо.
Иванъ	Иво.
Моисей	Мојо.
Ѳома	Томо.
Ѳедоръ	Тодо.
Викентій	Вико
Павелъ	Павао.
Симеонъ	Симо.
Маркъ	Марко.
Андрей	Андро.
Арсеній	Арсо.
Дмитрій	Митаръ, Мичо.
Георгій	Юръ, Гуръ, Юрій.
Даніилъ	Данко, Данчулъ.

Но и эти имена въ сложныхъ соединяются съ Славянскими окончаніями; на пр: Томиславъ, Моимиръ, Павломиръ, Маркомиръ, Мечеславъ (Мичо), Петрославъ. и. т. д. Можно однакоже полагать, что нѣкоторыя изъ коренныхъ Славянскихъ именъ сблизились по созвучію съ Еврейскими, Греческими и Римскими; на примѣръ:

Мойо, Мојсилъ	Мыслъ (сохранилось только въ окончательныхъ).
Викентій, Вико, Вичо, Вичайъ.	Вѣче (Вѣчеславъ) вѣчный.

Игнатъ	Игньо	Огнянъ, Огньо.
Петръ	Перо	(Перунъ).
Марко		Мирко, отъ Миро.
Даніилъ	Данко	(Дано, Данъ) день, денный.
Василій	Весо, Веселинъ, веселый * Весела	
Лазарь	Лако, Лозо	Ликъ (на пр. Свѣтоликъ).

Нѣкоторыя имена, по сближенію, кажутся переводными съ Римскаго; на пр. Florus — Цвѣтой; Lupus—Вукъ (Волкъ), или взятыми отъ Римлянъ: напр. Гайо — Римское Гаій, Гальское Guy, измѣняющееся въ Германіи на Veit, Voit, сходное съ Славянскимъ Видъ, Видой, которое сближается также съ Римскимъ Vitus.

Нѣкоторыя изъ Греческихъ Христіанскихъ именъ встрѣчаются между Славянскими въ 6 уже столѣтіи. Во время войнъ съ Греками три предводителя Славянскихъ назывались: Андрогастъ, Арсагастъ и Пирогастъ, — откинувъ Славянское окончаніе *гость*, остаются коренныя Андро, Арсо и Перо, сокращенныя Андрей, Арсеній и Петръ. Что Славяне въ это время раздѣлялись уже на язычниковъ и Христіанъ, то подтверждается словами Константина Багрянороднаго: описывая войны Грековъ противъ Славянъ, въ началѣ 7 столѣтія (610 годъ), Славяне-язычники, говоритъ онъ, назывались *паганами* (поганый), что значитъ, *некрещеный*. Прозваніе *Бѣлые* Хорваты, *Бѣлые* Сербы, означало также язычниковъ **.

* Впрочемъ слово *веселье* кажется произошло отъ Гр. *Василіа*— царскій, господскій праздникъ.

** Безъ сомнѣнія что въ первые вѣка христіанства черные клобуки отличали христіанъ отъ язычниковъ; отъ сего въ Кара-влахіи

*

Окончанія сложныхъ именъ. Въ сложныхъ именахъ всѣ коренныя соединяются съ окончаніями на *славъ*, *миръ*, *владъ*, *видъ* или *витъ*, *будъ*, *вой*, *братъ*, *градъ*, *драгъ*, *радъ*, *боръ*, *милъ*, *мыслъ*, *полкъ*, *манъ*, *любъ*, *духъ*, *живъ*, *динъ* или *тинъ*; но всѣ эти окончанія составляютъ также коренныя Словянскія имена: *славъ* — Славой; *миръ* — Миро; *владъ* — Владо, *видъ* — Видъ, Видой; *вой* — Вуйо; *братъ* — Брато; *градъ* — грда-нъ; *драгъ* — Драго; *радъ* — Радо; *боръ* — Борой; *милъ* — Мило; *мыслъ* — Моісилъ; *манъ* — Миіан; *любъ* — Любой; *духъ* — Дуко; *живъ* — Живо.

Должно замѣтить, что всѣ эти окончательныя имена принадлежатъ къ чистымъ Славянскимъ, и можетъ быть въ древности составляли имена *отчинныя*, такъ что по числу ихъ можно судить о числѣ первобытныхъ Славянскихъ отчинъ. Если допустить это предположеніе, то главными изъ отчинъ Славянскихъ должно почесть двѣ: *Славоя* и *Мира*; ибо съ окончаніями на *славъ* и *миръ* соединяются почти всѣ коренныя имена безъ исключенія; между тѣмъ какъ со всѣми прочими только нѣкоторыя: Радо — Радославъ, Радомиръ, Радовладъ, Радогость, Радовидъ, Радивой, Радиградъ, Ратиборъ, Радмилъ, Радманъ; Юрій, Ярко — Ярославъ, Яромиръ, Harovlad — Яровладъ, Яровитъ, Яровой, Яро-

(Черновлахіи), Кара-богданіи (Черно-Богданіи или Молдавіи), въ Сербіи и Булгаріи, народъ носитъ шапки въ родѣ черныхъ клобуковъ.

полкъ.... хотя сборникъ мой не льзя почесть совершенно полнымъ, и большая часть сложныхъ именъ вышли изъ употребленія, чему доказательствомъ служитъ то, что нѣкоторыя сохранились только въ лѣтописяхъ, на примѣръ *Міовой* (Король Булгарскій), а другія почитаются Германскими, напр. Hadubrath — Годобратъ; Hadugast — Годогость; Ariovald — Яровладъ; Radvald — Радовладъ; Ingiomer, Игньомиръ или Огнемиръ.

Когда отчины соединились въ *области*, тогда вѣроятно и отчинныя имена потеряли смыслъ; но придавились къ именамъ въ означеніе древности рода, уважаемыя столько же, какъ у Арабовъ прозваніе *азди*, означающее происхожденіе отъ древняго и славнаго племени *Азадъ*, и преимущественно всѣ Славянскіе владѣтели носили имена сложныя съ *славъ* и *миръ*; Русскіе: Свѣтославъ, Владимиръ, Ярославъ, Изяславъ, Мстиславъ, Ростиславъ; южно-Славянскіе короли: Селимиръ, Радимиръ, Свѣтимиръ, Будимиръ, Владиславъ, Томиславъ, Себиславъ, Карамиръ, Толимиръ, Крепимиръ.

Между *Германскими Славянскими*, или *Готославянами* предводители: Britomar, (Братомиръ, или Вратимиръ); Witimir (Видимиръ); Filimer, или Wolimir (Велемиръ); Godemir (Годомиръ); Wisivald (Всеволодъ); Oswald (Изовладъ).... И вообще, преимущественно съ окончаніемъ на *миръ*, и ни одного окончанія нѣтъ на *славъ*; равно какъ въ Цельтическихъ именахъ также, какъ мы увидимъ ниже, всѣ имена, сходныя съ Славянскими, кончатся на *миръ*. Слѣдовательно, должно предположить, что значительное племя *Мира* соста-

вляло первоначальныхъ выходцевъ изъ Индіи, а племя *Славоя* пришло на Дунай въ послѣдствіи.

Въ Индіи *Сальва* (*Сальван*), и *Мура* прозванія духовъ противниковъ Вишну, которыхъ онъ поразилъ. Въ этомъ подразумѣвается борьба патріархализма съ ученіемъ, или поклонниковъ естественной Религіи Сивы-природы, съ умственной Религіей Будхи, — и преслѣдованіе *Сайвановъ* *, которыхъ названіе сходно съ *Сальва-н* названіемъ Индѣйскаго древняго племени.

2. *Окончаніе на славъ.* Замѣчательно, что съ окончаніемъ на *славъ* нѣтъ ни одного имени, которое было бы въ употребленіи у Готовъ, тогда какъ на *миръ* очень много: Witimir, (Видомиръ), Gelimir (Гайо — Галомиръ), Britmar — Вритомиръ, и пр.

Мы уже замѣтили, что всѣ вообще окончанія составляютъ также коренныя имена, и окончаніе *славъ* есть ничто иное какъ имя *Славой.*

Древнѣйшее Славянское имя на *славъ* въ комментаріяхъ Ю. Кесаря: de bello gallico lib. VIII. LXXVI: одинъ изъ предводителей Галійскихъ названъ *Vergasillaunus.* (Юргиславъ, Іеркославъ, Ярославъ); сближеніе подтверждается тѣмъ, что рядомъ съ Vergasillaunus, другой предводитель Viridomar, котораго можно принять за Вратимира; начальное имя *virido* повторяется въ имени также Гальскаго предводителя — *Viridovix* (Вратовичь).

* Сайвас (Сайван) — поклонники Сивы (природы); но должно отдѣлить первобытное поклоненіе Сивѣ—природѣ, отъ послѣдующаго поклоненія Сивѣ—жизни.

Въ началѣ 5 вѣка, когда послы Аттилы, скифъ Эдеконъ, и Орестъ, родомъ изъ Пеоніи, прибыли въ Константинополь съ письмомъ къ Императору * Өеодосію, переводчикомъ письма и переговоровъ былъ назначенъ *Bigilas* (Богуславъ?). Потомъ вторично отъ Аттилы былъ посланъ Орестъ съ *Eslas* (Изяславомъ?), который обязанъ былъ вести переговоры.

Форма писанія именъ Bigilas, Eslas, Bigislas, Esslas, сходна съ именами Godilas (Годославъ) предводитель Иллирійскій (въ 558 году) **, и Blivilas (Прибиславъ?) Король Сармато-хунновъ ***.

3. Славянскія имена съ окончаніемъ на *миръ*, встрѣчаются преимущественно между военачальниками Готовъ, часто съ измѣненіемъ mir на mar, mor, mer:

Wissumar — Вышемиръ.
Vithomiris — Витомиръ.
Rotemer — Ратимиръ, Радомиръ.
Valamir — Велемиръ, Болемиръ, или по Сербскому произношенію вала — хвала Хвалимиръ.

Filimer, Vualamir — Велемиръ.

Theodemir, Teutomer — Тодомиръ, Татомиръ.

Waidemir, Videmir, Vadomaire — Видомиръ.

---

* См. Приска.
** Өеофанъ.
*** Іорнандъ.

Chrodomaire (одинъ изъ царей Герман. въ полов. 4 столѣтія — Градомиръ.

Ricimer
Richomer } Рашо, Рацко—Ратимиръ.

Gomoaire — Гонимиръ.
Barzimir — Боримиръ (Бороје, Борисъ).
Waladamaria дочь Vinithaire. — Владомирія.

Въ Германскихъ именахъ окончаніе на Frid (миръ) является довольно поздно; и потому можно полагать, что оно есть переводное окончательнаго имени *миръ*; тѣмъ болѣе что Frid само по себѣ не употребляется какъ имя; на примѣръ Godofrid — Годомиръ; если же God (добро) также переводное имени *Добро*, Доброй; то Godfrid соотвѣтствуетъ имени Добромиръ; Frideric — соотвѣтствуетъ имени Мировладъ; Valfrid — Валемиръ.

Древнѣйшее имя на *миръ*, въ комментаріяхъ Цесаря *Viridomar* — Вратимиръ.

Особенно замѣчательно, что всѣ имена, кончащіяся на *миръ*, Галійскихъ предводителей и Бардовъ въ Шотландіи, совершенно сходны съ Славянскими:

Cromar — Краимиръ, или Карамиръ.
Ducomar — Дукомиръ.
Rothmar — Радомиръ, Ратимиръ.
Strumor — Строимиръ.
Trenmor — Дреимиръ. (*Дренка* Серб. жен. имя).
Narmor — Наромиръ. (Нера. Серб. ж. имя).
Cathmor — Годомиръ, или Казимиръ
Malmor — Маломиръ, Миломиръ.
Sonmor — Синимиръ, (Синча—Серб. женс. имя).
Carmor — Карамиръ.

Clessamor — Глишомиръ.
Slimora — Селимиръ, Зломиръ.
Calmar — Salmor — Селимиръ.

Кромѣ того съ Шотландскими сходны: Branno или Bran — Брано; Alona или Aluine (женск.) јелена; Malvina — Мильяна, Милена, Ма́лина; Моїна (отъ Мојя — Мојяна); Sulvina дочь Morauld — Сла́вна дочь Мировлада.

Cairbar — Караборъ.
Morlav — Миролюбъ. (Серб.)
Ranal — Ралень. (Серб.)
Duchan — Душанъ. (Серб.)
Scarlaw — Скоролюбъ (?)
Dowran — Добрыня.
Gruimor — Краимиръ
Morduth — Миродухъ (?)
Moralt — (wlad—wold—ald) Мировладъ — Morauld — Morlath.
Tommore, (названіе мѣста) — Томимиръ. *
Salmor (названіе мѣста) — Селимиръ.

Изъ древнихъ Гальскихъ именъ Царей и предводителей: Outromer (Ютромиръ или Остромиръ); Chodomir — Хлодомиръ; Marcomir — Маркомиръ; Godemar — Годомиръ.

Inguiomer, дядя Арминія предвод. Херусковъ (въ 15 г. до Р. Х.).

4. Сложныя Славянскія имена кончащіяся на *владъ* (Владой), въ Готскихъ измѣняются на wald, wold, bald, bold, ald, old, или переводно на rik,

* Въ Шотландіи, безъ сомнѣнія также какъ и по всюду въ патріархализмѣ, мѣста назывались по отчинамъ, и слѣдовательно названія мѣстъ Tommor, Salmor, происходятъ отъ собст. именъ Томимиръ, Селимиръ.

ric, что значить также *власть*, *владъ*, на пр. Irmenwald, съ изчезнувшимъ w — Ermenoald; Grimwald — Grimoald (Громовладъ); Ragnwald — Ragnoald (Рогволодъ, Рогвольдъ); Berthold — Братовладъ; Leutbald — Лютовладъ; Radwald, Radoald, Radulf— и переводно Roderik — Радовладъ; Magnoald, слав. Серб. Многовладъ; Zuentibold — Король Лорренскій (въ 895 г,) — Свѣтовладъ.

5. Окончаніе на *гость*, происходитъ также отъ собственнаго имени *Госто*, сохранившагося только въ Миѳологіи.

Принадлежность слова *гость* Славянамъ доказывается Санскритскимъ (*гошт'а*), что значитъ гощенье, собраніе, бесѣда. Въ Сербскомъ *госа* — господинъ хозяинъ, *госпо* — госпожа. Въ Латинскомъ hospes, знач. хозяинъ и вмѣсте гость (hostis—*ὀστις*—пришелецъ и врагъ, ennemi — (en древн. членъ принятый Галлами отъ Готовъ), nemi — нѣмой въ значеніи иноземный.

Въ Французскомъ hôte, по древнему писанію hoste — значило постоялецъ, жилецъ, гость и вмѣсте хозяинъ. Двойственность значенія произошла безъ сомнѣнія отъ пришельцевъ колонистовъ, которые, занимая земли, становились въ отношеніи туземцевъ и гостями ихъ и хозяевами — отсюда hostilité — нападеніе, насиліе.

Въ именахъ принятыхъ за Готскія и Гальскія, *гость* измѣняется въ gast, host, ges, gis, gais: Wisogast — Видогость; Hadugast — Годогость; Radagais — Радогость; Witiges — Витогость.

Древнѣйшее имя на *гость* — *Arbogast*, Франкъ, любимецъ Импер. Валентиніана, въ 399 году по Р.

X. По ненависти къ Королю Франковъ Маркомиру, онъ возстановилъ Валентіана противъ него. Сынъ его назывался также Arbogast, по другимъ Arigius (Юрги). Слѣдовательно первое имя должно читать Argo, соотвѣтственно Славянскому *Ярко*.

Древнѣйшія историческія Славянскія имена на *гость* Славянскихъ вождей во Фракіи, во время войны съ Греками въ 6-мъ столѣтіи: Андрогастъ, Арсогастъ, Пирогастъ.

6. Окончаніе *Видъ*, *Видъ*, (wit), составляетъ собственное коренное имя Видо, Видой; оно же превратилось и въ *будъ*, предполагая* что сложные Будиславъ, Будимиръ, Будигость, Будевидъ, тѣже имена, что и Видиславъ, Видимиръ, Видогость, Видовидъ. Въ Гальскихъ именахъ, или у древнихъ западныхъ Славянъ, оно преимущественно измѣнялось въ *boude* — будъ; на пр. Meroboude — Миробудъ, Мировидъ. У Сербовъ *видъ* измѣняется въ окончательномъ имени на *будъ*, на пр. *Радобудъ*. Древнѣйшія Славянскія имена на *будъ*, сохранились въ именахъ Гальскихъ Королей: Genobaude — Яновидъ; Mellobaude — Милобудъ, Миловидъ; Hariobaude — Яробудъ, Яровидъ; Malobaude — Малобудъ; Maurobaude — Миробудъ, Мировидъ; Bainobaude — Войновидъ; Gondebaud — Годовидъ. *

Короли Франковъ, Genobaude и Athec (въ третьемъ столѣтіи, 288 годъ), назывались *царями длин-*

* Образованіе Гондо изъ Годо, точно также какъ Swento изъ Sweto; или какъ, brand изъ braht.

новолосыми—reges crinitos. Mallobaude (въ 378 году) назывался Comte des domestiques de l'empire.

7. Окончаніе на вой (бой, война) происходящее отъ имени Byjo, Воинъ, Воянъ — Баянъ, въ Готическихъ именахъ измѣняется на wig, и vic (wig значитъ также *бой, война*). Король Франковъ (467 г.) Clodovei пишется также Clodovig, Clodovic, Clodovix, Clovis — Ludovic или Louis. *

8. Окончаніе на *градъ*, измѣнялось въ именахъ Готическихъ на gard, hart, gerdr, gar, ger: Велеградъ — Wiligart; Любиградъ — Liebgard, Радиградъ — Radhard, Rodgarus, Rogerus, Roger..

9. Окончаніе *драгъ*, составляетъ собственное имя Драго, Драгой.

10. Окончаніе *радъ*, происходящее отъ имени Радо, Радой, измѣняется въ именахъ Готовъ въ rat, rad, red: Велерадъ — Wielrad; Dancharat или Dankrat — Данкорадъ.

11. Окончаніе *братъ* отъ *Брато*, въ слав. измѣняется въ *вратъ*, въ Готскомъ въ braht, bart, bert, brand. Въ поэмѣ 8-го столѣтія о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ, эти имена въ древнихъ спискахъ пишутся Hadubraht (Годобратъ), Hildebraht (Хладобратъ, Лютобратъ). Heeribraht (Яробратъ), отецъ Hildebrath — a.

12. Окончаніе на *любъ*, собственное имя Любъ, Любой, въ Готскихъ именахъ измѣняется на lieb, lob: Godlieb — Годолюбъ.

* Car c'est le même nom, пишетъ Морери.

13. Окончаніе *мыслъ*, въ собственномъ Сербскомъ имени Мойо, *Мойсилъ*, которое принимается въ значеніи Моисей.

14. Окончаніе *полкъ* имѣютъ только два имени: Святополкъ и Ярополкъ.

Сербское мужеское имя Пайо, женское Пала или *Пола*, тоже что *Полексія* (гречес.) *Палактія*—означающее: *многими презводительствующая*. Древнее *Паллада*.

Русское имя *Полканъ* сохранилось только въ сказкахъ.

Слово *полкъ* соотвѣтствуетъ Германскому Volk—народъ, и Греческому Φάλαγξ. — Фаланга.

О значеніи окончанія *полкъ* въ южныхъ лѣтописцахъ есть слѣдующее:

«Король Далматскій Свѣтимиръ, или Звонимиръ Sventimir (въ началѣ 8-го столѣтія) принялъ Христіанскую Религію отъ Константина или Кирилла. Сынъ его Будимиръ въ крещеніи нареченъ Светопелекъ, то есть *свето дете* — (святое дитя). *»

«Умершу же Королю Свѣтомиру, наслѣдова по немъ Бидимиръ, (нареченъ по обращеніи своемъ въ вѣру Христіанскую Святополкъ, еже значитъ на Славянскомъ языкѣ *отрокъ святъ*.) **»

«Свѣтмиръ, Краль Х.... собственнымъ своимъ примѣромъ подалъ поводъ Говославяномъ, яже воспріяти благовѣстіе Евангельское. Соизволилъ къ тому

* Пѣснословка, или то повѣсть о народу Славенскомъ. — Анд. Качича.

** Мавроурбинъ.

сына своего зовома Будимира крещеніемъ святымъ просвѣтити, его же и нарекли Святополкомъ, сирѣчь *отрокомъ святымъ* (у Марула читается *Светоликъ.*) *»

15. Окончаніе на *милъ* соотвѣтственно собств. имени Мило, Милóй.

16. Окончанія *динъ*, *тинъ*, *данъ* (Дано, Данко); *манъ* (Мијо, Мијанъ); *даръ*, *боръ* (Борой); *ликъ* (*Лако* соб. им.); ** *санъ* (соб. имя Сан, Санакъ); *духъ* (соб. имя Доко, Душанъ); *вукъ* (соб. имя Вуйо, Вукъ), *живъ* (соб. имя Живко; *жиръ* (соб. имя Заро, Жáрко), и *главъ*, довольно рѣдки.

Изчисливъ древле-Славянскія имена, и разсматривая Славянское племя какъ *отчинное*, можно замѣтить сходство большей части названій *отчинъ* съ коренными собственными именами; на пр. Дрегвичи, отъ Драго, Драгой; Бужане, отъ Божо, Богой; отъ нихъ прозваніе рѣкъ Бугъ; Древляне, отъ Драило; Радимичи, отъ Радо, Радунъ (Радимъ); Волынцы, отъ Вуйо, Вуло; Смоляне, отъ Смолянъ; Ростовцы отъ Расто; Вятичи отъ Вятко, Вять, Вато-ль; Лютичи, отъ Лютъ; Галичи, отъ Гајо (ј=л) Гало. Влахи отъ Влахъ — Влашко; Сербъ (Срп) отъ Серпо, Серпошъ; Моравы отъ Миро; Поляне отъ Пајо (Пало, Павао, Павло); Дулебы, отъ Дујак (Дуло); Будины — Будо; Русы — Русъ (Русмиръ Серб. имя); Боруссы — Борой, Борисъ; Бои, отъ Бой, Вой.

Въ слѣдствіе этого вывода можно предположить, что названіе *Славяне* было отчинное отъ *Славоя*. Эта

* Исторія разн. Славенс. Народовъ. Іоан. Ранга.

** По Санскр. Ликъ — Локо.

отчина могла столь-же прославиться, какъ Германская, которой имя обратилось въ общее нарицательное. Но у народовъ патріархальныхъ одно изъ племенъ было всегда старѣйшимъ, и составляло коренную священную пóроду; на примѣръ у Индѣйцевъ порода Браминовъ. Такъ и Славяне въ патріархализмѣ, должны были имѣть племя священное. Отреченіе Шайвовъ, или Сайвовъ (Сиваитовъ, Шивитовъ), послѣдователей Религіи природной, отъ Религіи Будхи, должно обозначать и время выхода Славянъ изъ Индіи и переселеніе ихъ первоначально въ Фригію, потомъ во Фракію и наконецъ къ Дунаю. Священная порода ихъ должна была носить имя божества Сивы, которое въ нарѣчіяхъ измѣнялось въ σαος (sauf) Salus, Salvus; по Санскр. *Сайвас* (поклонникъ Сивы), множ. число *сайвани*. Сива въ ликѣ божества суда и смерти *мрида*, *ямо*, *мрити*, *маранна*, откуда безъ сомнѣнія и *Марсъ* божество Латинъ. Такимъ образомъ можно полагать, что жрецы Марса Salii, Salivans, и Галійское племя — Saliens, или Salluviens * (Марсельцы), были Славяне. Въ Германіи также Salii или Saliens обитали въ провинціи, называвшейся Salland **.

* Hist. des Gaulois par J. Picot. t. 1. p. 50.

** Сближеніе *Саливановъ* съ *Марсами*, доказываетъ единство ихъ, и различіе только въ кастахъ; одни были касты священной, другіе воинственной. Одни носили имя Бога-свѣта (Бѣлбога), другіе Бога-смерти (Черно-бога).

*** У Римлянъ Марсъ носитъ прозваніе *Silvanus*, и это названіе значитъ, что Марсъ былъ божествомъ *сельскимъ*, т. е. патріархальнаго народа; ибо Греки *Марса* называютъ *Арей*, отъ названія Сивы *Хара*, *Хари* въ свойствѣ божества войны, *истребителя*.

Цари Латиновъ (1297 лѣтъ до Р. Х.), вели свой родъ также отъ Сатурна * т. е. (Сивы), и слѣдовательно по религіи были Сайвы. Въ 1128 году былъ царь изъ рода *Silva*, его потомки царствовали почти до основанія Рима (753 г. до Р, Х.) Eneas, Sylvius (Янославъ)? Alba Sylvius (Бѣлославъ, Велеславъ)? Agsips a Sylvius; Allade Sylvius) Владиславъ), или Aremulus, (Яромилъ); Aventinus Sulvius.

По прозванію *Сильвій* Латинскихъ Царей, можно полагать что племя *Мира* распространилось болѣе къ сѣверу; а племя *Славянъ* занимало земли южные.

И вообще необыкновенное сходство древнихъ собственныхъ именъ, сохраняющихся только у Славянъ, слѣдовательно родовыхъ Славянскихъ, съ древними именами Латинъ, Цельтовъ, Галловъ и Готовъ, служитъ сильнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что и самое племя населяло уже издавна большую часть Европы; и какъ племя нравовъ отчинныхъ, осѣдлыхъ, подпадало частями сперва подъ зависимость общинъ колоніальныхъ, а потомъ подъ державы завоевателей.

У Скиѳовъ божество войны также назывался Арей; у Готовъ Herr. У Славянъ Яро, Юрій, Ярко. — Herkel. — Hercules — Ираклъ.

* *Сур* или *Шуръ* или *Чшуръ*—Сива въ свойствѣ Героя. Отсюда у Галловъ Sort — судьба, у Готовъ Surtur, или Satur — острый мрачный, по Датски Sort, по Швед. Svart (Schvartz) черный; Англо-Саксон. Sveart. Отсюда Swert—мечь. Satur значитъ Суббота, (*шеббъ*—ночь). Евр. и Араб. *шеббъ* ночь, Sabba, Savva. (Греч. произн.) Сива. Суббота же день посвященный Сивѣ (Сатурну), въ свойствѣ *Сами* (сна, смерти).

Представляемъ это, какъ первый и основный историческій выводъ изъ сличенія собственныхъ именъ древнихъ народовъ; дальнѣйшее-же изслѣдованіе требуетъ особеннаго и усиленнаго труда.

Ал. Вельтманъ.

Стоянъ, Станко, Станой. Стоя (женс.).	Станиславъ, Стоислава.	Станимиръ.
Симо. (Семо-Семя. Земе-земля).	Самославъ.	
Сава.	Subislave.	
Селакъ, Село.	Selislave.	Селимиръ.
(Судо?).	Судиславъ.	Судомѣрь (рѣка).
Твардко.	Твердиславъ.	
Тато.		Татомиръ.
Тешо (Тихо?). Тешко, Тишко (Тихонъ).		Тешимиръ.
Томо.	Томиславъ.	
Тепанъ.		Тепимиръ.
Цвѣтой (Свѣтой).	Свѣтославъ, въ Рус. временникѣ Цвѣтославъ.	Цвѣтомиръ, Свѣтомиръ, Sventimir Svinimir, Звонимир
Ярко Іерко, Іорги, Гуръ, Юръ, Юрій. Урошъ.	Ярославъ.	Яромиръ. Chariomer, Aramirus.
Чудо. (Чедо?).		
Осто, Остой, (*остве* знач. острогъ.		Остромиръ.
Туро, Юрій.	Гориславъ. Гориславa (жен).	
(Jутро).		Outremir, Ютромиръ, Остромиръ
Оливеръ, Оливера (Серб.). жен.		
	Скорославъ, Скорослава (Сербск).	
		Стратимиръ.
(Знатой).	Знатославъ.	
Златой.		

ко переѣзжая черезъ оврагъ Ивановскаго монастыря * умѣрили ихъ горячность.

Было роскошное утро. Все дышало миромъ и очарованіемъ. Природа, преисполненная жизни, вѣяла наслажденіемъ. Упоенная душа моя была погружена въ безмолвную радость. Жизни, жизни жаждала она.

Въ 17 верстахъ города свернули мы съ большой дороги въ право (сколько помниться) къ д. Защитиной, расположенной на самомъ берегу Иртыша, въ $1\frac{1}{2}$ или 2 верстахъ отъ большой дороги. Только выѣхали мы изъ лѣсу—и передъ нами развернулся горизонтъ, какъ тройка наша зарѣзвилась и помчала насъ вдоль деревни, прямо къ обрыву въ 33 сажени надъ угрюмой поверхностью Иртыша. Еще одно мгновеніе и мы полетѣли бы въ бездну, но средній братъ, правившій конями и не по лѣтамъ владѣвшій присутствіемъ духа, не имѣя силъ остановить ихъ, или поворотить къ строеніямъ, направилъ, съ помощію старшаго брата, къ ямѣ, нѣсколько въ сторону, и заставивъ сдѣлать крутой поворотъ, успѣлъ укротить ихъ бѣшенство.

Въ сопровожденіи деревенскихъ мальчиковъ, мы отправились пѣшкомъ къ Кучумову городищу: подъ этимъ названіемъ извѣстны жителямъ бѣдные остатки столицы царства Сибирскаго. Дѣти были рады, подъ нашей защитой побѣгать въ пустынныхъ ок-

* Ивановской монастырь мужской, въ 9 верстахъ отъ Тобольска, расположенъ въ оврагѣ близко праваго берега Иртыша.

рестностяхъ его, нарвать цвѣтовъ и пучекъ *. Я полагаю, что боязнь жителей имѣетъ глубже свое начало, нежели какъ намъ объясняли дѣти. Они говорили, что тамъ бываютъ бѣглые; но бѣглые, которые вообще рѣдки, не обзаводятся постоянными мѣстами.

Жители ищутъ кладовъ на старыхъ жильяхъ Татаръ, и есть у народа преданье, что Татары, желая лучше умереть, нежели сдаться Русскимъ, скрывались въ погребахъ, въ ямахъ, подъ своими домами, подрубали столбы и гибли тамъ,—и что души ихъ, какъ злые духи, стерегутъ свои сокровища. Много я слышалъ поэтическихъ вымысловъ, какъ не даются клады, заколдованные на извѣстныхъ условіяхъ. Вѣра въ существованіе таинственнаго въ природѣ чѣмъ-то мрачнымъ облекаетъ давно совершившіяся кровавыя событія, оставившія по себѣ ужасъ въ душѣ человѣка, и населяетъ мѣста совершенія невидимыми жильцами: въ этой вѣрѣ я полагаю начало боязни жителей къ Кучумову городищу.

Мы шли безъ дороги мелкимъ, но частымъ лѣсомъ, поросшимъ густою травою, все по закраинѣ обрыва Иртыша, прямо на югъ. Прошедши версты 2 и болѣе, мы спустились въ оврагъ шириною не менѣе 20 саженъ и въ нѣсколько саженъ глубины.

* Дигиль. Его обдираютъ и ѣдятъ, даже привозятъ продавать на базаръ въ городъ, такъже какъ и *Сарана* или *Саранки* въ родѣ луковицъ; мясо у нихъ желтое, маслениcтое и сладкое; *сосновый сокъ*, который снимаютъ весною пластами изъ-подъ коры, сладкій въ родѣ сочной постилы, весьма полезный для укрѣпленія груди.

Поднявшись на противоположный край оврага, мы уже вступили въ Кучумово городище.

Предъ нами открылось пространство не болѣе 50 сажень въ длину и ширину. Ограниченное прямолинѣйными срѣзами, исключая стороны обращенной къ Иртышу, въ видѣ многоугольника суженнаго къ востоку, оно расположено на мысу, образовавшемся отъ впаденія р. Сибирки въ Иртышъ. Весьма крутой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсный бусракъ Сибирки, въ 33 сажени глубины, охватываетъ городище съ восточной и южной стороны. Съ западной оно оканчивается обрывомъ Иртыша; съ сѣверной же оврагомъ, черезъ который мы перешли въ городище, соединяющимъ берегъ Иртыша съ берегомъ Сибирки. При осмотрѣ его старшіе братья сдѣлали замѣчаніе, что онъ долженъ быть искуственный. Дѣйствительно, правильность его покатостей, не сыпучихъ, плотныхъ, обросшихъ травою, подтверждаютъ эти заключенія, и такіе перехваты между берегомъ главной и впадающей рѣкою не встрѣчаются въ природѣ. Отъ обрыва Иртыша онъ имѣетъ горизонтальное дно, сажень на 30, а далѣе начинаетъ углубляться къ руслу р. Сибирки и сходитъ довольно круто. Все углубленіе его поросло мелкимъ лѣсомъ. При спускѣ изъ оврага къ руслу рѣчьки сохранилось нѣсколько колодцовъ, засоренныхъ и заваленныхъ искателями кладовъ. Отъ нихъ видны признаки всхода въ оврагъ. Путешественникъ, бывшій въ Искерѣ почти за 10 лѣтъ до насъ, описывая мѣстность его и крутизну берега Иртыша, говоритъ: «Таковой же крутизны у рѣчьки Сибирки лощина, про-

стирающаяся отъ Иртыша. Здѣсь находится валъ въ 15 сажень длины, а за нимъ ровъ шириною не болѣе 2-хъ аршинъ; отъ сихъ вала и рва до самаго возвышеннаго мѣстоположенія Искера высота до 5 саженъ. Въ лощинѣ видны также остатки рвовъ, а къ рѣчькѣ Сибиркѣ и по лощинѣ до самой почти воды былъ, какъ кажется, спускъ къ колодцу, примѣтный по остающемуся помосту.» * Миллеръ пишетъ, что «городище видится съ дороги на небольшой круглой горкѣ, которая въ разныхъ уступахъ укрѣплена тройнымъ валомъ съ находящимися притомъ рвами, изъ которыхъ одинъ валъ другаго выше; а сіи валы окружаютъ городское мѣсто только съ приходу и съ стороны долины, понеже прочія обѣ стороны отъ рѣки Иртыша и отъ буерака никакого укрѣпленія не требуютъ.» ** Валы, объ которыхъ говорятъ путешественники, я полагаю, были устроены для защиты хода отъ колодцовъ, перерѣзывая оврагъ поперегъ. На горизонтальномъ днѣ оврага не существуетъ никакихъ примѣтъ вала, это я хорошо помню; да и не естественно, чтобъ его расположили на днѣ оврага подъ командованіемъ 5 саженнаго края оврага, со стороны поля. А въ углубленіи оврага заросшемъ лѣсомъ, надобно было отыскивать остатки вала «малозамѣтные и заросшіе» какъ пишетъ Миллеръ. Мы же, не думая дѣлать строгихъ ученыхъ изысканій, весьма просто, что пропустили ихъ. Мнѣніе мое подтверждаетъ и

* Сибирскій вѣстникъ 1818 года, часть 1.

** Описаніе Сибирскаго Царства, 1750 года, Миллера.

то, что длина въ 15 сажень вала, соотвѣтствуетъ поперечнику а не длиннѣ, горизонтальнаго дна оврага, идущаго вдоль городища; и самые слова Миллера, что городище видится съ дороги отъ Тобольска, на горкѣ съ тройными валами, расположенными уступами, показываетъ, что онъ смотрѣлъ на Искеръ съ другой стороны р. Сибирки (отъ куда и открытъ весь спускъ къ колодцамъ), потому что дорога изъ Тобольска идетъ мимо восточной стороны городища по лѣвому берегу р. Сибирки. А судя по прямолинейности краевъ городища, можно полагать, что оно было обнесено стѣною, да и не могло внутреннее пространство остаться безъ защиты отъ выстрѣловъ съ другой стороны р. Сибирки. «Когда Махметъ перенесъ столицу въ Искеръ, то онъ мѣсто съ нагорной стороны укрѣпилъ еще болѣе прежняго.» *

Все пространство городища покрыто густой травой, и нѣсколько ближе къ восточной сторонѣ, сохранились признаки жилья, ямы, куски кирпича и кусты крапивы, сѣверной эмблемы запустѣнія. «Все вообще здѣсь мѣстоположеніе неровное и въ ямахъ ** три изъ сихъ послѣднихъ подобны погребнымъ, весьма глубоки и, по словесному Татаръ преданію, служили темницами для виновныхъ. Лѣсу на мѣстѣ семъ нѣтъ; одна дикая трава, а болѣе крапива и конопель дикая. На утесѣ же Иртыша примѣтны ос-

* Описаніе древностей.

** Много сдѣлано ямъ искателями кладовъ. Передъ нами Докторомъ Албертомъ въ окрестностяхъ Искера выкопана кружка, не помню серебреная или золотая.

татки одного кургана, и не знаю цѣлъ ли онъ теперь, ибо сіе мѣсто Иртышъ, подмывая ежегодно, обрушаетъ...» Мы уже не нашли его.

Перейдя обратно черезъ оврагъ, немного въ право отъ нашей дороги, ближе къ берегу р. Сибирки, мальчики показали намъ признаки кладбища: едва замѣтныя насыпи. «Перейдя лощину за рѣчьку Сибирку, путешественникъ увидитъ на горѣ признаки бывшихъ кладбищь, гдѣ обыкновенно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ собираются Татары для мольбы и закланія тельцовъ. Они собираются сюда и въ Маѣ мѣсяцѣ, но въ меньшемъ количествѣ, и какъ говорятъ, для поминовенія положившихъ голову свою за Искеръ и поклоненіе погребеннымъ здѣсь святымъ.» * Здѣсь явная описка, что кладбище за р. Сибиркою, потому что переходъ черезъ буеракъ Сибирки невозможенъ, особенно для погребенія. (2) Отъ горизонтальнаго дна рва врѣзана дорога въ покатость, прилежащую къ городищу, оканчивающаяся обрывомъ Иртыша, такъ что между ея окончаніемъ и поверхностію городища сажени $3\frac{1}{2}$. Она ясно осталась у меня въ памяти по замѣчанію братьевъ, что дорога должна продолжаться сажень на 150, чтобъ выйти на поверхность городища. Этотъ выводъ они сдѣлали по склону дороги. «Ближніе жители отъ предковъ своихъ слышали, что отъ мѣста, занимаемаго сими остатками столицы Хана Кучума, отвалилось въ Иртышъ около 40 саженъ, что и вѣроятно, ибо судя по самому стремленію Иртыша,

* Сибирской Вѣстникъ 1818 годъ, част. 1.

легко статься можетъ, что оный не только снесетъ сіи остатки и подмоетъ мысъ Чувашскій, * но затопитъ лугъ Подчувашскій, ** покроетъ водами своими весь подолъ Тобольска.» *** Иртышъ съ каждымъ годомъ обрываетъ нагорный, глинистый лѣвый берегъ, составленный плоскою возвышенностью, начинающеюся за нѣсколько верстъ выше Абалацкаго монастыря (3) до Сузгуна, 7 верстъ ниже Тобольска, простирающеюся до 40 верстъ въ длину и отъ 7 до 20 верстъ въ ширину. Иногда цѣлые десятки сажень въ поперечникѣ отрываетъ въ одну весну. Въ самомъ Тобольскѣ въ нагорной части города съ каждымъ годомъ обрывъ приближается къ строеніямъ. А около Кучумова городища напоры рѣки дѣйствуютъ еще разрушительнѣе: въ селѣ Преображенскомъ ****, которое въ виду Кучумова городища черезъ р. Сибирку, жители предвидятъ необходимость перенести церковь, бывшую въ памяти старожиловъ сажень на 100 и болѣе отъ обрыва.

Не смотря на то, что я съ смѣлостью и ловкостью горца привыкъ взбираться на крутизны и спускаться съ обрывовъ, но не безъ чувства опасенія смотрѣлъ я на темные воды Иртыша, далеко подъ моими ногами, съ глухимъ шумомъ дробившіяся о подошву нависшаго обрыва. Отрадно было оторваться взоромъ отъ бездны водъ и потонуть въ безпре-

* Край горы возлѣ дороги изъ Россіи въ Тобольскъ верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ города.

** Лугъ отъ Чувашскаго мыса между Иртышомъ и городомъ.

*** Сибир. Вѣстникъ.

**** На 22 верстъ отъ Тобольска.

дельности картины, которая была передъ нами. Горный берегъ, какъ желтая, громадная стѣна, увѣнченный зеленью, полукругомъ опоясалъ Иртышъ съ юга на сѣверъ, отъ синей до синей дали. И на немъ вдали бѣлѣлись стѣны Абалацкой обители и горѣли ея золотые кресты; въ самомъ виду раскинулось село Преображенское позади убогой деревянной церкви, говоря своими домами о изобиліи и простотѣ сельскаго быта. Далеко въ право синѣлся прорѣзъ оврага съ монастырской рощей Ивановской обители. Серебреная полоса песку опоясала противоположный плоскій берегъ Иртыша, и за нимъ открылось взору неизмѣримое пространство съ Татарскими юртами и рощами, съ ихъ полями и лугами *. Мѣстность низменная и ровная, бѣдный видъ юртъ и стада воронъ и грачей съ крикомъ гнѣздившіяся въ рощахъ Татаръ — все придавало особенную унылость ихъ селеніямъ. Какъ будто онѣ грустятъ о своемъ сиротствѣ и печально смотрятъ на могилу столицы своего царства **.

Пройдутъ еще десятки лѣтъ и изчезнутъ бѣдные остатки праха ея. Глухо шумитъ и стонетъ Иртышъ послѣдней погребальной пѣснею у подножія могилы.

Проходятъ царства, изчезаетъ и прахъ ихъ. Неизчезаетъ только божественное въ душѣ человѣка: оно неизмѣнно и вѣчно.

* Съ Тобольской горы видна роща за 100 верстъ по дорогѣ въ Россію. Часто съ грустью смотрѣли мы въ ту сторону.

** Татары до сихъ поръ не равнодушно говорятъ о Искерѣ, Кучумѣ, о прошедшемъ владычествѣ своемъ.

Далеко было за полдень, когда мы возвратились въ деревню. Быстро перенесли насъ отдохнувшіе кони въ отчій домъ, въ безцѣнный кругъ родной семьи.

Д. Пассекъ.

II. **УРАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.** Много было пѣсенъ у славнаго Уральскаго казачества, когда оно гуляло по синю — морю и билось своей волей съ бусурманами не жалѣя острыхъ сабель, молодецкихъ рукъ; когда можно было брать въ полонъ корабли съ золотой казной, и на паю ли, на дуванѣ межъ собою раздѣлить казну. Много было пѣсенъ, да состарѣлись. Вотъ одна изъ нихъ, переданная атаманомъ войска:

Ой, ты гой, славный Яикъ рѣка.
Ты Горынычь, золотое дно, —
Круты бережки серебрены,
На песочкахъ дорогой жемчугъ
Про тебя Яикъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Со вершинушки и до устьица —
Проливаешься скоръ быстрехонекъ;
Урываешь ты круты бережки;
Промежъ водъ твоихъ часты островы,
А на островахъ люди вольные,
Все козаченьки Яицкіе.
Выѣзжали казаки на сине—море,
Что на сине на Хвалынское;
Разгулялися, разнотѣшились,
Не жалѣючи свинцу—пороху,
Острыхъ сабель, молодецкихъ рукъ.
Разметавъ они бусурманщину,

Въ полонъ брали легку лодочку,
Легку лодочку съ золотой казной; —
На казнѣ шелковый коверъ,
На коврѣ красна дѣвица.
Приставали казаки ко бережку,
Начали дѣлить золоту казну;
Доставалось намъ казаченькамъ
На единый пай по пять-сотъ рублей —
Есаулушкѣ, батюшкѣ, тысяча.
Ужъ казакамъ всѣ доли выпали
Одного добра молодца задуванили,
На паю, на дуванѣ обидѣли —
Золотой казны не выдали;
Доставалася задѣленому —
Доброму молодцу, красна дѣвица.
Не по нраву казаку задуванъ пришелъ;
Онъ беретъ свою саблю острую,
Беретъ дѣвицу за рученочку.
Что не громъ гремитъ, не труба звучитъ,
Казакамъ казакъ выговариваетъ:
— Ой, вы гой, братья товарищи!
На бою-то, на баталіи —
На бою у васъ я первый былъ,
На паю ли на дуванщинѣ
На паю ли я послѣдній сталъ!
Не хочу же я ничего отъ васъ,
Я ни золота и ни дѣвицы.—
Размахнулася сабля острая,
Заслезилася красна дѣвица,
Заслезилася, замолилася: —
«Не губи меня добрый молодецъ,
Не одна я тебѣ досталася! —
За казачій пай — парчевая
Моя шубка соболиная; —
Есауловъ пай — жемчужная
Моя дѣвичья поднизочка;
Атаманъ ли ты? — Я сама твоя,
Красна дѣвица, дочь Княжеская.

III. КУРСКОЕ НАРѢЧІЕ. Нарѣчіе, которое можно назвать *Курскимъ*, употребляется на огромномъ пространствѣ: имъ говорятъ въ верховьяхъ Оки, Десны, Семи, — однимъ словомъ, во всей Орловской, Курской, и въ юго-западномъ краю губерній Калужской и Тульской, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями. На своихъ оконечностяхъ оно постепенно сливается съ пограничными нарѣченіями Малороссійскимъ и Московско-Русскимъ. Три милліона издревле заселенной, исторической, коренной Русской земли, употребляютъ его, — причина достаточная, чтобы обратить на него вниманіе. По всѣмъ признакамъ корень этого нарѣчія велико-Русскій, не смотря на многія слова мало-Россійскія и Литовско-Русскія. Самый народъ, употребляющій его, рѣзко отличается отъ Малороссіянъ наружнымъ видомъ, одеждою, образомъ жизни и не считаетъ ихъ племенемъ единокровнымъ.

Перехожу къ отличительнымъ признакамъ Курскаго нарѣчія:

1) Всѣ гласныя буквы произносятся въ немъ чрезвычайно рѣзко: звукъ *е* никогда не теряется, какъ въ языкѣ сѣверныхъ Великороссіянъ, говорящихъ *дѣлатъ* вмѣсто дѣлаетъ; въ немъ замѣтно особенное стремленіе къ открытымъ звукамъ *а* и *я*, которые часто замѣняютъ *е*; на пр. *тяперь* — теперь; *яму* — ему; *а* выговаривается не вполовину, какъ у прочихъ Русскихъ, но вполнѣ.

2) Наблюдается возможная гармонія между гласными и согласными; на пр. говорятъ: *пашеница* —

вм. пшеница, *молонья* — вм. молнія; отъ чего языку сообщается какая-то мягкость и плавность, впрочемъ далеко уступающая плавности и пѣвучести Малороссійскаго языка.

3) Въ окончаніяхъ настоящаго вмѣсто *ъ* повсемѣстно употребляютъ *ь*; *ходить, говорить* — а не ходитъ, говоритъ.

4) Буква *г* выговаривается мягко.

5) Буква *ф*, насильственная въ Русскомъ языкѣ, произносится какъ *х*, *хв*, *п*, но никогда чисто; *хунтъ* — фунтъ; *Ахванасій* — Афанасій; *трапится* — трафится (случается).

6) Буква *в*, также враждебная этому нарѣчію, въ тѣхъ словахъ, гдѣ она произносится сжато, или переходитъ въ *ф*, выговаривается открыто, либо измѣняется въ *у*; на пр. *овца* — а не *офца*, какъ у Москвичей; въ началѣ словъ, гдѣ *в* предшествуетъ согласной, оно переходитъ въ *у*; *узялъ* — взялъ, у *томъ* — въ томъ.

7) Передъ буквою *н*, *в* измѣняется въ *м*; *сламный* — вм. славный.

8) Въ нѣкоторыхъ словахъ *в* переходитъ также въ *л*; *слабода* — свобода; *ослободить* — освободить.

9) *Д* иногда перемѣняется на *з*; вмѣсто *подлѣ* говорятъ: *длѣ* и произносятъ *злѣ*.

10) *Ж* иногда выговариваютъ какъ *з*, *залѣзо* — желѣзо; *забры* — жабры (у рыбъ).

11) Въ словѣ *цѣпь*, *ц* измѣняютъ на *ч* и произносятъ: *чепъ*.

12) Буква *щ* выговаривается не твердо, но какъ двойное *шш*; *извошшикъ* — извощикъ.

13) Буква *л* передъ *б* и *п* иногда опускается; *корабъ*, — а не корабль; *конопи* — конопли.

14) Орловцы окончаніе *ка* измѣняютъ на *кя*; *тройкя*, *пенькя*, — тройка, пенька.

Теперь упомяну объ особенностяхъ этого нарѣчія по всѣмъ частямъ рѣчи:

а). *Имя существительное.*

Замѣчу здѣсь отличное произношеніе и названіе нѣкоторыхъ именъ:

* *Земь*—иногда вм. земля.
* *Облога*—загрубѣвшая пашня.
Грань—граница.
* *Припоть*—сѣрая земля.
* *Яръ*—чаще вм. оврагъ.
Услонь—покатое мѣсто.
Кулига—мысъ.
* *Глей*—бѣлая глина.
Виръ— глубокое мѣсто въ рѣкѣ.
* *Шляхъ*—большая дорога.
Большакъ—тоже.
* *Ставъ*—иногда вм. прудъ.
Рудка—яма съ водою на лугу.
* *Толóка*—земля въ пару.
* *Гребля*—плотина.
* *Лозникъ*—мелкорастущій ракитникъ.
Ракита—вм. ветла.
Хлустцы (холостцы) — тонкій, молодый лѣсъ.
Лѣска—заборъ около дома.
* *Вязель*—дикій, полевой горошекъ.
* *Бураки*—корень свеклы.
Картохи—вм. картофель.
Трость—тростникъ.
Кички, *Корчи* — выкопанные древесные пни.
Грамотка—письмо.
* *Жито*—вм. ржи, а не въ смыслѣ ячменя, какъ у сѣверныхъ Великороссіянъ.
Китки—кукуруза.
Тетива—огуречные стебли.
* *Скирда*—скирдъ.
Замашки—мужеской полъ въ коноплѣ.

Слова, означенныя звѣздочками, принадлежатъ Малорос. языку.

Изд.

* *Отава* — трава послѣ скошенія.
Дромачья—сучья въ водѣ.
Волокъ—полоса въ полѣ.
* *Граница* — пустое зерно въ гречихѣ.
* *Колоть*—колосъ съ зерномъ.
* *Ость*—иглы въ колосѣ.
* *Огородина*—овощи.
Черь—цвѣточная пыль для воска.
Вариво -капуста, бураки и вообще огородная зелень для щей.
Тѣнь—рядъ, направленіе.
Хоромы—помѣщичій домъ.
* *Клеть*—амбаръ.
Огородъ—иногда вм. гумно.
* *Рѣли*—качели.
* *Хижка*—сарайчикъ для скота.
* *Закутка*—тоже.
* *Кутъ*—уголъ.
* *Групка*—кирпичная печь въ крестьянской избѣ.
Болонка—окно со стекломъ.
* *Руда*—кровь.
* *Сѣкира*—часто вм. топоръ.
* *Добро*—имущество.
* *Кострика*—древесина, остающаяся послѣ мятія пеньки.
* *Родъ*—урожай.
Сухмень—сушь—сухая погода.
* *Година*—ведро.
Нѐпогодь—непогода.
Стыдь—стужа.
Рось—роса, мелкій дождь.
* *Теплынь*—теплая погода.
Голощекъ—гололедица.
Молонья—молнія.
* *Кура*—метель. *
Бояринъ—часто вм. баринъ.
Прудникъ—мельникъ.
* *Мирошникъ*—тоже.
* *Крамарь*—торгашъ лентами, булавками и пряниками.
Прасолъ—мелочной торгашъ грубыми произведеніями.
* *Волнотепъ*—шерстобитъ.
Богомазъ—Суздалецъ съ образами.
* *Старцы*—нищіе.
Лодарь—негодный, лѣнивый человѣкъ.
Себры — сильные, здоровые ребята.
Лиходей—злодѣй.
Проводецъ—зашлецъ.
* *Шкода*—воръ.
Стрѣлецъ—стрѣлокъ.
Погостъ—кладбище.
* *Голосъ*—плачь.
* *Громада*—сельская сходка.
* *Хрестъ*—крестъ.
Рубаха—рубашка.
* *Сорока* — повойникъ, кичка, головные уборы женщинъ.
Красна—суровая пряжа.
Скибка—ломоть.
Мохотка—горшокъ.
* *Конъ*—чаще вм. лошадь.
Вирибей—воробей.
* *Сивоградъ* — сизворонокъ.
Пташки, *птушки*—птички—
Писклята—цыплята.

* По Малорос. *курить* значитъ метель мететъ.

* *Пральникъ* — валекъ, которымъ бьютъ мокрое бѣлье.
* *Гомонъ*—говоръ.
Бойло— побои.
Застой—заступничество.
Козюля—змѣя.
Безчастіе—несчастіе.
Хиня—прахъ, ничтожество.
Черга, чередъ—очередь.
Тямъ—смысленность.
Лобъ—въ смыслѣ отборнаго; напр. *что ни лобъ — земля*—что ни лучшая земля.
Ворогуша—лихорадка.
Лихоманка—тоже.

Замѣчательны слова, составленныя съ частицею *па* (имѣющія значеніе — *въ родѣ чего*): *паводокъ*, сильное разлитіе рѣкъ, но не настоящая полая вода; поглинокъ, суглинокъ, глина, смѣшанная съ черноземомъ; *позимокъ* — первая зима; *подворокъ* — крестьянское строеніе, заключающее амбары, сараи, маслобойни на другой сторонѣ улицы; или съ частицами *су* и *про*—на пр. *субой* — сугробъ; *сузелень*; *прозелень*.

Изъ собирательныхъ можно привести въ примѣръ: *добрыдни* — пожитки; *скота*—скотъ въ обширномъ смыслѣ; *лошадье* — лошади; *гусъ*, употребляемое въ женскомъ родѣ вм. множество гусей; *отара*— стадо овецъ; *ярь* — собирательно вмѣсто всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ; *деньга́* — деньги.

Нѣкоторыя названія городовъ употребляются въ такомъ видѣ, какъ мы встрѣчаемъ ихъ въ старинныхъ памятникакъ: *Курескъ*, *Сѣвескъ*, *Брянескъ*, *Рылескъ* — вм. Курскъ, Сѣвскъ, Брянскъ, Рыльскъ; *Путимль* — Путивль; *Ольговъ* — Льговъ; *Суржа* — Суджа; *Кеевъ* — Кіевъ; *Амченскъ* — Мценскъ; *Слапа* — Свапа; *Полехи* — жители Полѣсья, т. е. Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ.

Въ именахъ людей особенно замѣчательны уменьшительныя: Дарута, Праскута, Праскуня, Васюта, Ѳедоса; отъ Евдокима, произносимаго Алдакимъ, уменьшительное — Алдушокъ; Алексаха, Тимоха и Тимоня; Гаврикъ, Павликъ, Филяй, Гришай, Титокъ, Симута. Крестьяне прозываются часто не уличными фамиліями, но именами отцовъ, какъ Гомеровскіе Греки: *Ѳомичь*, *Юдичь*; почетныя окончанія *евичь* и *евна* выговариваютя вполнѣ, а не сжато какъ у Сѣверныхъ Великороссіянъ — Васильевичь, Николаевна.

Объ отличіяхъ въ склоненіи именъ.

1) Слова: *берегъ*, *дорога* въ предложномъ падежѣ перемѣняютъ *г* на *з*; *на березѣ*, *при дорозѣ*.

2) Вмѣсто дательнаго падежа съ предлогомъ *по* употребляется предложный — *по лугахъ*, *по поляхъ*.

3) Слова: *мать*, *дочь*, *лошадь* въ винительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ *матере*, *дочере*, *лошаде*.

4) Слова: *сани* и *лошадь* въ дателономъ и предложномъ падежахъ множественнаго числа имѣютъ особенности; говорятъ: санёмъ, лошадёмъ; на санёхъ, на лошадёхъ.

5) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда въ образованномъ языкѣ употребляютъ въ предложномъ падежѣ *ѣ*, здѣсь это окончаніе замѣняется *у* и *ю*; напр. *на коню*, на *исходу*.

6) Слова: *зелень* (хлѣбная) и *колодезь* имѣютъ въ именительномъ падежѣ множ. числа *зеленя*, *колодезя*, вм. зелени, колодези.

7) Слова: *утка*, *курица* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, вмѣсто обыкновеннаго измѣненія *утокъ*, *куръ*, перемѣняются въ *утей*, *курей*.

8) Слово *яйцо* въ род. падежѣ множ. числа склоняется *яецъ*.

Имя прилагательное.

Здѣсь я послѣдую тому же порядку, который избралъ при разсматриваніи именъ существительныхъ; т. е. сначала покажу особенности въ значеніи прилагательныхъ, а потомъ отличія ихъ въ измѣненіяхъ.

Слухменный—послушный.
Рахманный—смирный.
* *Лядащій*—негодный.
Работящій—трудолюбивъ.
Грозный—часто вм. сердитый.
* *Дужой*—сильный, дюжій.
* *Важный*—отлично хорошій.
Бравый—тоже.
Гожій—годный.
Студеный—холодный.
* *Гладкій*—сытый.
Грубный—досадный.
Чоклый—мѣрный, четкій.
* *Буйный*—говорится о хлѣбѣ, когда онъ отмѣнно хорошъ.
Родимый—урожайный.
Щадный—худой, негодный.
* *Хвольй*—слабый, хилой.
Дряблый—говорится о несочномъ тѣлѣ и мясѣ.
Прогонистый—рѣдкій, говоря о хлѣбѣ.
Потужный—сильный, говоря о рѣкѣ.
* *Стромкій*—громоздкій.
* *Рясистый* — колосистый (о хлѣбѣ).
* *Кучерявый*—кудравый.
* *Грѣшный*—жалкій, плохой.
* *Сиверкій*—холодный (о вѣтрѣ).
Вешній—весенній.

Княжой—княжескій.
Боярскій—барскій.
Слободный—свободный.
Цвѣтный — свѣжій, яркой, говоря о цвѣтѣ.
Чудной—странный.
Выходный—выгодный; говорится о хлѣбѣ, когда онъ умолотенъ.
Здоровый—огромный.
Могутной—могучій, сильный; также питательный.
* *Карій* вороной.
Облыжный—ложный.
Щитный—защищенный, загражденный.
* *Смачный*—вкусный.
* *Яркій*, жаркій вспыльчивый гнѣвный.
Рѣчистый—разговорчивый.
Ладный—статный, складный.
* *Важкій*—тяжеловѣсный.
Покладистый—сговорчивый.
* *Шпетный*—худой, слабый.
Учливый—учтивый.
Тверезый—трезвый.
Толковый—толковитый.
Умный—разсудительный.
Заживный—зажиточный.
Неумѣлущій—неумѣющій.
* *Дробный*—мелкій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда говорится о глубинѣ.
* *Глыбокій*—глубокій.
Чудовой—чудесный.
Волжкій—влажный, мокрый.
Тяжкій—тяжелый.
Казистый—видный.
* *Лихой*—злой.
Выметный—выброшенный за негодностію.
* *Швыдкій*—быстрый.
Неудалый—неспособный.
Годящій—годный.
Путевой—путный.
Тискій—тяжкій, плачевный.
* *Хмарный*—туманный.

Живописны нѣкоторыя прилагательныя, относящіяся къ мѣстности: *горовaтый; бугроватый; приниэистый; прилужный; песковатый; глиноватый.*

Замѣчательны особенности въ степеняхъ сравнителяхъ: глыбоко-глубе; сладко-сласти, широко-ширше; ловко-ловче.

Приведу въ примѣръ склоненія нѣкоторыхъ именъ прилагательныхъ и въ правописаніи ихъ буду соображаться съ произношеніемъ.

Ед. число.	*Множ. число.*
И. слѣпой	
Р. слѣпаго, слѣпова.	
Д. В. Т. П. } обыкновеннымъ образомъ.	
И. доброй.	И. добраи.
Р. добраго, доброва.	
Д. В. Т. П. } обыкновенно.	Другихъ отличій множественное число не имѣетъ.
И. родная.	
Р. роднэй.	
Д. роднэй.	
В. роднуя	
Т. роднэю.	
Пр. о роднэй	

Мѣстоименіе.

Привожу примѣры различія нѣкоторыхъ мѣстоимѣній и особенности ихъ въ склоненіяхъ.

И. я.	И. ты.	И. іонъ.	И. она.
Р. мене.	Р. табе.	Р. яго и яво.	Р. ее.
	Д. табѣ.	Д. яму.	Д. ей.
В. мене.	В. табе.	В. яго и яво.	В. ее.
	Т. тобою.	Т. іимъ.	Т. ею.
	Пр. объ табѣ.	Пр. объ ёмъ.	Пр. объ ей.

Вмѣсто *себя* говорятъ *сабѣ*.

			Множ. число.
И. тотъ, той.	И. та—тая.	И. то—тое.	И. тыи.
Р. таго, таво.	Р. тэй.		Р. тыхъ.
Д. тому.	Д. тэй.		Д. тымъ.

В. таго, таво.	В. тую, туё, тые.	В. тихъ, тыи.
Т. тымъ.	Т. тэю.	Т. тыми.
Пр. объ тымъ, и объ томъ.	Пр. объ тэй.	Пр. объ тыхъ.

И. хто.	И. што.	Въ мѣстоименіи *весь*, именительный падежъ—*усь*—или *всѣ*.
Р. каво и каго.	Р. чаво, чаго	
Д. } какъ обыкновенно.	Д. чаму.	
В. }	В. —	
Т. }	Т. —	
П. }	П. —	

Глаголъ.

Сначало упомяну о глаголахъ, отличающихся особенностями въ названіи:

* *Балакать*—болтать, разговаривать.
Гуторить—разговаривать.
* *Казать*—сказывать.
* *Голосить*—плакать.
Скакать—плясать.
* *Прядать*—прыгать.
* *Хоронить*—прятать.
Стебать—стегать.
* *Гомонить*—шумѣть.
Ворохнуть—пошевелить.
Рухнуть—тронуть.
Откроить—отрѣзать.
Боронить—остерегать, оберегать.
Пустовать—стоять пустымъ.
Сѣчь—рубить.
Пристигнуть—постигнуть.
* *Утямить*—понять.
Откутать—отворить.
Закутать—затворить.
Поступить—уступить.
* *Палить*—жечь.
Запалить—зажечь.
Уживать—взлюбливать.
* *Важить*—взвѣшивать.
* *Загальмовать*—тормосить.
* *Заклекнуть*—затвердѣть, говоря о землѣ.
Отволгнуть—отсырѣть.
* *Вздужить*—одолѣть.
Залиться—утонуть.
Чествовать—угощать
* *Годовать*—откармливать на убой.
Наразить—надломить.
Пильновать—соревновать.
* *Чуять*—слышать.
Кликать—звать.
Попсовать—испортить.
Порновить—(поноровить) — подождать.

Гребовать—брезгать.
Отчелить—отдѣлить.
Укромить—гладко обрѣзать.
Набрякнуть—налипнуть.
Заколодить—заморозить.
Сошкодить—украсть.
Голдить—шумѣть, бунтовать.

Теперь укажу на отличія въ наклоненіяхъ и спряженіяхъ:

1) Нѣкоторые глаголы въ этомъ нарѣчіи употребляются въ особенныхъ видахъ: *бѣчь* — вм. бѣжать; *грустовать* — грустить; *покладать* — положить; *гостевать* — гостить. — Вмѣсто *сожалѣетъ* иногда говорятъ: *жалкуетъ*.

2) Глаголы, составленные съ частицею *из*, перемѣняютъ ее на *вы*; такъ: *выкупать* — искупать; *вытопить* — истопить.

3) Буква *б* въ третьемъ лицѣ настоящаго и будущаго временъ всегда произносится какъ *в*.

4) Буква *е* во второмъ и третьемъ лицахъ настоящаго и будущаго временъ выговаривается чаще какъ *е*, нежели *ё*; *идешь* и *идяшь*; *идеть* и *идёть*.

5) Характеристическія согласныя *г* и *к*, въ настоящемъ времени, не измѣняются на *ж* и *ч*, но остаются въ первоначальномъ видѣ: *жгешь*, *пекешь* — вм. *жжешь*, *печешь*.

6) Глаголы, кончащіеся на *ыть*, (напр. крыть, рыть), въ настоящемъ времени не перемѣняютъ *ы* на *о*, но удерживаютъ первую букву; *крыю*, *рыю* — а не крою, рою.

7) Глаголъ *хочу* имѣетъ во втор. и трет. лицахъ ед. числа, наст. времени — *хотишь*, *хотить*; а вмѣсто безличнаго *хочется* произносятъ: *хоцца*.

8) Окончаніе прошедшихъ возвратныхъ *лся* перемѣняется на *лси*; напр. *уморилси*.

9) Въ спряженіяхъ этого нарѣчія встрѣчаемъ одно прошедшее время, на которое не обращено вниманія ни въ одной изъ нашихъ Грамматикъ, между тѣмъ какъ, по всей выразительности и живописности, оно заслуживаетъ неоспоримое право гражданства — назову его прошедшимъ внезапнымъ, или мгновеннымъ; напр. *верть* — и ушелъ; *глядь* — и узналъ; нельзя того же выразить такъ сильно обыкновенными нашими однократными: повернулся и ушелъ; взглянулъ — и узналъ.

10) Частицы *у* и *за* въ однократныхъ временахъ часто замѣняютъ частицею *по*: *померъ* — умеръ; *побралъ* — забралъ.

11) Замѣчательны также повелительныя въ нѣкоторыхъ глаголахъ: *глянь* — погляди; *не рушь* — не трогай; *не замай* — тоже.

12) Приведу въ примѣръ особенности въ спряженіи глагола бѣжать (*бѣчи*).

Настоящее время.	*Прошед. неопр.*	*Пр. однокр.*
Я бѣгу.	Я бѣгъ.	Я побѣгъ
Ты бѣгищь *		
Онъ бѣгить	и т. д.	и т. д.
Мы бѣгимъ.		
Вы бѣгите.		
Они бѣгуть.		

Пр. * О произношеніи этихъ словъ я замѣтилъ въ началѣ статьи, говоря вообще объ отличительныхъ свойствахъ Курскаго нарѣчія.

Нарѣчіе.

Дюже, дуже — очень; напр. *земля дуже суха*; *добре* — слишкомъ, *не добре хорошо*; *будя* — довольно; *годя* — тоже; *даромъ* — напрасно; *пущай* — пусть. *Помалу* — понемногу; *надобить* — надобно; *сусѣмъ* — совсѣмъ; *нѣтути* — нѣтъ; *ни въ жисть* — ничего; *ужасть* — ужасно; *тиско* — больно, горько; *перва* — прежде; *пережъ* — тоже; *студено* — холодно; *сиверко* — тоже; *порновя* — погодя; *недоѣзжа* — недоѣзжая; *ажъ* — даже; *ажно* — тоже; *дурно, пусто* — напрасно; *грубно* — обидно, досадно; *огуломъ* (гуртомъ); *инуды* — въ иное мѣсто; *коли* — когда; *николи* — никогда; *тады* — тогда; *притаманно* — подлинно, вѣрно; *двойчь* — два раза; *тройчь* — три раза; *вдвойнѣ* — вдвое; *нахрапомъ* — насильно; *чутно* — слышно; *зарязъ* — тотчасъ; *облыжно* — ложно; *наущалкъ* — говоря о хлѣбѣ, выбитомъ градомъ, т. е. дочиста; *не въ притямъ* — не въ домекъ; *лѣтась* — прошедшаго года; *позалѣтась* — третьяго года.

Предлогъ.

1) Вмѣсто *въ* всегда употребляютъ *у*.

2) Предлогъ *по* никогда не управляетъ дательнымъ падежемъ, но всегда предложнымъ, или винительнымъ; напр. *по лугахъ* — по лугамъ; *по воду, по грибы* — за водой, за грибами.

3) *Оба — полы*, вышедшій изъ употребленія въ нашемъ книжномъ языкѣ, ставится вм. *около, по обѣ стороны;* напр. *оба — полы села.*

4) *Опричь* — вмѣсто *кромѣ*.

5) *Длѣ* — въ смыслѣ подлѣ.

Союзъ.

1) *Абы* — *чтобы*, *лишь бы*.

2) *Либо* (вм. или); рѣченіе *либо что* произносится слитно: *либошто*.

3) *Коли* — если.

4) Частица *бо*, произносимая *ба*, употребляется не въ смыслѣ *ибо*, но вм. частицы *же*; напр. *да ну бо* — да ну же.

5) Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ частицу *су* въ знакъ вѣжливости, разговаривая съ высшими лицами.

Въ заключеніе замѣчу нѣкоторые обороты, подслушанные мною у народа.

1) *Поѣду въ Хохлы* — поѣду къ Хохламъ.

2) *Подымать праздникъ* — торжествовать праздникъ.

3) *Смѣяться съ чего* — смѣяться надъ чѣмъ.

4) *Хлѣбъ травою взялся* — хлѣбъ одолѣло травой.

5) *Взвидь Господи!* — (воззри Господи!), говоритъ оклеветанный, когда желаетъ оправдаться.

6) *Пѣсни играть*, *сказывать* и *кричать* — не относится ли это къ различнымъ родамъ пѣсенъ?

7) *Въ карты гулять* — играть въ карты.

8) *Хмѣльнаго не уживаю* — хмѣльнаго не употребляю.

9) *Лапокъ на топоръ* — способенъ къ плотничьей работѣ.

Оканчивая мои замѣтки, я желалъ бы, чтобы наши ученые обратили вниманіе на *Курское* нарѣчіе, и указали ему мѣсто въ ряду другихъ нарѣчій нашего великаго языка.

Васьяновъ.

IV. АНЕКДОТЪ О СУВОРОВѢ. Суворовъ ѣхалъ на перекладной по дорогѣ изъ Николаева въ Херсонъ. Съ нимъ былъ Курисъ, служившій въ его канцеляріи. На полъ-станціи встрѣтился имъ мчавшійся на тройкѣ курьеръ. Извощикъ Суворова, зная кого онъ везетъ, не хотѣлъ своротить съ дороги. Раздраженный курьеръ привсталъ и ударилъ Суворова нагайкою, сочтя его за простаго проѣзжаго. Суворовъ пригнулся и, обратившись къ Курису, сказалъ: «Молчи, Иванъ Онуфріевичь, курьеръ великій человѣкъ.»

V. О ВАКУФАХЪ ВЪ КРЫМУ. Вакуфами называются отказы умирающихъ магометанъ, для спасенія ихъ души, въ пользу мечети, т. е. духовныхъ причетниковъ, за чтеніе молитвъ надъ могилою умершихъ, въ пользу училищъ, для раздачи бѣднымъ или отправляющимся въ Мекку. Отказы эти

заключаются или въ наличныхъ деньгахъ, или вещахъ, или же въ домахъ, лавкахъ и участкахъ земли, доходы съ которыхъ употребляются по назначенію. Послѣднее болѣе обще и нынѣ въ Крыму нѣтъ почти ни одной, даже весьма посредственной дачи, гдѣ бы не имѣлось вакуфовъ, которые иногда заключаются въ нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ, а на южномъ берегу даже въ одномъ орѣховомъ и даже яблоновомъ или грушевомъ деревѣ, что поставляетъ владѣльцевъ и въ особенности Русскихъ, въ непріятное положеніе и въ безпрестанные почти споры, потому что значительная часть вакуфовъ бездокументальна и едва ли не есть выдумка причетниковъ мѣстныхъ мечетей. Впрочемъ оканчиваемое уже нынѣ въ Крыму генеральное межеваніе разбираетъ право каждой стороны и положитъ конецъ таковымъ спорамъ. Самой большой вакуфъ есть — Улукульскій, при дер. Улукулъ, близь Бахчисарая, отказанный однимъ изъ Хановъ и заключающій въ себѣ до 4,000 десятинъ земли. Почти всѣ доходы съ него назначены въ пользу Бахчисарайскаго медресе или высшаго училища: отказываемыя деньги, равно вещи, обращаемыя также въ деньги, отдавались въ частныя руки, безъ всякихъ залоговъ, на установленныя для этого Татарскими обычаями проценты, по 11½ на 100. Сумма вакуфскихъ денегъ, по собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ, простирается болѣе 300, 556 р. 16 к. и 1550 Турецкихъ грушовъ. Доходы съ земель и проценты съ денегъ собирались и обращались по назначенію особо назначаемыми

метувеліями (душеприкащиками), которые оставляли себѣ за труды десятую долю. Такъ какъ отказы переходили изъ рода въ родъ, то по смерти назначеннаго умиравшимъ метувелія, избирался другой изъ людей, извѣстныхъ хорошимъ поведеніемъ, и преимущественно изъ сыновей умершаго метувелія, если были взрослые. Но какъ метувеліи, пользуясь правомъ распоряжать вакуфовыми землями, извѣстными въ Крыму собственно подъ именемъ Вакуфовъ, могли допускать несправедливости; то предпочтено главнѣйшія изъ Вакуфовъ отдавать съ публичныхъ торговъ въ откупное содержаніе и собираемыя деньги раздавать по назначенію; чѣмъ и распоряжается Таврическое Магометанское Духовное Правленіе. Что же относится до денегъ, то, по распоряженію Высшаго Начальства, предположено ихъ собрать и отдать на проценты въ Государственныя кредитивныя установленія. Къ исполненію этого хотя Духовное Правленіе и приступило, но съ 1835 г. собрало самую незначительную часть, и большая часть должниковъ оказывается до того неблагонадежною, что даже не въ состояніи уплачивать процентовъ, не говоря уже о капиталѣ.

А У. — цъ.

Одесса.

VI. ДОСТОПАМЯТНОСТИ Г. НОВАГО ОСКОЛА.

Новый Осколъ, уѣздный городъ Курской губерніи, расположенъ на лѣвой сторонѣ рѣки Оскола, на низменномъ и песчаномъ мѣстѣ. У самаго города впадаетъ въ Осколъ рѣчка Бѣлый Колодезъ.

Начало его основанія полагаютъ въ 1622 году, т. е. за 218 лѣтъ до нашего времени. Прежде сего онъ назывался Царевымъ-Алексѣевымъ, и вѣроятно не вновь построенъ, а переименованъ въ городъ изъ села или слободы, основанной на этомъ мѣстѣ еще до 1622 года. Въ которое же время названъ Новымъ Осколомъ, въ соотвѣтствіе съ старымъ, точныхъ свѣденій нѣтъ; но вѣроятно въ 1656 году, потому что въ этотъ годъ полагаютъ иные начало его построенія.

Въ свѣденіи Новооскольскаго Благочиннаго Протоіерея Дмитрія Воинова въ 1811 году въ Курскую консисторію, подтвержденномъ Городничимъ Бибиковымъ и нѣсколькими жителями города, сказано о Новомъ Осколѣ, что онъ былъ нѣкогда знаменитъ и обширенъ. Въ немъ было 18 церквей, два монастыря, 17,000 жителей и дворецъ Государя Алексѣя Михайловича, построенный на полуостровѣ. Все его войско находилось здѣсь-же въ городѣ, отъ чего и доселѣ называются въ немъ слободы: Стрѣлецкою, Пушкарскою и проч. Близъ царскаго дворца у полуострова была пристань, и по рѣкѣ Осколу производилось судоходство, отъ котораго жители богатѣли.

Но, подвергавшись частымъ нападеніямъ Крымскихъ Татаръ, и наконецъ, совершенно истребленный ими городъ пришелъ въ запустѣніе, жители разошлись по разнымъ мѣстамъ и населили новыя слободы: Слоновку, Булановку, Волотову, Тростенецъ, Саронкино и часть Бѣломѣстнаго.

Иные-же вышли въ другіе уѣзды. Замѣчательно, какъ сказано въ свѣденіи Протоіерея Воинова, что переселившись въ другіе уѣзды и во всѣ наименованныя селенія, жители *перенесли туда изъ оставленнаго города церкви.*

«Во время пребыванія своего въ Осколѣ Государь Алексѣй Михайловичъ, какъ сказано въ томъ-же отношеніи, пожаловалъ золотой крестъ въ соборную Успѣнскую церковь съ 32 мощами, подцерковной писцовой земли 140 четвертей соборной церкви, прочимъ-же церквамъ по 20 четвертей, что видно изъ записей, хранящихся въ уѣздномъ судѣ; да еще симъ же Государемъ подаренъ небольшой колоколъ въ церковь, который и по сіе время находится въ цѣлости. Когда же означенная соборная Успѣнская церковь по прошествіи нѣкотораго времени сгорѣла, то и выше упомянутый жалованный Государемъ золотой крестъ сгорѣлъ, о каковомъ несчастномъ случаѣ, воевода сего города, Иванъ Скрипицынъ, рапортовалъ въ Москву Государямъ Царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и по поводу сему, думать должно, прислали Государи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, Царевна Софья Алексѣевна, вмѣсто того золотаго, другой серебрянный, позлащенный, превосходной работы, съ чеканью и уже съ 16 мощами святыхъ, великихъ угодниковъ Божіихъ, въ вышеозначенную соборную церковь, который и теперь находится во всякой цѣлости и честности. Присланъ же онъ изъ Москвы съ *Стольникомъ* и Полковникомъ Московскихъ стрѣльцовъ

съ Герасимомъ Нелидовымъ, до Бѣлъ-города къ Митрополиту Авраамію; а изъ Бѣлъ-города, до Новаго-Оскола провождаемъ былъ Архимандритомъ со священниками и діаконами, въ которомъ городѣ, по Высочайшему повелѣнію, предписано было Воеводѣ встрѣтить его съ духовенствомъ и со всѣми гражданами, съ крестнымъ ходомъ, за городомъ, гдѣ прилично, что все и явствуетъ изъ данной грамоты сими же Государями на животворящій крестъ Господень, которая грамота, по вступленіи въ должность Протоіерея Воинова въ означенную соборную церковь, отыскана въ Архивѣ городническаго правленія, и прислана господиномъ Городничимъ Бибиковымъ, при сообщеніи, къ Благочинному Протоіерею Воинову для храненія въ соборной ризницѣ, гдѣ она теперь и хранится, въ нарочно устроенномъ ящикѣ. Вотъ и самая грамота:

«Божіею милостію мы Великіе Государи, Цари и Великіе Князья, Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, указали послать въ Новой-Осколъ въ соборную церковь Успѣнія пресвятыя Богородицы, съ Москвы, изъ разряду, животворящій крестъ Господень съ мощами.»

«Въ ковчегѣ до Бѣлъ-города съ Стольникомъ нашимъ и Полковникомъ Московскихъ стрѣльцовъ съ Герасимомъ Нелидовымъ, а съ Бѣлъ-города Преосвященному Авраамію Митрополиту Бѣлъ-городскому и Обоянскому велѣно тотъ животворящій крестъ Господень отпустить въ Новый Осколъ, и духовнаго чину, съ

кѣмъ пригоже: какъ и тебѣ сія нашихъ Великихъ Государей грамота придетъ, а Преосвященный Авраамій Митрополитъ изъ Бѣлъ-города животворящій крестъ Господень въ Новый-Осколъ пришлетъ, и ты бы въ Новомъ-Осколѣ сказалъ Игумену, и соборной церкви Протопопу, и приходскихъ всѣхъ церквей священникамъ и дьяконамъ, и всѣмъ духовнаго и церковнаго чину людямъ, и Ново-Оскольцамъ, дѣтямъ боярскимъ и великихъ чиновъ, и градскимъ жителямъ, чтобъ они, Игуменъ и Протопопъ, и священницы, и дьяконы, и духовнаго чину и церковные причетники, всѣ на встрѣчу животворящаго креста Господня шли съ честными кресты и со святыми иконами, и учинили тому кресту встрѣчу за посадомъ, гдѣ пригоже. И какъ Игуменъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, для встрѣчи, на указное мѣсто пойдутъ, и ты-бъ шолъ за животворящими кресты и за святыми иконы, а съ собою велѣли быть Ново-Оскольскимъ жителямъ всѣхъ чиновъ, всѣмъ съ женами и дѣтьми, и какъ къ животворящему кресту придете, и тыбъ тотъ честный крестъ у присланнаго изъ Бѣлъ-города велѣлъ принять Игумену и Протопопу, и нести до соборной церкви съ молебствіемъ и пѣніемъ, а въ соборной церкви велѣлъ Игумену со священнымъ соборомъ пѣти молебенъ честному и животворящему кресту и пречистой Богоматери пресвятой Богородицѣ, и Великому Архистратигу Михаилу, и прочимъ небеснымъ силамъ, и святому Великому Пророку и Предтечи Крестителю Господню Іоанну, и святымъ Верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу, и

прочимъ Апостоламъ и Великому чудотворцу Николаю, и Великимъ Святителямъ Московскимъ чудотворцамъ, и всѣмъ святымъ, и по освященіи святою водою велѣлъ всякихъ чиновъ съ города и по городу народъ и всякіе крѣпости крапить. А по совершеніи всего того дѣйствія, велѣлъ тотъ животворящій крестъ устроить въ соборной церкви противъ мѣстнаго образа на особомъ налоѣ, со украшеніемъ; и соборныя церкви Протопопу и братьею приказалъ къ тому животворящему кресту Господню держать береженье большое, чтобы тотъ животворящій крестъ былъ со всѣмъ всегда въ цѣлости. А каковъ тотъ крестъ, кіотъ и чѣмъ прикрытъ и обитъ, и тому подъ сею нашею Великихъ Государей грамотою роспись, съ Діячьею приписью. А въ которомъ числѣ животворящій крестъ Господень изъ Бѣлъ-города въ Новой Осколъ присланъ, а какова встрѣча учинена, и какихъ чиновъ люди на встрѣчи будутъ, и то все въ Новомъ Осколѣ въ Приказной Избѣ, велѣлъ записать въ записную книгу о всемъ подлинно, порознь, по статьямъ впредъ для вѣдома Воеводамъ, и приказнымъ, и градскимъ всякихъ чиновъ людямъ. А сію нашу Великихъ Государей грамоту у росписки кто на твое мѣсто въ Новой Осколъ присланъ будетъ, отдалъ именно, чтобъ сія наша Великихъ Государей грамота всегда была въ цѣлости, и устроить на нее ящикъ особъ; и держать за своею печатью. Да о томъ къ намъ Великимъ Государямъ писалъ о всемъ вышеписанномъ потомужъ подлинно, а отписку велѣлъ подать въ Разрядъ, думному нашему Дьяку Василію

Григорьевичу Семенову, съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1195-го Мая въ 18 день.

За симъ слѣдуетъ описаніе самаго креста: «Въ нынѣшнемъ 195 году, Генваря въ 25 числѣ, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни Благовѣрныя Царевны, и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, по памяти изъ Приказу Серебреныхъ дѣлъ, за приписью Дьяка Неѳеда Кормилицина, присланъ въ Рязрядъ для посылки, и изъ Разряду посланъ въ Новой Осколъ, въ соборную церковь Успѣнія Пресвятыя Богородицы, животворящій крестъ Господень серебряной, позолоченъ, чеканой, съ рѣзью. Вѣсу въ немъ фунтъ 41 золотникъ; на томъ крестѣ распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и выше распятія Херувимъ и Серафимъ да два Ангела.»

«Да при крестѣ, съ правыя стороны распятія образъ Пресвятыя Богородицы, да Маріи Магдалины. А съ лѣвой стороны Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, да Логинъ сотникъ, и въ подножіи креста глава Адамія, литые чеканные, съ рѣзью. А въ томъ крестѣ мощи святыхъ Пророка Даніила, Евангелиста Марка, Апостола Варнавы, Богоматери Анны, Архидіакона Стефана, Царя Константина, *Великомучениковъ* Георгія, Меркурія, Пантелимона, Артемія, Прокопія, мучениковъ Іакова, Анастасія, Перскихъ *Преподобныхъ*, Михаила Малелена, Іоанна Дамаскина, Пилона Великаго.»

«Да къ тому кресту сдѣланъ ковчегъ деревянный съ затворомъ и обитъ съ верху бархатомъ чернымъ, а внутрѣ атласомъ желтымъ, на ковчегѣ и на затворѣ двѣ петли и гвоздя, да крюкъ съ пробоемъ серебреные.»

«На томъ крестѣ подпись такова: повелѣніемъ Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, сей животворящій крестъ Господень сдѣланъ въ Серебреной палатѣ, въ соборную церковь Успѣнія Пресвятыя Богородицы, что въ Новомъ-Осколѣ, лѣта 7194 года.»

По исполненіи царской воли, Ново-Оскольскій Воевода донесъ о всемъ подробно и написалъ какъ самъ онъ выразился: *подлинно, порозно, по статьямъ.*

«Есть и еще нѣкоторыя достопамятности въ ономъ городѣ существующія со временъ Царя Алексѣя Михайловича, какъ то: рѣпейки, кои бросали подъ воинство подъ пѣхоту и конницу пули желѣзныя чрезвычайной толщины, канаты и другія вещи къ древнимъ орудіямъ принадлежащія, кои всѣ хранятся подъ вѣдѣніемъ Городническаго правленія. Былъ еще набатный колоколъ, съ золотою надписью, который по открытіи Курскаго намѣстничества взятъ въ казенную Палату. Былъ еще Арсеналъ, со всѣми принадлежностями, снарядами, современными Государю Алексѣю Михайловичу. Въ разсужденіи чудотворныя святыя иконы Божіи Матери Казанскія,

которая стоитъ теперь въ церкви слободы На-Холкѣ, новооскольской округи историческое описаніе, затрачено ли оно или совсѣмъ не было его—неизвѣстно. По преданію повѣствуютъ, что сія чудотворна святая икона Божіей Матери Казанскія, стояла въ городѣ Новомъ Осколѣ, въ бывшемъ Царевѣ Алексѣевѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, на пнѣ дубовомъ при колодезѣ, который пень очень долго существовалъ, и изъ подъ коего пня чудеснымъ образомъ пошла вода. И уже въ недавнее былъ сей колодезь такъ, что многіе его изъ теперешнихъ жителей помнять; но небреженіемъ жителей обвалился. И такъ, когда было чудо отъ святаго образа сего, то сей образъ Божіей Матери Казанскія, по совершеніи соборнаго молебствія, былъ поставленъ въ семъ же монастырѣ въ церкви Преображенія Господня; но какъ монастырь оной былъ уничтоженъ, то и образъ Божія Матери Казанскія перенесли въ соборную Успѣнскую церковь сего города, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ стоялъ. Послѣ сего времени былъ опредѣленъ къ соборной церкви Протоіерей Іоаннъ Курдюмовъ, кой по вдовству своему пошелъ въ монашеское званіе, и произведенъ былъ въ Холковъ монастырь Игуменомъ, и первымъ членомъ въ Ново-Оскольскомъ духовномъ правленіи. Такъ онъ Курдюмовъ, нарѣченный въ монашескомъ званіи Иларіонъ, по силѣ духовной особы въ семъ округѣ, перенесъ святую икону Божіей Матери Казанскія изъ соборной Новооскольской церкви въ Холковъ монастырь, безъ резона и безъ всякой бумаги. Когда же онъ ее въ первый разъ

понесъ, какъ сказываютъ, то она опять явилась въ городѣ; но когда въ другой разъ понесъ, — былъ день ясный и погожій, а только что вынесли изъ соборной церкви, то вдругъ небо здѣлалось мрачнымъ, и въ воздухѣ чрезвычайный туманъ съ ужасною бурею, даже стало темно; послѣ сего пустился проливной дождь и какъ скоро начали подходить къ мѣсту чрезъ рѣку Бѣленькую лежащему, сдѣлалась въ одно мгновеніе вода поколѣно, даже и идтить невозможно было чрезъ мостъ; но всѣ продолжали свой путь; потомъ такъ весь мостъ задрожалъ, что всѣ шедшіе остановились и нѣкоторые изъ нихъ попадали на колѣни. Послѣ чего продолжали молебствіе часовъ нѣсколько и обѣщались носить каждогодно въ городъ Божію Матерь, и такимъ образомъ понесли благополучно въ Холковъ монастырь, гдѣ съ того времени сей святый образъ Божіей Матери Казанскія и остался. Напослѣдокъ сей монастырь Холковскій уничтожился, то въ слободкѣ монастырской сдѣлалось селеніе и сія монастырская церковь осталась приходскою, которая и по днесь существуетъ. О чѣмъ всемъ свидѣтельство, по указу Курской духовной Консисторіи, отъ священно и церковныхъ служителей и гражданъ и крестьянъ, и Дворянъ въ оную Консисторію симъ представляется. 1811 года Ноября 30 дня.

VII. ПРОСТАНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ.

Большая часть простанародныхъ лекарствъ состоитъ въ травахъ:

Вероника — пьютъ отъ простуды и остановки очищенiй. Въ послѣднемъ случаѣ ставятъ ноги въ ванну изъ вероники, шалфея, мяты и богородской травы.

Конскiй щавель — на корняхъ его настаиваютъ простое вино и примачиваютъ имъ лишаи. Вообще пьютъ, какъ декохтъ отъ нечистотъ на тѣлѣ.

Полынь — пьютъ отъ лохорадки.

Материнка — употребляется вмѣсто чая противъ грудной боли и недостатока очищенiя. Изъ нее же дѣлаютъ и ванны.

Подорожникъ — прикладываютъ къ нарывамъ.

Чабрецъ — варятъ и моютъ голову если она болитъ.

Заячья капуста — сѣмена ея кладутъ въ чай Божьяго дерева и пьютъ по утрамъ отъ глистовъ.

Болиголовъ и *мати-мачиха* — смѣшанная пополамъ съ прибавленiемъ мяты—пьютъ противъ грудницы. Къ грудямъ же прикладываютъ охлопья обкуренныя ладономъ.

Въ этомъ же случаѣ прикладываютъ тертую *морковь* съ сливками и листья толченой *лебеды*. Если же грудница съ нарывомъ, то прикладываютъ тѣсто изъ льняныхъ семянъ на молокѣ и медѣ.

Сокъ изъ сѣмянъ: *огуречныхъ*, *конопляныхъ*, *цикорныхъ*, *просфирковыхъ* или *льняныхъ*, а еще лучше изъ сѣмянъ травы *остро-пестро* — пьютъ съ медомъ отъ колотья въ груди.

Отъ заваловъ дѣлаютъ ванны изъ травъ: *ромашки*, *душицы*, *бархатцовъ*, *бѣлой буковицы*, *золототысячника*, *богуна*, *чернобыльника*, *Божьяго дерева*,

шандры, *маточной травы*, *чадра* и корокъ ясеневой, вязовой и калиновой. Внутрь употребляютъ сокъ *мати-мачихи* или одуванчиковъ.

Для послабленія употребляютъ въ небольшомъ количествѣ порошокъ изъ второй или зеленой плевы съ деревъ *черемхи* или *бузины*, если эта плева была наскоблена съ дерева *сверху внизъ*. Если же наскоблена *снизу вверхъ*, то употребляется какъ рвотное. Скоблятъ ее на Ивановъ день, когда всѣ растѣнія въ полномъ развитіи жизни.

В П.

VIII. ПРЕДѢЛЫ РОССІИ. Россія простирается, по прямой линіи отъ запада къ востоку, слишкомъ на 20000 верстъ, отъ 16º долготы по Парижскому мередіану до 225; и отъ 38 градуса на южной границѣ дольдовъ полюсныхъ. Единство и цѣлость владѣній, непрерывность и естественность — вотъ главный характеръ границъ Россіи: океаны, моря, хребты горъ, степи вотъ рубежи ея.

Изъ двухъ огромнѣйшихъ, въ наше время Державъ: *Китая*, съ полуподвластными землями, и Англіи, этаго не обыкновеннаго сцѣпленія колоній во всѣхъ частяхъ свѣта, — первый не много болѣе только *половины* Россіи, а вторая менѣе *двухъ третей* ея.

Двѣ части свѣта: Европа и Океанія или Австралія — улягутся на пространствѣ Россіи и даже не займутъ всего ея пространства.

Изъ 117,000,000 квадратныхъ верстъ всей земной тверди, одна Россія занимаетъ шестую часть.

Много разныхъ племенъ съ отличительными характерами, наклонностями, природнымъ направленіемъ ума и чувствъ, со всѣмъ разнообразіемъ средствъ къ жизни — составляютъ огромную массу населенія, болѣе или менѣе проникнутую единствомъ движенія и гражданскаго устройства. Это колосальный разсадникъ силъ и способностей, дополняющихъ взаимныя силы и способности; семья родныхъ и пріемныхъ братьевъ; лѣствица гражданскаго развитія—отъ идолопоклонника дикаря, до сословія высшаго образованія; колыбель будущей дѣятельности и судьбы Европы и человѣчества; житница въ которой главное зерно—*Славянское племя* — самобытное по характеру, вѣрованію и возрѣнію на міръ, — зерно въ которомъ храниться жизнь, цвѣтъ и плодъ, и есть гдѣ разрастись этому древу и разкинуть свои вѣтви и снова бросить сѣмена жизни.

Не даромъ Петръ Великій называлъ Россію цѣлою частію свѣта.

Конецъ четвертой книги.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. КАРЛЪ XII.

1. Датскій Король хотѣлъ идти на помощь Копенгагену; но Карлъ XII обѣщалъ разорить столицу, если Фридрихъ IV не приступитъ къ миру на умѣренныхъ условіяхъ. (Бутурлина В. И. П. Р. т. 1).

2. И Швеція была увѣрена въ безопасности со стороны Россіи: 1) Петръ I согласился подтвердить всѣ статьи прежняго трактата, съ условіемъ чтобъ сдѣлали ему удовлетвореніе за обиду Русскому Посольству въ Ригѣ въ 1679 году и сверхъ того уступили ему Нарву или Нейшанецъ съ окрестностями для учрежденія торговаго порта — обѣщая за это сдѣлать должное удовлетвореніе Швеціи (Голик. час. 1. стр. 351. 352). и 2) Происки Швеціи и доносы Крымскаго Хана имѣли вліянія на Порту отоманскую, такъ что великій Визирь былъ смѣненъ въ 1700 году за старанія заключить миръ съ Россіею. И только усиліями посла Возницына при содѣйствіи Англіи и Голандіи заключили миръ въ Іюлѣ 1700 года на 30 лѣтъ (Голик. част. 1. стр. 16. 17.)

3. Карлъ, занявшись пустыми переговорами съ Польшею, остался въ бездѣйствіи. Конечно, благоразумнѣе было бы даровать миръ Королю Августу, и потомъ всѣ силы свои немедленно обратить противу Россіянъ. Но если Король Шведскій хотѣлъ непремѣнно лишить престола Августа, то долженъ былъ разсудить, что сего скорѣе можно было достигнуть силою оружія, нежели происками, чрезъ которые онъ потерялъ плоды всего

похода. Еслибъ вмѣсто того, чтобы употребить болѣе пяти мѣсяцевъ на прогулки въ Курляндіи, и потомъ наѣздничать въ Самогиціи, Карлъ XII тотчасъ воспользовался отступленіемъ Фельдмаршала Штейнау и вторгнулся въ Польшу, оставшуюся безъ всякаго прикрытія, то могъ бы безпрепятственно достигнуть Варшавы и созвать Сеймъ, который по приказанію его вручилъ бы скиптръ тому, кого угодно было ему назначить. Между тѣмъ, какъ сей новый совмѣстникъ занималъ бы Августа, Король Шведскій могъ бы обратиться на Россіянъ, не давая имъ времени укрѣпиться. Но чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, нужна была дѣятельность; напротивъ того Карлъ XII оказалъ безпечность, которая, кажется не сродна была пылкому его нраву.

4. Исключая потерь отъ похода, сраженія при Ригѣ и при осадѣ крѣпостей занятыхъ Саксонцами въ Курляндіи, Шведская армія была ослаблена гарнизонами, занявшими: Баухъ, Либау и Митаву. (Б. т. 1).

5. И если бы онъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, оставался въ Литвѣ, то въ началѣ Октября, получивши изъ Швеціи рекрутъ, 4 бат. пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи, могъ-бы идти къ Варшавѣ (Б. т. 1. 98). Да и въ 1702 году Карлъ XII не болѣе имѣлъ силъ, предпринявши занятіе Варшавы. Между тѣмъ какъ противникъ его былъ уже сильнѣе. Въ сраженіи при Клишовѣ вся Шведская армія состояла изъ 12 т.

6. Когда Королева Шведская Христина отказалась отъ престола, въ пользу двоюроднаго брата своего Принца Цвейбрикскаго, принявшаго имя Карла X; Король Польскій, не взирая на слабость способовъ своихъ, а помышляя только о сохраненіи мнимыхъ правъ, которыя думалъ имѣть на корону Шведскую, явно противился возшествію на престолъ сего Государя. Таковый неосновательный поступокъ раздражилъ Карла X, который и рѣшился вторгнуться въ Польшу. Выступивъ изъ Помераніи съ значительною арміею, онъ вошелъ въ Польшу и овладѣлъ городами Познанью, Варшавою, Красовымъ и всѣми Польскими областями на лѣвомъ берегу рѣки Вислы. Одинъ только городъ Гданскъ (Данцигъ) сопротивлялся Шведамъ. Въ тоже время, другая Шведская армія, подъ начальствомъ Графа Магнуса-де-ла-Гарди, выступившая изъ Лифляндіи, овладѣла Динабургомъ, переправилась чрезъ Двину рѣку и заняла Бриславль. Іоаннъ

Казимиръ, утѣсненный столькими непріятелями, принужденъ былъ, оставить королевство свое, искать убѣжища въ Силизіи, въ городѣ Оппельнѣ. Польскія войска, оставленныя Королемъ своимъ, покорились Карлу X; примѣру сему послѣдовалъ почти весь народъ, и Король Шведскій безъ труда взошелъ на престолъ, съ коего свергнулъ противника своего.

7. Уѣзжая изъ Варшавы, Король Августъ обнародовалъ посполитое рушенье (всеобщее вооруженіе дворянства), которое должно было собраться съ 12 Маія въ Львовъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ и для коронной арміи, которую Великій Маршалъ Польскій Любомірскій старался вновь устроить, но по безпорядку ея содержанія, въ ней едвали было 12 т. и худо вооруженныхъ и неустроенныхъ солдатъ. (Б. т. 1. 127).

8. Бутуулинъ говоритъ: что «Король Шведскій захвативъ Польшу врасплохъ, покорилъ бы все королевство, еслибъ умѣя пользоваться первымъ впечатлѣніемъ ужаса, объявшаго Поляковъ, пошелъ прямо на Августа, или по крайней мѣрѣ утвердился въ королевствѣ. Въ сіе время, безъ всякаго сомнѣнія легко бы могъ онъ овладѣть укрѣпленными городами: Замосцемъ, Торунемъ и проч., и такимъ образомъ употребилъ бы въ пользу свою цѣлый мѣсяцъ, столь не кстати въ бездѣйствіи имъ проведенный въ Варшавѣ, гдѣ поджидалъ Г. Мернера съ 1200 человѣками, котораго надлежало взять съ собою, и не оставлять назади. Такая медленность дала Августу время опомниться и подкрѣпиться. Чтобъ возстановить дѣла свои, Карлъ принужденъ былъ дать сраженіе при Клишовѣ; но непонятнымъ пребываніемъ своимъ въ Краковѣ и сію побѣду сдѣлалъ для себя безполезною. Еслибъ онъ быстро преслѣдовалъ Августа къ Сендомиру и Люблину, то Саксонцы непремѣнно были бы изгнаны изъ Польши, и прежде окончанія года Карлъ могъ бы по волѣ располагать престоломъ своего непріятеля. (Б. т. 1. 158, 9). Его остановка въ Краковѣ не можетъ быть оправдана болѣзнью. Онъ разшибъ себѣ ногу уже въ послѣдствіи, во время своего замѣдленія въ Кракова.

9. Бутурлинъ говоритъ: «силы, коими Карлъ XII располагать могъ, были болѣе, нежели вдвое превосходнѣе тѣхъ, которыя Король Августъ могъ ему противупоставить. И такъ, если бы Король Шведскій, вмѣсто того, чтобы въ продолженіе цѣлаго лѣта смотрѣть на валы Торуня, быстро пошелъ противъ слабыхъ не-

пріятелей своихъ, то легко бы могъ, или совершенно истребить ихъ, еслибъ они осмѣлились вступить съ нимъ въ сраженіе, или совсѣмъ выгнать изъ Польши, въ случаѣ, когда бы отступили при его приближеніи. Какъ одно, такъ и другое изъ сихъ послѣдствій было бы несравненно важнѣе, чѣмъ взятіе Торуня, который во всякомъ случаѣ неизбѣжно долженствовалъ сдѣлаться добычею побѣдителей. Можетъ быть скажутъ, что Король Шведскій не долженъ былъ упускать лучшую пѣхоту Короля Августа, которая чрезъ овладѣніе Торунемъ доставалась въ руки его. Не отвергая сего мнѣнія, мы думаемъ однакожъ, что силы Карла XII достаточны были для дѣйствія противъ Вишневецкаго, не оставляя вовсе предпріятія своего на Торунь. Притянувъ къ себѣ Рейншильда, Карлъ могъ собрать армію около 28,000 человѣкъ; 10,000 человѣкъ было болѣе нежели достаточно, чтобъ продолжать облежаніе крѣпости, а съ остальными 18,000, Карлъ могъ неослабно преслѣдовать Вишневецкаго, у коего было только 13,000 человѣкъ, и то большею частію весьма худыхъ войскъ. Разсѣявъ сію армію, и такимъ образомъ овладѣвъ всею Польшею, Карлъ могъ еще во время возвратиться, для начатія осады Торуня, когда прибыла туда его артиллерія. Впрочемъ легко примѣтить можно, что Карлъ занимался всегда успѣхомъ только частныхъ предпріятій и постоянно упускалъ изъ виду общую связь дѣйствій; а отъ сего и происходило, что успѣхи, столь часто имъ одерживаемые, никогда не имѣли рѣшительнаго вліянія на общій ходъ войны.

10. Главныя силы Русской арміи были расположены около Гродно и Тикочина, кавалерія распространялась до Пулауска. Литовцы уже стояли около Ковка. Козаки Мазепы отъ 25 до 30 находились близь Львова, коронная армія оставшаяся на сторонѣ Августа между Львовымъ и Краковымъ. Бауръ съ 6 драгунскими полками находился въ Курляндіи.

11. 12 т. Было достаточно для удержанія Польши, Русскіе еще не имѣли средствъ значительно поддерживать Августа и притомъ всѣ желанія Петра I были устремлены къ овладѣнію Ингерманландіею; въ Сентябрѣ всѣ Рускія силы были стянуты у Шлисельбурга отъ Польскихъ войскъ, онъ не могъ ожидать сопротивленія. Они постыднымъ бѣгствомъ при первой атакѣ Шведовъ, ослабляли мужество своихъ союзниковъ. Августъ испыталъ это при Клишовѣ, и только такого роду дѣйствія Поляковъ бы

ли неслучайные, а постоянно повторялись во всѣхъ дѣлахъ — при Салатахъ, при Якобштадѣ, при Калишѣ.

12. Какая причина могла заставить его, продержать войски свои на зимнихъ квартирахъ до Іюля мѣсяца? Подкрѣпленіе имъ ожидаемыя, могли присоединиться къ нему въ теченіи самаго похода; да онъ и не имѣлъ нужды въ нихъ для уничтоженія слабаго корпуса войскъ, съ которымъ Августъ оспоривалъ владычество надъ Польшею. (Б. т. 1).

13. 18 т. Шведовъ слишкомъ достаточно было для противудѣйствія Русскимъ въ Польшѣ, которые не могли двинуть всѣхъ силъ не превышавшихъ 23 т.

14. Въ 1703 Шереметевъ опустошилъ $\frac{3}{4}$ Лифляндіи и Естляндіи. Города Вейсенбергъ, Вейсенштейнъ, Оберъ Паленъ, Фелинъ, Каркусъ, Вольмаръ, Венденъ, Ментценъ, Валяу, Сигинцъ, Рингенъ были сожжены со всѣми окрестными деревнями. Жители убиты или уведены въ плѣнъ. (В. И. Р. т. 1. стр. 190).

15. Отъ Вислы для Карла предстояли двѣ дороги, одна вдоль Пруской границы, а другая чрезъ Пултускъ, первая была кратчайшая, но шла черезъ болота въ лѣса Мозавецкія, и чрезъ страну воинственную и враждебную Шведамъ, другая была удобна и не представляла никакихъ препятствій. Карлъ по рыцарскому духу своему избралъ первую, чтобъ имѣть случай бороться съ препятствіями, не думая о томъ, что долженъ былъ беречь свои силы, для рѣшенія борьбы, готовясь къ важнѣйшему ея факту.

16. «Всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную Христіанскую вѣру, и за все великое войско Донское, такъ же сыну за отца, брату за брата и другъ за друга стать и умереть за одно: ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, и злые бояре и Нѣмцы вводятъ насъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной Христіанской вѣры отвратили, и вѣдаете вы атаманы молодцы, какъ наши дѣды и отцы на семъ полѣ жили, и прежде сего старое наше поле все перевели и ни во что почли и чтобъ намъ его непотерять и единодушно всѣмъ встать и чтобъ мнѣ атаману Буловину правое слово дали и думами своими укрѣпили и т. д.

17. Избраніе новаго Гетмана происходило въ 1687 году на рѣкѣ Коломакѣ въ царской палаткѣ, въ присутствіи покровителя Ма-

зепы, перваго вельможи царства и любимца правительницы Князя Голицына. Онъ произнесъ рѣчь, и именемъ Государей предоставилъ старшинамъ свободный выборъ Гетмана. Сначала всѣ молчали, потомъ нѣсколько голосовъ провозгласили Мазепу, другіе Борковскаго. Голицынъ снова обратился къ собранію съ вопросомъ: кого они желаютъ имѣть своимъ начальникомъ? Имя Мазепы снова раздалось въ кругу его приверженцевъ, и Генеральный Есаулъ поздравленъ боярами Запорожскимъ Гетманомъ. Никто не смѣлъ противиться любимцу правительницы. Даже по увѣренію одного изъ потомковъ Борковскаго, Мазепа заплатилъ Голицыну за свое избраніе 10 т. р, которые Мазепа занялъ у Борковскаго, и сдѣлавшись Гетманомъ, заплатилъ ему изъ войсковаго скарба.

18. При движеніи Короля Шведскаго изъ Саксоніи, Петръ I приказалъ на 200 верстъ въ поперечникѣ вдоль Литовской границы зарыть хлѣбъ и пасти стада въ лѣсахъ и болотахъ.

19. Уступка же ихъ непріятелю была бы временная и не полная: 1, съ достиженіемъ Шведами Москвы, южныя области снова были бы защищены отъ непріятельскихъ покушеній; 2, укрѣпленные города служили бы убѣжищами народу, точно также, какъ это было въ Украйнѣ; а сверхъ того непріятельскіе отряды подвергались бы истребленію, если бы значительно удалялись отъ арміи. Опустошеніе же полосы, которую занимала бы армія непріятельская при движеніи на Москву, не сдѣлало бы важнаго вреда для Россіи, по крайней мѣрѣ, эта жертва нашего отечества, была бы искуплена вѣрнымъ истребленіемъ Шведской арміи.

20. Хотя Либекеру было назначено дѣйствовать противъ Петербурга, но онъ не имѣлъ повелѣнія дѣйствовать рѣшительно и по слабости силъ не могъ предпринять ничего важнаго. Сверхъ того не было принято мѣръ для продовольствія войскъ при наступательныхъ движеніяхъ, и наконецъ Либекеръ не имѣлъ необходимыхъ качествъ для исполненія важныхъ предпріятій. Его вторженіе съ 14 т. въ окрестности Петербурга и бѣдственное спасеніе на корабли Шведскіе, служитъ достаточнымъ тому доказательствомъ Впрочемъ, дизерсія и лучше обдуманная и подъ начальствомъ лучшаго Генерала чѣмъ Либекеръ, никогда не принесетъ значительныхъ результатовъ, когда она будетъ разоб-

щена съ главными силами такимъ огромнымъ пространствомъ, какое находится между Полтавою и Петербургомъ.

21. Правда предложенный мною планъ дѣйствій не велъ Карлъ XII къ завоеванію Россіи; но Швеція съ своими силами не могла и въ виду имѣть такого исполинскаго предпріятія.

22. «Карлъ учинилъ ошибки, много способствовавшія несчастіямъ его. Важнѣйшая изъ сихъ ошибокъ была та, что изъ пагубной опрометчивости подвергнулъ онъ опасности соединеніе свое съ Левенгауптомъ, въ то время, какъ отъ него зависѣло обезпечить оное. Вмѣсто того, чтобы сначала похода заставить томиться голодомъ войска свои въ промежуткѣ рѣкъ Днѣпра и Сожи, онъ долженъ былъ оставить квартиры свои при Радайковичахъ не прежде, какъ по соединеніи съ Левенгауптомъ. Выступленіе Короля изъ лагеря при Стариши, было новою ошибкою: не имѣя никакого средства къ продовольствію въ окружностяхъ Мстиславля, онъ долженъ былъ принять мнѣніе Генераловъ своихъ, предлагавшихъ идти на встрѣчу къ Левенгаупту. Остановка на нѣсколько дней, которую маневръ сей произвелъ бы во вступленіи Короля въ область Сѣверскую, не могла имѣть большей важности для Мазепы. Но возвратный маршъ отъ рѣки Днѣпра весьма походилъ бы на отступленіе, почему тщеславіе Карла XII и заставило его отвергнуть сей способъ. Такимъ образомъ, дабы избѣгнуть даже вида неудачи, онъ подвергнулся дѣйствительнымъ неудачамъ. Столь неблагоразумные поступки Короля заставляютъ считать его истиннымъ виновникомъ пораженія при д. Лѣсной, содѣлавшагося для Шведовъ источникомъ величайшихъ бѣдствій.

23. 21-го Іюня Карлъ XII получилъ утвердительное извѣстіе объ рѣшимости Порты сохранять миръ съ Россіею и не возможности присоединиться къ нему войскамъ Станислава и г. Красова, имѣвшихъ противъ себя г. Гольца и Синявскаго.

24. Однако не отыскавши положительныхъ доказательствъ, къ подтвержденію моего мнѣнія, я принялъ предположеніе Бутурлина, какъ дѣйствительный фактъ.

25. Подробности сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою какъ принадлежащія собственно къ дѣйствіямъ Петра Великаго, будутъ мною изложены въ статьѣ о Немъ.